

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Станишевский К.Г.

КВАДРОЛИУМ - КОСМИЧЕСКАЯ РОЗА

Кирилл Геннадиевич Станишевский

Квадролиум – Космическая роза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55165318

SelfPub; 2021

Аннотация

Полный цикл поэтических произведений, включающий в себя научную мысль, футурологию, фантастику и экономическую теоретику. Содержит нецензурную брань.

Кирилл Станишевский

Квадриум – Космическая роза

Навивая страстный скрежет пыли.

Если особь не в состоянии выдвинуть когерентное суждение о прошлом, не охватывает его опытом и памятью или в достаточной степени информативно, то данная особь не в состоянии выдвинуть продуктивное прогнозирование или предсказательное суждение о перспективе тех событий, которые проистекают из причинных оснований непознанного прошлого/информации о нём и вытекающего из такового настоящего логически имеющего причинно-следственную связь с логикой прошедших событий, где пренебрежение данным принципом в пользу прихоти закономерно ошибочно или даже ущербно.

Богиня и поэт.

Как же смог бы удивить? До невозможности уняться! Каковой сердечной пылкостью любить, чтоб в изгнании скитаться?

Мне не видно, приоткройте занавес сценический, где актёры ещё в роли не вникли, словно полусогнутый зародыш в

утробе, ему слышны лишь отголоски зрителей, их сплетни и рассказы резонируя пронизывают стены, застывшие в них росписи.

Раз! И зрелище возникло, наливая жаром паническим кровью, ваши чувства, ваши вольности, и всё мигом сникло, больше нет ничего, лишь аккомпанементы вспыхнули сопровождая вопли новоявленной стихии.

Из-за тьмы мерцает блеск пары глаз и хриплый возглас содрогает кроны: "Я ненасытная хищная морда, хочу изречь не малость толка".

Что же высловить в ответ, каковую ересь, чем сущность сию встрепенуть, чем задеть её произвольность?:

"И как ты здесь в миг грядущий устремившись, очутилось, скользя сквозь кулуары небытия, и не сочти за милость, но диалог возник не зря в просторах рассечённых, ведь кто, откуда и куда, каковы предлоги, неизвестно, эта уместная молва в тот же миг проникла в безыизвестность".

Глаза ярчайшие прикрылись, но обнажился образ тот, что некогда явившись облаком проникся светом предо мной и вымолвил: "Здесь только ты и я, но не быть предрешённости, всё возникает воссиявши, ровно во все стороны от центра отдаляясь, лишь потому, что утопая в нём, всё меняется и всё по новому, жесты творчества пылают".

Ух уж дерзкая молва, должно быть её истоки из предтечей бытия, у самих порогов его логова. Но кто подскажет, коль не

этот край, ударяясь о который, уцелеть дано чему-то одному, а может ни тому и ни другому?: "Что есть самая безумная мечта?"

Изверглась в новь молва с буйствующей поточностью перебивая мыслей лад: "Безконечность до сих пор не преодолена! Всё есть вследствие того! Проблема лишь в том, что не по нашей воле.

Мы производная констатация вероятная в эквиваленте с бесконечность, но я бы поменял местами роли,

Сия динамика предстаёт нашим и вселенским производом, изобилующим соучастием осознанным и непредрешённым, вероятность осмысленности осмысленна самой вероятностью, она воплощена текущим воплощением, инертным потоком, но собою в себе же распознанным, как некоей плетущейся сложностью".

– Явиться? – вопрошает незримое.

– Я не понимаю Вас, сей голос мне неведом. – Возник ответ смыслом зыблемым из неоткуда.

– Может ли родиться то, что знает своё рождение? Можно ли понять то, что не предстало пониманием? Лишь закономерность последовательная даёт простор для осознания, но само становление никогда не предрешено. И этого то стоит, сплетений и терний преграждающих полнолунный лик тенями ветвей пред взором.

Как вас похитить, божественность, если порывы жаркого пыла оскоплены бюрократической лихвой и цепями абстракт-

ций на уровне звероподобной неврологии?

Не кража, не убийство, тюремная скука за пределами тюрьмы.

– Лучше любоваться издали. Я плохо выношу людей когда они находятся в непосредственной близости, но не всех, лишь тех, что путают заборы с ментальными границами. – Неведомое сущностью существо произрекло.

– Царство лишается восхитительности поддаваясь инертному разложению, это его гибель, это его гной,

Да и я вовсе не людской, и мы не увидимся должно быть.

Загадки моих пьес пускай в глуши веков поникнут,

И этот миг пускай утонет в вас, и каждый тот, кто возомнил хоть нечто более постигнутого, распознает тоже тот же час.

– Судя по культивируемым вами образам, вероятно я похожу на нечто, к чему вы внутренне интуитивно стремитесь. Не исключено, что соответствую тому в действительности.

Но образам лучше оставаться виртуализированными, а бытийность и так нами пронизана, что стоит гораздо большего.

– И этот миг пускай в глуши веков возникнет со звоном колокольни резонирующих ласк,

Нет образов, которые я предпочёл бы культивировать,

Картины и рифмы говорят со мной сквозь века, и я проникшись диалогом побеспокоил вас.

– Понимаю, прежде чем смогу сказать, это препятствие

между словами и ментальностью.

– Вы любите море? И любите ли вы? Почему всякое бо-
лестное страстями пены морской не обвито?

– Невиданно, немислимо, непоколебима жизнью стать.

– Даже звезды друг друга разрушают, даже свет во тьме
изогнут,

Он золотом плесканий разорванных себе жизнь у небытия
вымаливает,

Его поспель вспять повёрнута, она разгоняется, но зату-
хая,

Состраданию нет места в любви, оно иссякает когда оке-
аны берегов лишаются,

Так звёзды сияя безмерности отдаются,

Я всё мечтаю стать художником, да времени не нахожу,
эту жизнь рисовать люблю,

Думаю, стоит это делать с натуры,

Явись, богиня, явись!

Вдохновлять мазки живой плотью, пахучей, сочной,

Дабы взыскать в тонах красок соответствие ей.

– Что делать с любовью? – вопрошает летящая мимо души
наивность.

Доносится такой ответ: "Всё само проходит, проходит с
жизнью вместе."

– Я не коснулась вас, и вы меня не коснитесь, это не пору-
ка, а фарс, и он для меня восхитителен. Скрашивание вечер-
ка витиеватыми разговорами, что тоже случается в нашем

мире.

– Не те гарцевые площади ныне! Ну что за извилистость линий, нарушение законов ровных помыслов? Плотские эстетизмы, как припадки, вспотели ладони кривые.

– Ужасно!

– Ужас имеет более внушительные признаки.

Думаю, это из той же жестокости сюжетной, любвеобильной и изувечивающей.

Так и воспоминания порой дороже плоти,

Я чаю в дамах много разочарованности, гораздо больше, чем их приверженность любви, они недостаточно любвеобильны были и все покинули меня, как покидает пыль пиджак встряхнувшийся безжалостным хлопком кисти,

И теперь отныне, мой удел Богиня, и вся моя жизнь для неё, вся моя суть её поиск.

Ваши прелести, да ваши только, им сверкать и пениться, как пенятся волны о береговую линию истираясь,

Но в чём выражена та пощада моей природы, коя вам так нестерпимо зрится?

Только губы алые, за них уже убиться.

– Не люблю смерть. Таково безсмертие.

– Смерть абстрактна в восприятии рецепторики благодаря боли,

Наполнение её образа исчисляется потерями и душевными воплями,

Обманчивая форма поведения, но позволяет некоторым

ВЫЖИТЬ.

Что за провинция источается под вами?

– Ад.

– Всё никак туда не доберусь,

Вероятно это не свершится.

– Почему?

– Мне кажется там нечего ловить,

Я не выживу без южной жары.

– А я его люблю так обильно, мой холодный и любимый,

– Не люблю когда в беседах участвуют отсутствующие ли-

ца,

Пусть струнами тянутся ваши капризы и пускай сгинет адский обитель сатаны под их звучание.

– Капризы – это подайте мне эклеров в час ночи, не то шкуру с вас спущу и отдам моим завитым пуделькам.

– Вы настояли, подобно ром пресыщается древесиной в бочке.

– Скорее просто чуть более осветила свою точку зрения.

– Люблю эклеры,

Ваша точка уперлась мне в душу,

Сердце цвести принялось, аж выскакивает пульсом из штанов.

– Много чего люблю, вселенная не знает ни пощады, ни скупости.

– Все мы любим, пока однажды не перестаем.

– Что еще меня ждет?

– Редкостное сочетание,
Ювенильные радости,
Красота и эстетизм чередующейся новью ироний,
Щедроты роскошной жизни, должно быть вознесение и
гам.

– Подобно шедевральное произведение, что не испорчено
культурой.

– Должно быть и я не тот, что портится о буквы или тра-
диции,

Я мало увлечён дисциплинарной этикой, мне предоста-
точно мысли.

– Мне всего мало, постоянное постижение большего, рост
жизни в необъятное.

– Полностью,

Неутомимая жажда вкусить безконечность.

– Так и запишем в процессе анамнеза. Или оставим для
некролога.

– Для биографа, био графа.

– Когда я грущу, я всё равно рада, что живая.

– Сожаление об упущенном недостающем, но настаигае-
мом, амбивалентность, шизоидная симптоматика.

– Агорафобия и дереализация, дереализация и агорафо-
бия, метаболизм недотягивается.

– Откуда, поясните. Наркотики? Эндогенные?

– Переживания, сезонный реформатор жизненного цик-
ла.

– Вы украсили мой вечер, я вам благодарен, хочется быть вашим беззаботным должником, но по-моему это рабство в беспечности.

– Я за свободу роста к далям вышины.

– Я за рабство чувственных порывов, пусть уздой затянуты будут потуже, и погоня коней чёртову дюжину, пускай за края унесут.

И мигом незримо потехи слоняются пусть, небыль преодолевая и тьму пресыщая узорами страсти, прикрасой оков.

У меня бомба в груди, я взрывотехник,

Пламя несётся по катакомбам артерий,

Корневища нисходят ко мне, расцветают ветви,

Мой сок их питает, выходя к кронам наверх,

Выхожу погуляю, растворюсь в бесконечности мыслью.

Свет!

"каково бы я смел,

да не смог,

но выткнул,

испещрял,

ещё одна капля эссенции эндокринной"

– Ах да, теперь понятно. – Говорит прохожий голос по местным берегам.

– Он томный и тяжёлый. – Молвит обвисшая сединой скала.

– Непонятно, да внятно. – Говорю я во власти разряда.

Самобыт небытия, прости меня! Ведь, как можно разде-

лять отношения с особью противоположной половины рода, словно дружественные или недружественные? Это парадоксальный абсурд. По моему – либо чувства, либо их не существует.

Психологи любят дробить суть вещей до атомов, но не затрагивая исконных основ, и получается, что там уже ничего и не разглядишь толком, сливается мимо по жилам кровь. Дружба с мужскими особями, а женщина, либо моя, либо не моя. Вот и всё!

– Женщина будет с тобой, если ты будешь для неё другом. – Склоняется подальше от сути незримый валун.

– В итоге оказывается, что дружба это нечто неопределённое, аморфное и постоянно капризное, безысходное и лицемерием протискивающееся сквозь боязливость. У меня не было ни разу дружбы с женщиной, только любовь. Дело в том, что пылкое чувство не может следовать в одном векторе, так и звёзды, но бывает, что вследствие слияния двух светил рождается одно и неповторимое, более веское и со вспышками, и таковое полыхает едино не представляя раздвоения никогда более, это вселенская физика, так однажды слилось в яму море, а вселенная когда-то преисполнится тусклыми плотными глыбами, что сбиваясь в массивы начнут излучать гораздо более тяжёлый свет, будет больше напряжения, тогда и проснутся гиганты новых мер. А бывает, что нет, бедлам, остывающая апатоабулическая заморозь, нехватка центробежности в кинетическом стазисе, динами-

ки завихрения мало.

– Хочу увидеть деревья полыхающие осенним пожаром, чтобы волнами их листвы шуршащей мою непоколебимость сглаживало. Не до любви мне нерушимому.

– Это моя смерть, но не полностью, каждая формация в динамике мер растворяется, мысль за мыслью исчерпывается, действие к действию меняет содержащую его плоть и сущее предстающее для плоти рамкой картины.

– Звучит будто это твоя жизнь, но не полностью, рамки картины гораздо обширней текущей восприимчивости глазного или ментального фокуса, а стало быть стоит расширить таковой. – Резонирует сей тон сквозь каменный скрежет и стон.

– Я умираю опутанный отсутствием встречных чувств, мёртв, но кто б оживил. Я бы чаял да таял в сим, но не встретил самоотверженного жара любви на пути.

– А ты представь, что она рядом. – Каменный треск скрипит.

– Так и не родившись? Кто ты? Тебя нет! Я пьянь и авантюрная гибельность спрыгнувшая с морского курса, а ты голос галлюцинирующий невзначай.

– Пьянь и я, моё ментальное зеркало пластично порождает резонанс с твоим гласом и мыслью в такт.

– Не обманывай себя, не обманывай меня, и будет всё, как было, так не будет впредь никогда и поныне. Состояние предсмертное протяжённостью в жизнь.

Спокойной ночи, спи, иначе я тебя пробужу окаменелость позабытая, выпавшая за края восприимчивости биослоёв.

– Мне и так хорошо.

– Рад не видеть. Испорченность умолкшая твоя, ищи бытия или сникни в безмерности заблудших берегов когнитивного края у пропасти.

– Не хочу, и думаю, что мне это не сильно то и надобно в незыблемом покое, мне нравится валяться из воды выглядывая.

– Ты путаешь приоритеты не по своей причине, ведь оперируешь лишь со случившимся в безучастности.

– Кто-то ублажает себя влагой веками с места не сдвигаюсь, размокает на берегу вечности. Это долгая судьба и в ней всякое довелось видывать.

– Таково святое видится вам?

– Святейшее, меня нет, но ничего и не требуется.

– И здесь ли? И была ли изломанность залежей песка, словно туман пулями просеянный подвывал над золотым блеском смертельных искр с терзаемым их жалами ветром.

– Ну не совсем, святое не позволяет осилить убиение, так что прости, я полежу ещё немного, пушусь в забвение.

– И не новость, и умер бы в твоих осколках, как напоследок робость идущая стремглав с обрыва соскальзывая неловко, наполняется мятежами в предвкушении убийственной боли, последней всевышней кары не одолённой собственной данностью.

– Не надо умирать, не надо, это же так прекрасно жить в предвкушении смерти.

– Ну что ты, ну что же. Издыхающий поэт, никто не измерит сие и не сможет.

Избавься от меня пока не поздно, я испорченный блуд из морских пучин, ханыга, заколдырь мнущий тропы местной гавани.

Прости, прости, я тебя предал выпадая из внимания к были, и словно небыль ищу, да ничего не найти среди нахлынувшего в буйстве делирия.

– Ищи, проси, умоляй, выпادي за край, если требуешь.

– Давай взбодряй молекулы!

– Ледяная вода лучше это делает, с каждой отходящей волной норовлю уснуть, но тут же одёргиваюсь водной свежестью с хлётким испугом неожиданности, каждый набег повторяет предыдущий и ни разу не находит полного соответствия. Так где же и кто здесь? Вон мера несущая сложила новую траекторию движимую истоком самой вечности. – И с небес осыпается градом с горох, льда безудержный поток.

– И пусть до небыли прорвутся скупые узлы отчаяния се-го, чтоб тебя коснувшись непробудным рёвом похваляющей ругани, продеть петлём ещё один узор.

– И пьём сию кровушку раздираемых полотен, словно хищная сущность зубцами кромсает плоть.

– Извини меня говорливого до немоты в окаменелость упёршегося смыслами, ведь здесь так одиноко.

– За что извинить?

– За пьянь, за ругань, за уловки.

– Ладно, но в последний раз, запомни, соизволь вникать в сию поруку.

– И ты продолжай, немая пустота обездвиженности, отсутствие полнящееся мной.

– Я умер навсегда, всё, расход по отдельным кульминациям,

Тебе весело, а я смерть, томный яд, нерушимый ужас, умолкающая в бездне глыба.

– Ужас милостив в моменты несущегося мимохода, даже превосходителен.

– Это уже живность! Доведётся, увижу во всей красе твою роскошность, коли каменную плоть растоплю, да потечёт лавой красная муть безысходно и парящими дымными смолами развеет скованность душ.

– Красный цвет, цвет жизни и буйства, а красота ерунда, затмлённая чувствами явь! – подытожил поэт.

Скала на берегу: "Полная ерунда, так что уповай на изысканность и чуткость, я проверю прежде, чем пройдут века.

Пышность мысли твоя да будет и в том уверенность, и в том тебя я не выкину из памяти. Бывай!

Приятных сновидений, буйствующий поэт". – Молвит пустота, божественность, любовь и убийственная боль. Но не притворствует ли?

– Я повержен алкоголем и чувством дрянным! – Неудер-

жимый рвётся крик.

– В другой раз. Спать иди! – камень раздаётся хрустом и скрипом.

– Ветер, чеши мою разнузданную главь, угомонюсь же в пору позднюю напоследок, когда навсегда.

Самая высшая точка бытия пестрит всегда здесь, непосредственно, рядом. И ты, пустота до смерти немая, обнажай свою прелесть, пока тебя не узнаю во всеобъемлющей ипостаси. Всё человечество изощрялось, вся жизнь вилаась кровавыми струями, рвущейся плотью металась, дабы ты сейчас осмыслял и в сопутствии том внял вопль безрассудный!

– Какую прелесть в сей миг вы разумеете?

– Ты пользуешься моментом и мной! Я тебе дам во всею преисполненность!

Будешь попусту выть в изгнании, словно волчица в лунном свету облизывая свой блеклый мех с золотом полуночи оседающим на него под веющий пыл паров выдыхаемых вслед туману тянущемуся за смещением масс воздушных.

Слушай меня, я для тебя слишком молод, уходи по хорошему в томление безкрайней тиши.

– Да, ты прав, я всегда ведовал то до поры той, до какой не был прохожим мимо несущегося вселенского вихря.

– Что за лажа?

– Лужа небесных слёз, солёное море прямиком из космоса в космос.

– Мне не хватает волнистой ласки шторма в быту, но по-

хоже я обойдусь.

– Я спать хочу! Сколько можно прощаться? Вечность непробудная!

– Спокойной тьмы, ночи, неутомимая обездвиженностью поза, мысленная пустота ветра, дьяволица скалой притворяющаяся, любовь, но не сейчас и не здесь, словно на вылет сквозной в брачных узах волокшащая прелесть, не успеть за которой увидывать силуэт житейский должным образом.

– Прекрасно. Я умолкаю, впереди неограниченная ничем бесконечность.

– Ты меня лучше вылечи безвозвратно.

– Обязательно, ты уже мой пациент.

– И я умру, на большее не годен.

Нет, сейчас уймусь, значит гожусь.

– Ну ладно, соизволю твоей милости исчезнуть этой ночью, но ты забудешь под утро, что вечность коснулась роли житейской, словно укутавшись хворью за жизнь свою дерзать побредёшь и найдёшь нечто непревзойдённое.

– Остряк каменного надлома в натуре, вот это упоение.

Был ли? Может буду пьян. Вся жизнь мечется, подобно мечется веер меж увесистостью воспоминаний и лёгкостью забвения.

Тьма, сон, красочные существа переливаются светом и исцеляют меня, они есть я, я их порождение, я их игра, их божественный дар, среди вселенских пустот вожделение.

– Доброе утро. – Раздаётся в солнечных лучах голос мне

неведомый.

– Кто же это? Соизволь явиться!

– Не обращай внимание, меня здесь нет, не было и не будет.

– Я ожидаю живого общения, визуализируй свои переживания не посредством голоса в моей голове, неявленное и бессмертное, ведь поэт никогда ничего не забудет! Предлагаю поправить это живой обстоятельностью несметно.

– Это невозможно, хотя реализуемо!

– Нет ничего невозможного в рамках вселенских закономерностей.

– Но нет желания, каково в основу бытия уложено, вездесущего и всемерного.

– Возжелай и иди съешь тогда покуда вожделеется.

– Пойду и сожру полностью.

И накрыло приливом валун, он ещё немного булькал, раздавался резонерством каменный стук, но шелест волн берег смывающих утром, смывает и прошлую ночь, засохшую на ладонях соль и с глаз мерцающий блеск звёзд сквозь ушедший сон.

Девушка персоной мне неведомая прогуливаясь по Солнца отблескам поёт, напевает неслыханные мелодии, гласом их завивает. И всё то, что было сном, откровениями онейроса рассеялось, и я тяготеея уклоном с их обрыва в бездну утренней были, пробуждаюсь, погружаюсь в явь легкостью падаю-

щего срыва, подобно плод поспевший.

– Какое платье красивое.

– Спасибо!

– Лишнее, сказал бы.

– Что вы подразумеваете?

– Зачем вам намерение игривое в виде произвольного обозначения? Это предлог завить продолжение? Я из самых лучших побуждений, не подумайте, или не простите, если сыщете в сим оскорбительность.

А в свободное время вы заняты?

– Свободное время отсутствует.

– Я любовь имею в виду. Выходите за меня замуж.

– Непременно.

– Я нуждаюсь в практикуме бесконечности, из себя её развёртывая в сей миг наружу питаюсь ею же.

– Секретная информация не должна распространяться наравне с мелочностью поступков и суждений.

– Она не распространится, она утонет в моих объятиях и я понесу её на руках в безоблачность дали вселенского сдвига на встречу светилам, в том числе тому, что пригревает покровы плоти вблизи.

– Откуда мне знать, гарантии устойчивости необходимы ли?

– Возьмите же их и отдайте всем существом ситуативной специфике, всею сущностью, всею плотью.

К делу, мир не может ждать или не вы сим живёте, сим

миром, сей отданностью?

Жизнь наполнившая здешние условия немислима, хотя тотально закономерна, её требования неустанны, и сил на них не жаль, а может и не хватит.

Давайте же, почувствуйте эту энергию, омойтесь ею,
Отдайте ментальные координаты порывам поэтовым.

– Я неотлучно занята.

– Ну невозможно же! Кем или чем?

– Делом, даже и представить себе не можете, каковы дела озадаченные покорением вселенной.

– Где? Какой? Не вижу! Я вам помогу, чтоб было быстрее, нужно заканчивать с этим неймоверным делом, хотя бы ненадолго. Ну же милая, ну же!

– Сама неплохо справляюсь, а закончить неодолимое, значит оторваться насовсем от возможности быть.

– Ладно, я буду только смотреть и говорить, сделаете всё сами.

До сколького часа вы заняты делами? Когда перерыв?

– Зачем вам отлучение от не имеющего прерывания и границ?

– Хочу вас выручить, мы будем шагать по ветру и веять постигнутое.

– Не думаю, что вам то под силу.

– Не нужно думать, поэт метафоричен и подразумевает чувства.

– Нужно жить, жить всецело! Понимаете?

– Дайте подумаю. Кто здесь не преуспел?

– Слышали ли вы когда-то голос поэта? Его пьянь? Вы любите гулять по улице?

А цветы,

Говорить стихами,

Я готов вам посвятиться,

И я не пьяный,

Но если вы не пророните слова, то буду,

Не слышатся возгласов наматы,

Всё! Я ушёл погружаться в пьянство,

И в горе, и в море любви.

Раздаётся где-то крик: «Погоди, погоди, сейчас всё будет!»

Нет, не мой удел непоколебимость ожидания,

Я буду верен своей душе, своему скитанию,

И за беспокойство простите.

Ещё один куплет того же утра, обрывок той же природы непробудной, того же случая.

Воздух наполняется светом,

Солнечный день рассеял сон,

Избыточное пышное место,

Скопление жизни тонов и самых чудных форм.

И встал с поляны побережной полусонный, и в даль побрёл поэт. Но вдруг неведомо откуда молва пролилась в слух.

– А вы верите в случайности? – Заговорил тот голос, пре-

краснее какого нет, и словно его не было, но вот он, очаровывает, и я пред ним триумфально повержен, словно предначертанным гипнозом.

– Смотря под каким углом понимать случай.

– Любой результат действия и само действие можно рассмотреть, как случай. А случайность зачастую понимается, как неизвестные действия приведшие к некоему неожиданному результату, который сыграл или до сих пор играет определённую роль в нашей жизни.

– Неизвестные действия в меру их нераспознанности перед свершившимся. Случайность даёт повод распознать.

– А разве происшествие не становится случайностью только из-за дефицита информации, которой при некоторых обстоятельствах мы не можем владеть просто физически? Хотя важно ли это всё? Случается-то всякое.

– Я с вами полностью согласен, случайность это лаконичная формулировка тех случаев, которые заведомо нам неизвестны.

Воздвигаюсь порывами и утопаю в них, тону в избытках зыбких и цепляя краем мимолетный миг, он прогорает беспощадно на глазах оставляя ожоги, встречных потоков следы.

Нежные, алые щёки ваши, какво увидеть? Манящая свежесть плодовитая, что краше огнища в камине, дайте мне немного отведать тревоги, моё сердце ранами обвитое требует опиума любви,

Дайте ему перешагнуть за края рока, непознанной участью одарите,

Так волнуется море, шепчет о прогулках Луны,
Она скитается подле, токи их струн обвиты друг другом сродни,

И я бываю жестоким, но лишь безудержностью,
Плоть моя, мои руки смиренны, но никому не под силу
управиться с рвением души,

Никому не под силу.

– Впечатляюще и ужасно, вы похитили моё внимание, беспощадно и нагло.

Я оборачиваюсь в предвкушении, норовлю узреть исток сей молвы осязая всем телом её трепет, пронизывающий лоснящийся миг. – Благодарю, о, милая, благо дарю вам, немислимими силами пронзают чары сердца,

Пускай будут забытыми, пускай хрупкий мрамор, непоколебимость гранитная придают форму векам,

Плотская же сущность сакральных порывов не ведает, не ведает и предлогов возвыситься за пределы отведённые плотью,

Подобно скребущему небеса Вавилону рухнувшему по эскизам природы людской, подобно течение жизни по руслу дороги с грязью вперемешку,

Сливаются ливни рвущимися грозами, ибо парят в лазури дня облаками пышными, покрывая тенями миры и народы, солнечный жар в себя впитывают.

– Вы говорите так, будто ваша жизнь и вовсе не имеет стати. – Постепенно изяществом линий проявляется образ, лик богини, с которой говорил, она меня посетила, преисполнив миг изяществом, восхитительностью, и я преклоняюсь пред ней, в чарах её любви отдаю ей жизнь. Да будет "Не жизнь, но любовь!"

– Вы нереальны, я в вас не верю, вас не существует, о, богиня,

Притворившись атеистом буду гордо бредить, мол, не красоты это и вовсе не неземные, теперь и отныне,

Смотрю лишь пристально на вас, словно в полнолуние по лунной дороге прогуливаюсь морем в шёпоте переливающихся ласк, ведь больше нет ничего, ничего кроме сияния нетронутых бликов,

И воем, и вою, вострепнувши замерший воздух в долинах, безжалостно изгоняю тишину,

Не тоска, не голод, это воля бродит по пустыне цвета нежнейшего кожи, в оазисах глаз дивных тонет и задыхаясь стонет в блаженных муках любви.

– Лето любите? – Наливает её голос бокал бытийности.

– Больше всего на свете, и вас люблю больше лета.

А природа? Мне здесь всё нравится, кроме людей, они весьма часто приходится мне не по нраву... Такова аксиома проблематики. Нравятся отдельные персоны, с которыми терпимо находиться в непосредственном аудиальном контакте.

– Почему же? Что в них не так, о любезный?

– Частоты их мыслей выпадают из диапазона разумных амплитуд,

Вот ваши божественные колебания атомов скомбинированных по оригинальному случаю мне всецело впали в душу, вы везде и всюду, вашим гласом частицы поют ударяясь друг о друга, они вращаются в такт с ритмикой моих молекул, жаждут ядерного слияния, срастаются в ещё одно Солнце.

– Да! Они поют, их возгласы в танце утопают, вихри пламенные кружат и бархат кожи обжигают.

– В ходе общения с вами заметил не много броских деталей, но большой орбитальный размах, вселенский. Так изначально подметил, вы себя позиционируете в умеренных дозировках не выдавая всеобъемлемость, вы великая тайна, это притягательно, учитывая милость и нежность вашего облика, который предстаёт предо мной.

Вы видите мне очаровательной, очаровывающей немислимой притягательностью, ведь вы Богиня.

Что вас влечёт помимо пандемий и массовых вымираний? Чему посвящаете досуг?

Меня терзает параноидальный приступ, моя психика рвёт и мечет помыслы, но они вновь срастаются, о вас, перед вами.

– О, так милостиво с вашей стороны, я польщена извитостью трогательной мысли, что предreshена в образе вороча-

ющейсѣ живности. Моё бытие произрастает снами воплощеннѣй здешних.

Я клеймлю судьбы людей, направляю их и даю сгинуть, если они не в силах совладать с сопутствием вселенского ведения, коего коснулась божественная участь, но преодолевая людское в себе, они возносятся в небес обитель. Люблю особ уничтожающих себя осознанно, но создающих необъемлемые прекрасные миры, увлечённых, постоянно жаждущих и страстных, безумных. Порочные вдохновляют и одаряют большим спектром эмоций. С такими хочется быть уничтоженной вместе, но никак не выходит.

– Я до костного мозга пронизан вашим откровением, подобно излучением, искренне, оно создаёт чувство соприкосновения запредельного, незримого, немислимого. Наверное это и называют душевным родством, всеми сочащимися клетками и всеми колебаниями корпускул, не знаю, что это, но чувство всей вселенной сплетено, словно ещё одно бытие рождается, а старого будто никогда и не было. Опять у меня язык заплетается, и я не пьян, но и не назовёшь меня трезвым. Вы дразните меня, вы издеваетесь над мной, дозировки "вас" слишком малы, я жажду упоения вами и совместной с вами суеты.

– Прошу прощения, но живу я во вселенских глыбах, и мне не хватает вас в дышащих ущельях простирающейсѣ были.

– Я вижу в вас пылкую всеобъемлемость, не встречал до-

селе качеств божественных, они явились сим,

Пишите мне по небу, пишите мне реками, я буду ждать, так ждут привержено событий, эпохальных ростков, всем отдавшись полностью и целиком, для неё и ей, любимой и родимой, той, что ждёт, той, что не забудет безудержный вой, проникновенную суть. Я ваш, с именем, без имени, я ваш и сам не свой, я ваш всем пылким буйством и вождедеющим чувством, всем искрящим мигом, всей плотью, всей душой.

Эхом раздавался чей-то голос, сопровождая скользкие вагоны вдоль степи,

В них не люди едут, это вой души груженный до верхов летит, ускользает в струнах серенады звонкой,

Ночью летней изумрудной под шёпот морских волн, о любви поёт, о любви поёт, и тянет ту минуту, растягивает на вечной партитуре песни тон, но миг уходит вновь и за собой уводит, здесь утопает слов незримый поцелуй, забирайте, он ваш и вам дарован.

Сплелись в объятиях проросших богиня и поэт, изъявлять нечего, распускаются цветы вьющихся ветвей.

– О, милая, милейшая, я посвящу столько вам поэзии, сколько будет нужно, и даже если не вовремя сдохнуть дано мне, они будут в созвучиях тонких источать свою суть, пусть сыплется осенью золото, пускай осень пылает стынувшей летней жарой в лёгкой прохладе веющего морского вет-

ра, подобно подавленный крик в послевкусии винном, нежелание боли притуплённой блаженством, я вами очарован и вам этим отдан всецело.

Порыв страсти обузданной волей к вам выпускаю,
Не имеет значения, будет и есть ли итог,

Нет места суевериям и ожиданию, лишь непрерывное производное, так закрутился сей узел, и его вовек не расплестая,

Поведать суть его берусь.

Было, значит будет, и в этом жизни дивный жест нами возникший.

Вы мне близки тотально,

Некая умиротворённость с озорницей тиснетя,

Я хочу услышать её прижавшись вплотную ухом,

Видеть красоты ваши и только.

Мне кажется, что я избытком страсти случай порчу,

Разубедите меня или выкиньте к чёрту наградив разлукой.

– Портите? Искорените подобную меру из своих помыслов, прошу вас, глупости какие. – Засияли красоты неземные и образ её обнажился ветром с песком играющим, донося прохладу капель оторванных от волн края из бездны пучин, и протягивая руку к ней, в ней утопаю, ничего не нащупываю, не вижу, не понимаю, кто из нас исчез, кого из нас нет, наши касания, порывы осязания, они в разных мирах, но неотъемлемы.

– Ну, что за радость, что за благодать? Я намереваюсь всею

плотью, рвением душевным, это мне необходимо, подобно воздуху, дневной свет и тьма ночей, я буду говорить с вами даже тогда, когда вас нет, ибо чувствую повсеместно неотлучность присутствия, я собираюсь в один конец, жить для вас без возврата и безвозмездно. С вами рядом всё под силу мне, моя богиня, моя любовь, моя награда.

Мы завертим жаркий вихрь вверх,
Пусть уносит в синь небесную,
И в мерцании ночных камней,
На дне ручьёв вселенских,
Да встретятся алмазы наших дней,
Их сохраним, в память уложу на веки.

Ласточки играют с песней, выются в волнах омываясь золотом Солнца, издали прилетели помыслы о них, озорные летуны морские, посвистывают, почирикивают о своём птичьём, должно быть о гнёздах, о перелётах, об оттепели, что однажды была и была неоднократно забыта, ведь жара плавит образы, неутомимый ветер и какой-то вымысел поэтов, и какой-то замысел заветов.

– О, богиня, вы всюду и вас нет, я с вами навеки,
Вас не мог ли видеть? Вас не мог ли позабыть? Исконно робкую милость, незримую нить событий,
О, насколько же вы прекрасны, милая! О, как же вы, в сим изяществе лилий зарева дивного, чарующей поспелю

смогли в свет нещадный выйти, сам свет изумив?

Мой взгляд словно цепи, словно плетни прикованы, привязаны,

Не смею лишь выйти из берегов ваших, не смею из почвы взойти, я в ожидании сигнала, весточки, писем сотканых грацией нежной руки,

Мне ничего не важно, я сам себе неважен, я здесь и отдан порывам неведомым,

Может быть не буду вашим, может быть и вы моей, но в мире ведь всё наше, там, где миром этим мы явились счесть,

Мой взор плывёт вдоль берега журчащего, выхватывает в нём дивный цвет, подобно незримому порогу,

Переступая который в каждом впервые исходящем стихе.

Общайтесь, люди, общайтесь стихами!

Это есть крайний эвфемизм,

Самые большие секреты остаются несслыханными,

Я утонул, я утонул в любви, моей исчербленностью вымерено, эта роскошная порука скитальчески ускользя по небыли, всё забывая, будто ничего и нету, этот мир безпросветный словно катится по мне.

Зачем же, зачем? А может будет вершение правды?

И вы не слышали главного, этой песни, которую услышать ещё негде,

Музыка, пожалуй, возникни, я призываю вопия сего бытия,

Возрыдает симфония настырная созвучием резонирующих мембран,

Возможно вы угадали случай,

Ведь вы же есть, ведь вы же необъятна,

Небесной далью изгнаний стремились и видали рыдания пред виселицей,

Спадали жизни доколе судьбы прониклись насколько пронызывались обстоятельствами,

Вы здесь и звенья ссыпающихся оков звучащих,

Вы слышите? А может слышали?

И пусть уносит собой безграничное в каждый миг фатальный!

Ну как, и вы возникли сим?

Почувствуйте свободу, вездесущую явь!

И непробудный сон, и неведомая мысль, вновь рассекает бремя быта смыслом, посмертно и пожизненно, и скучно, и не заскучаешь, стон неслыханной мольбы и чаяния,

Где я, где вы, никому сие неведомо, мой бог не раздаёт секреты, моя богиня никому не принадлежит, их ведь словно нет, все святыни тщательно сокрыты от безалаберных укоров и безучастных бредней, и в данной последовательности событий меня словно ещё не было, так никого не ждёт паромная пристань, но однажды судно приходит.

Не тщетность ль? Да нет, неподобно и немислимо!

Люди оглянувшись всей толпой, повывкатывали очи, и

вздывая руки под неодолимой высотой между прочим, дирижировали каждый своим хором, каждый своей симфонией.

Что за площадь, что за базар? Откуда столько дивных всплесков из шлепков ладоней? Да каково вам иллюстрирующим быт и непокорность наделять сей шум и гам довольством?

Мне интересны ваши мысли,
Иного не коснуться,
Пускай ветра о морду мою рвутся,
Я добреду куда ни будь,
В объятиях любви, ей себя я посвящаю,
И ей всю сущность мига отдаю,
Моя стихия, моя слабость, моё могущество,
Ведь сим нагая жизнь, её потоком страсть бурлит,
И ревнивые затоки, тонкостей рассвета знатоки,
Звонкая ахинея с пьяной руганью звучит,
Ничего неуместного в уже возникшем,
Бесстыдно ускользя растворяет ветер мысли,
И раздаваясь лаем произвольничают псы.

Путники моей тревоги, путники моей мольбы, я вас сопровождать готовый до устья Стикса, до дна бездонной глубины, да не подведут меня мои ноги, да ваши крылья вознесут к местам где нерушимые горы во вздохах вытягиваются ввысь и небеса пронзают, с них осыпается порох крови за-

сохшей на остриях вершин, ещё никем не зажжённый, не вышедший облаком, не вспыхнувшей души, и я обезумев радуюсь понемногу, к нему потаённо, в себе огонь сохранив.

Ангелы с воронами кружа спускались в золоте небес струящем, изливаясь чистым светом, разгоняясь сквозь облачные петли, воспевали порождая куплет за куплетом, припев за припевом.

И солнца свет, и тень ночей, и пар пустынных миражей, мелькают в ожидании завета, плавится горячим потом лето, это тело мыслит, так уверенно себя узнавая во всём, и смазывает линии границ кем-то когда-то напетых, словно никого здесь нет, словно никогда и не было, но одиночество несметное всегда находит грани стороны иной, и с поры той становится заметно, вот он я, вот и все, вот и всё,

Никакой приметы, лишь всевозможные обличия сует ростка вселенной, где из него поток любви изливает свою песнь.

Знойная жара, она мною повержена и меня повергает, но я знаю, как её оседлать.

Серая хмурица с синевою и морщинистое море, мельтешащие зады и лица, мимо проплывают, летят,

Ветви дикой маслины лезут в глаза,

Ну где же ты, где, лунная дива, свет твоего золота может снова во мне утонет, снова утонет может,

Но вечер уходит, жизнь вся уходит, и ты уходи,

Мошкара в холоде ноет, покушаются на кровопролитие комары,

Заслуженные уроки незаслуженной перед уродами жизни, дарования дарованной плоти и мысли.

Кто-то крикнул из толпы: "Жизнь по определению, это нужда, потребность возжелавшая вольности и ставшая ею, она терпит крушение загинаясь от собственной корысти.

Движение, движение вверх и никакой безысходности!"

– Кто ты, дивный друг, чей голос извергся из толпы?

– Страшные люди, что не знают справедливости,

Должно быть они не знают любви,

Должно быть не знают взаимности,

Немыслимое дарование, неммыслимое. Сложнейшее сочетание в виде жизни.

Ни об этом ли?

– Именно, но с той тонкостью, что нитью намотана на мою шею,

Низшие из повадок человеческих, это те, что ниже уже некуда, мнящие поверженность, но сохраняющие завышенную требовательность, чтоб без причины кривить лицевые жерла, под ногами путаться перманентно, истекая ротовою пеною, мерзостная дерзостность или просто выблядочность, страх попутавшая с вдохновением, искрит изъянами, а ни жемчугом, перил обвеиватели изрыгавшие своё назначение

коллективным месивом под видом фактора количественного, мол, нас много, а качество не обязало ничем, но есть в этом проблема, в стадной инерции количество так или иначе находит определяющий вектор, ни сегодня, ни завтра, но обязательно находит, иного социальная природа ещё не ведает,

Не поэзия это, не поэзия, а какая-то масса увесистая.

– Ведь ты поэт, ещё из тех дремучих своей сущностью непроглядной, зыбучей, подобно скопище атомов. Поэтов нельзя провоцировать, они не то чтобы не вникают в суть или не понимают таковых жестов, они в один прекрасный момент откликаются втройне на ущербность, но когда соизволят счесть.

И толпа в себе разуверилась.

– Ну что за сонный день меня настиг и морит? Ну что за листьев свежих тень играет томно на глазах и тропы кроет?

– Можно заметить разную стилистику жизни в общих очертаниях свойств её проявлений относительно персоны. Стоит развивать эту тему согласно имеющимся промыслам общества, государства и быта.

– Вы правы, ведь вы тот, с кем не о чем спорить, ваши мысли поют и возвышаются, а ни норы роют под заборами тех, кто предпочли мелочность величавости.

– Моя любовь в моей груди, но не клетка это, она выры-

ваётся сквозь нервные сплетения души, в бытие источаясь
изумлением и веянием,

Изыди моя песнь, к музе моей возносись, к её прелести,
её безудержности, её капризам,

Лишь ей одной дарую сей взгляд, сию жизнь, всё, что ею
пронизано, моё блаженство, моё страдание, мои мысли,

Пусть она от наслаждения взвизгивает, пусть страстный
рвущийся вопль посвистывает,

А я буду пожизненно очарован ею и влюблён в неё, и ни-
кто не узнает, будто всё то бессмысленно,

Не слышно, не видно, словно покой поставлен на кон,

Но тот, кто поведал, возглавил пик божественными лоза-
ми обвитый, пик незримого рока вышины.

И бредил без усталости поэт, и глас его исчезая отдалялся
во внемлющем слухе, и ночь обнажаясь выкатывала скрежет
сверчков, словно то блеска звёзд звуки.

– Кто здесь? Опять никого? Откуда возникла подобная
сцена? Кто её автор, кто изыскал рифмы пьес?

Его нет! Но кто же слышится здесь? Забвение, смерть,
ядовитый жизни удел или узел страстей окунувшийся в без-
дну и вынырнув вместе с ней одновременно в обороте каж-
дой стороной повёрнутой, вот тебе, вот он, я вспомнил, я тот
самый, кто пролил вино на лицо, опьянил суетой роскошной
и слышал в ответ таковой сценический куплет:

"Одурманенный печалью вылетает напролёт вчерашний день; ну зачем?"

Он изрѣкший вечной далью поневоленный пробег, искупает светлым знаменем в свет ушедших в летний век.

Дух капитализма бродит спрашивает всех: "Куда вы все идёте, за горизонты всё заглядывая по воле неутомимой, ищите свою добычу скромную не черпая небес, не в облаках побережных, о коих поневоле мечтать расторопно, безутешно?"

Быт современности не столько удручает, сколько убивает истинные творческие порывы, это измельчание менталитета согласно которому человек не видит, не являет, не обладает плодами своих деяний, он, как и каждый из них, всего лишь замыкающая деталь органической круговерти, локального назначения в определении их габаритов, что в общих чертах выступает как всеобъемлющая безрезультатность, поскольку общий механизм устроен в уподоблении деталям. Но самое забавное в этом, диссоциативность, согласно которой человек не только не участвует в становлении того, элементом чего он является, он психически изолирован от причинно-следственных связей становления большинства вещей наполняющих его жизнь, но при этом являясь их неотъемлемостью и даже зависимым от этих вещей, начиная с технологий, заканчивая устройством общества на всех функциональных уровнях. Это убийство цивилизации, убийство творчества и достижений, исключение открытий и

истинных свершений.

– Думаю, в качестве экономии энергии можно сделать экран флуоресцентным, возможно электронно-чернильным, словно смотришь в бумажную книгу глядя видео, либо излучающим фотоны из схем фотоники имеющей вычислительное значение, но напрямую подавая световые лучи на фотопиксели, генерируя свет без аккумуляторов.

Парниковый эффект настиг мою душу и душит, планетарная вселенская баня, воспаряет и студится осыпаясь прохладой конденсированной влаги,

Но ведь когда жарко, потоки горячего пара не в состоянии сразу слиться дождём, они протирая друг друга в объятиях начинают искриться и лишь после остывают вырабатывая свою индуктивность в виде импульсивности молний.

Слои атмосферных высот с соответственной плотностью и термальностью определяют погоду и сезоны дождей.

– Как вам небесная электростанция? Облака сами делают своё дело, но вот ктоб окутал их проводами и подключил к электросети? Доброе утро, готовим сами, электричества немерено, хоть под землёй, хоть над головами и крышами. Радио луч летит просекает планету, немислимое орудие, конвертация молниеносного в рентгеново, здравствуйте, до свидания, послание со спутника по комете, вот и растопленница растёкшаяся по небыли.

Возможно и воздушными шарами поддерживать трепета-

нье в куплете, так изысканейший камень преодолевший пепелище и прогорания, высветил, высеял свои приветы, воссиявший в ночи изречением по выкатанной скатерти, ушёл и прибыл в назначение своевольным соисканием.

– Долго ли мучение моих терзаний и врагов? Не зря ли на вышедшем из жести облаке колесили в пути по дороге?

Пронизали, проняли, и выпили без остатка. Каковы они Панамовые изгнания, где искатели троп пускаются вдогонку, рыщут ищут должных мест, должных чертог, изыскали жизни блеск, но не унялись панорамным ликом цен.

Поэт.

Болен жизнью, смертельно,

Это одиночество простирается слишком далеко,

Что обретено, что потеряно, не знаю и знать не хочется,

У меня нет ничего кроме плоти, законы которой за пределами принадлежностей,

Пусть будет всё, будет так, когда ничего не случается, ибо всё есть,

Обрывками недогоревших писем прощальных судьбы пропахли,

Останки воплотившейся мысли, принявшая когнитивную форму пыль,

Ожидание, признак отсутствия над пропастью повисшего,

Несоответствие впечатлений и суетности разность рисует,

Я не в стороне,

В центре вселенной,
Но мира иного,
Где летают демоны и музы, цветут очерками поэзии,
В танце жизни и смерти среди пылающей любви,
Очередная коллизия двух сущностей неразлучных,
Вылились росписями неровных рисунков, художеств ро-
КОВЫХ,

Контуры болезни проявившейся чувствами,
Прожигающей до пепла, души разъедаая до дыр,
Всепоглощающий случай вселенского сгустка,
Жгущие руки, глаз огни,
Впервые вас встретил, о, богиня,
Сияют блики лика в ночи,
Образ ваш бесконечностью вытканый,
Отбивает ритм плещущей участью в моей груди,
Рвётся горящим напором, но о главном молчит,
Разносится по склонам потусторонних порогов,
Танцую покидает пределы граней мирских,
Бытие здесь тронулось,
Сдвинулся с места мироздания гранит,
Остаётся лишь послевкусие острое поцелуя,
Некоторые превозвышено зовут подобное чувство все-
вышним,

Но тихо, для проплывающих мимо неслышно прошепчут
уста,

Лихие жесты существ невиданных прорежутся блажен-

ством сквозь собственный прах,

Распыляются меры, впервые таковыми представ.

Плывёт через море к горам за звездой путеводной, слегка расторопный, но не упрямый, словно туман гонимый ветром по небесам, подобно изгой, что в собственных скитаниях вслед за неведомой новью отрывается от всех привычных основ.

Она ведёт меня, ведёт за руку, в танце растворяется взгляд,

Сознание распыляется в истоме блаженной прострации,

Слияние незримым моментом обоюдно ускользает,

Стоит лес нерушимый, безмятежно молчит,

Нет ни шороха, ни искры,

Лишь зелени пышной глубины поглощают и топят тайком,

До свидания, Атлантида, покорён твоими просторами,

Рек игривых извилины изласкали мой взор,

Столько берёз никогда не видел,

Среди них замирает вся жизнь во вдохе,

А далее на прощание, словно с милой, прикосновение локонов никогда не забытое,

Стоит лишь коснутся любви, так вся жизнь погружается в милость,

Безпрерывных скитаний души в такт стучащего по рельсам поезда,

Неподалёку слышатся всплески волн, шелест южных равнин,

Объятиями спокойствия меня встречает дом, хребты холмистые, изрезанная морем береговая линия,

Ну привет, бездна опасной пучины, моя песнь раздаётся о том,

Твоя природа и в блеске далёких святил над тобою,
Где нет ни людей, ни их помыслов, замирает мятежность в ночи,

Аромат цветов распустившихся впадает в безбрежную пору,

Не бывает много от души, бывает душевная паскудность или малость мелкоты,

Жизнь прогорает искрением хвороста, дров, источает безвозмездно тепло безхозное,

Времена красивые, только всегда кто-то всё портит, острая нехватка благосклонности,

А свет и строки стихов уходят обратно к звёздным вершинам,

Словно скитальцы пожизненные хоть раз возвращаются к истокам,

Так вырываются ввысь все песни, молитвы и светлые мысли,

Ничего не случается поздно, если жизнь случилась,
Пусть рассыпаются драгоценные камни, пусть разливаются вина.

Как не крути обстоятельства, творец есть сотворённое. И речь не о постулатах или догмах, речь о том, что не имеет опровержения. Творец будучи творцом является тварью, его бытийная сущность возможна только тогда, когда она пребывает, но она пребывает где-то и в чём-то, имеет исток, и так бесконечно, всё имеет исток, и каждый исток исходит из другого истока, попробуйте разгадать свою природу и вы найдёте его, и творца, и исток. Это скорей физика, либо метаморалес неотлучной динамики, создание объективного знания из мысли, из логоса, присущий жизни и любой сущности материализм. Исходя из того, невозможно опровергнуть такое изречение: "Если есть "что-то", то абсолютное "ничто" невозможно, ведь что-то не может произойти из ничего". И не важно про что идёт речь, про материю или про бога, поскольку любое наличие исходит из чего-то, являясь чем-то, оно не может исходить из "ничто", это невозможно, поскольку ничто ничего не определяет, это бесконечная пустота не имеющая ограничений. Следственно, всегда и везде есть "что-то", если есть хоть что-нибудь, и это делает полностью невозможным абсолютное "ничто". Всегда что-то исходит из чего-то являясь тем, это делает их полное отсутствие физически невозможным.

Материя есть всегда, вечно и бесконечно, иначе её не было бы или её нет формально и закономерно. Следуя этому принципу высшая форма жизни или божество достигает са-

мой сути бесконечного "что-то", продуцируя себя по нарастающей, по опережающей всеобъемлющую инерциальность материи, чем собственно и является жизнь, но ещё в простой догоняющей и отстающей форме, в большей степени производной, чем производящей. Получается, что понятие боги или бог как таковой возможен только в форме абсолютного патетического творчества, перманентное оргазмическое созидание большего чем он есть, опережающая достигаемость большего, рождение и произрастание, безпредельное плодотворное экстатическое пребывание в том, чего ещё не было, он всецело превосходит творчеством то, что он есть, опережая события, он творит себя прежде, чем бытие сможет взять инициативу, бытие исходит из него, а ни он из бытия, но божественное никак не подобно человеку, бог не может иметь людского облика или уподобления ему, а следственно космизм и физика вполне божественны, ибо целиком отражают действительность, творческий материал. Так и мы в подобии его отголосков являемся тем, чего не было нигде и никогда.

Людам конечно же далеко до абсолютного созидания бытия из чего-то сырого и однородного, как окружающий космос, но мы либо исходим из того, либо зародыши этого. Не имеет значения, где бог, впереди событий или позади в прошлом, развитие должно основываться на эффективности и идти к ней, поэтому за константу берутся и исходные параметры, и динамика их следования к форме результата.

История цивилизации прорывается сквозь жизнь нанесе-

нием себе фатальных и необратимых увечий, болью, растерзывая души уподобляющих её себе и тех, кто сдерживает её своей глупостью или прихотью.

Для детей, для невинности, жестокость – это забава. В естественных условиях, где нету социальных внушений или зачатков зрелой культуры в осознанном возрасте перебивающих естественный аппетит к жизни, жестокость проявляется по умолчанию, как в дикой среде. Но наигранная уравновешенность бесплодна, безынициативна, травоядные имеют свойство внушать наивным социальные формы поведения искажающие естественную природу, привилегировать посредством эмоций одно и занижать приоритет другого, даже если это не меняет жестокость и разрушительность многих аспектов жизни, лишь поверхностные личины, но тем из века в век искореняя социальным синхронизмом гибкость мыслительного аппарата из всего рода людского, ведь ограничиться лицемерием могут только глупцы. Все манипуляции и формы поведения образуются через полученные эмоции (боль/удовольствие) по врождённым колеям метаболизма, в ходе чего формируется опыт и воспоминания, рефлексы и навыки, рост нервных ветвей, из которых самые основные являясь исходно обусловленными, неизбежными в нормальной физической среде.

Диетический культ, звучит абсурдно, ахинеитически.

Диета может быть только оздоровительной или профилак-

тической.

Что ожидают обездоленные? Что они воцаряют собой?

Ни небо, ни море, ни солнца пылающий огонь!

Чего здесь ещё нет? Всё готово!

Лишь не хватает истинной воли, её воплощений, в деяниях всеобъемлющих, непокорных,

Нужны не сторонники, а пророки,

Нужны не управленцы, а господствующие,

Не люди, а вершители,

Своей сущности хозяева, мира предстающего провидцы.

Через порог перешагнут не многие,

Но врата распахнутся,

Царство грядёт, его зарево на изумлённых лицах,

Никому не под силу оглянуться, никому не под силу взор отвернуть от грядущего,

Всё к нему стремится!

Но кто укажет путь?

По поверхности морской с волн переборов, утомленными отблесками сползают очертания строк, природы немой, но услышанных возгласов, увиденных намёков, вечерние росписи не знают, не помнят, без ведома собственного участвуют в разговоре, стрижи вместе с воронами подминают розовое небо зари криками беспокойства в преддверии тьмы ночи.

Вот и на зеркалах перламутровых моря в вечернем том-

лении, ярким огнивом отражается уходящий день,

Птица жаркая перья облачных крыльев распахнула замерев
образом полёта на просторах небес,

Стынет облако за облаком растворяясь тёплыми оттенками
во тьме,

Веет лёгкий вечерний холод,

В вышине ночи предстающей искрящее виднеется тепло,

Прорезается мерцанием звёздным, далеко, далеко,

Безполезно тянуться,

Не коснуться рукой,

Солнцу не раз взойти предрешено,

Иначе откуда сей мир?

Отчего и что подсказывает опыт?

Хронологическая цикличность даёт время всё обдумать,

Но немая природа надежд не даёт,

Слова не проронит,

Зато не врёт, и правда её бывает жестока,

Значит, ничего лишнего не возникло,

Значит, так быть должно,

Познавательные диалоги с естеством,

Безответные вопросы,

Между живым и не мёртвым,

Составляющим нечто одно,

Взаимосвязь единая,

Но именно в том разнородность,

Вариабельность неподобная порождена мельчайшим

СДВИГОМ,

Из некоего шороха нарушившего вечности покой.

Я это сказал на всякий случай, так всякий случай жизнью предстаёт, на перепутье дорог, с которых сойти невозможно, да и не нужно, да и не хочется.

Танец ублажающих речей,
Шёлк вьющихся волос,
Бархат таящих прикосновений,
Грация вытачивается страданием и болью,
Через сито ущерба и пустот душевных дыр просеяна,
Всё либо слишком просто, либо тяжелее некуда,
Золотой середины, похоже, мир давно лишён,
Сопутствуй вдохновение немереное,
Провоцируй на дерзновение строф,
Пусть текут соки муз одиноких,
Влагой ссыпающихся рос,
Словно с розы лепестков, ароматом ветру навевших,
Словно с ладони кровь, куда макнулись шипы её,
На губах солоноватым привкусом,
Шероховатостью пальцев о нежность алой щеки,
Высохли и впитаны лишений мимолётных следы,
Мы похитили то, что возжелали и видели,
Восхитительный миг,
Стук рвущегося сердцебиения, за края вышедшего,

Извергнувшись из груди.

Луга тропами сглаживаясь предстали мельтешащим трепетом, касаясь лоскутом поверженным взгляда, и шепчет струнными струями ветер, ласковый привет от богини шлёт.

Скобля небесную даль травы ввысь вьются, стопы безчувственно приминают стремление скованной жизни,

Избавленные от тягот творческой мысли, суть свою исполняют, высшей участи ждут, соучастия невысказанного, всевышнего чуда,

Их форма зыблема, но она всюду,

Количество – источник качественного отличия, масса порождает дифференцировку, но исток гораздо уже устья, он фактически ничто, всему сопутствует разгон, даже измотанное чувство из всплеска однажды родилось,

Значение имеет лишь вектор продуктивного нарастания, творческий рост по сути, остальное же не против в бездне утопнуть, без следа кануть, словно степь сгорая рассеивается в ветру.

Вновь пришёл я в людный край, где внимание не приковать, везде мелькают озадаченные лица, появляются и тут же вмиг сникают, в быту жизнь от неизбежности сокрыв.

– От кого вы прячетесь, горожане? Здесь никого нет, всё только ваши сетования на собственные обереги.

– Неисповедимы наши законы. – Раздался крик скрытый

из толпы.

– Да, что же вы? Форма номоса людского проявляется нежеланием и покорностью.

Не любите вы убивать только потому, что не любите быть убитыми, страх быть убиенными в вас произрос, закрыв своей тенью испепеляющий грех неосознанности. Сие дарует спокойствие, но это и тернии, доступная лёгкая жертвенность для тех, чей аппетит неугомнен, чей каприз безутешен.

– Кто бы говорил? Молвишь словно приспешник из мировых! Вон картофелины цветами покрылись.

– Где я был и где быть мог, даже не знаю и не видел, Волочащейся усталостью ног наливаются в лужи мотивы, В душе бездна, она везде и всюду, но вот и дно, и вершина, Это то самое место, где сумрак прилёт безызвестный, Балансировочный оптимум, инициатива не наступившей гармонии,

Болезненной иронией порождает исток,
Восход кинетикой плетённый срастается с взором,
Взаимность нерукотворная, она есть божество,
Движение за движением, порождение за порождением,
Лишь этим полнится сущность,
Иначе её нет, она разогналась в безконечном падении,
Но вдруг в полёте очнулась, волю узрев зримою участью.

В миг неожиданно рассеялась толпа, вокруг как было пу-

сто, так и осталось,

Вот и настаёт ад, настигает всеобъемлющим послевкусием остаточности, здесь просто ничего не бывает, ничего, ни величия, ни малости, ни искусности, аморфная некомфортность.

– Они уходят, они бегут, они презрели мою дорогу, мой путь, всё потеряно и ничего не вернуть, в моём бреде не все утонут, но пожелал бы вам хоть глаз мокнуть, немного и тихонько, я никому не расскажу.

Огни далёкие ведь светят, великолепия им вдоволь, нужны покорения, иначе никакого сюжета, иначе нет от воя проку.

Свершение воздвигает меры и обрамляет суть, именно в свершениях рождены все жесты роковые, сего мира формы сумев изогнуть.

Я бы выжил, но не в этом мире, но не тут, мои лиры мою душу несут, посмертно и пожизненно, рождённый – уже безсмертен, но лишь пока не умер, ничего нового, всё как и прежде, красота и ужас, нет никакой спешки, даже свет никуда не торопится, другие темпы, иная хронология, мирские циклы губительно медлительны, хотя всё уже вплетено в этот круг, всевладычица безысходность, всевладычица несусветность тупиковыми петлями вершит и правит судьбы, всякую непокорность представляющую вновь и впервые, что выходками произвольными провозглашает толк.

Я видел, как голуби мира пестрят в полёте и срут на выщербленную поверхность были, видел их милость кивающих голов марширующих шествий, что годится лишь мякотью нежной в плове и в супе.

Подобно темы щекотливые порицательных рассказней неотлучных, хлопают и исчезают, словно крылья в дали небесных высот.

Любой звук разглаживается исходящей волной, мимолётом прокатываясь по массе воздушной, так и мы гости все-ленских пучин раскидываем кости и флюиды, словно верблюды немые растягивают слюни среди миражей по дюнам пустынным в надеждах влагу вкусить и ещё одно утро увидывать.

Омываются друг в друге чьи-то души и поют: Мы потеряны в чертогах тоски расставаний, раскиданы в ветвях выющейся блудницы,

Испещрены в жажде покаяний, о стены разбиваясь воздвигнутой в себе темницы,

Луч струйкой тусклой пробивается сквозь залежи хранящейся наивности,

Хочется ускользнуть по его нити, просочиться из недр, потоком выплеснувшись,

Прилечь на ледники талые, сплавиться под давлением яркого светила,

Чтоб массы плотских формаций в журчащем ручье рассе-

ялись,

Вон над горизонтом облако пара стремится к безкрайности вселенной.

В приглушённом шёпоте тьмы искрится небосвод, мерцающие пересечения сближают жизнь с забвением в упор,

Идолы скупые тихонечко шуршат и повергаются, в изгибах кривизны гнущейся материи воображают отпущение от собственных забот и тягот,

Расписаны сюжеты всех допустимых сцен, партитура вывернута дыханием наружу, колеблется сменой между гибелью и длящейся болью,

Звук об истощении исходит попусту, ненужно, к нему привыкли,

Ни восприимчивости, ни восхищения нет среди поникших волей,

Раздаётся лунный вой томящимся гудением, тяжесть глыбы зазывает за собой,

Пронзает серебром опавший с ночи пепел,

Дым всюду кроет следы строк!

– Где же источник, где же огонь?

Вырывается пламя швыряясь плетью дерзновений, истекает кровью плоть, вот и тепловой поток скопившихся телесных имений, пение струит израненной душой.

Вдруг, словно сладкий сон рассеявшись выводит взор к журчащему ручью неподалёку, дрём наваянный ни к месту в сумеречную пору.

Прохлада чуждого вечера, ускользящим теплом лучей, последние проблески мерещатся, погружается разум в сновидение, но что-то его придерживает, талые вещи, тленное тело, растворяется в танце упоения издали звучащий голос, накрывают сверху тени, размывают облик со стороны виднеющийся, вот и облако надвигается медленно, больше нечего оставлять, сюжет последний, ничто не воротится вспять. Вспомни ворона с крыльями надломанными, он не торопится, но пристально глядит по сторонам, резкий испуг, плоть вся вздрогнула, словно укус змея бодрящий, пригрелся на тёплой груди, убаюкался в амплитуде дыхания волн спящих.

Но вселенский ад сильнее сна, сей обитель пререзает свои контуры сквозь любые подобия отразившиеся из мира сутью в отблесках глаз изумляющегося существа.

Аромат волос ускользает, что в памяти хранился,

Образ вьющихся локонов нежно касается лица, утихшим ветром пронизывает,

Источник порывов исчез, его нет, только нервные волокна сплетаясь цепляют небыль,

Растворяется голос мысли в тиши, словно нити шёлковых струн утопают в напевах,

Остаточность мерклая воем восходит с глубин,

На самом дне израненный некто, но его не видно,

Жажда не находит пристанища, воспаряет ввысь из бездонных недр,

Но что-то осталось, в зное прохладой стелется лаская
уставшую плоть,

На глазах тает безконечность, словно сахарный кристалл,
алмазами святил по ним рассыпана.

Кто она? По ней сей возглас возник!

Отдаю ей жизнь, покорён блеснувшей неожиданностью
мига,

Под небосводом словно нет тревоги, лишь лозы вьюнко-
вые прорастают испивая соки плотские,

С корнями сердце выдрано, распахнулся цветок, он кос-
нулся безпредельного тягой безпрерывной,

Корень в почве томлённый удержать его не в силах, и ни-
кто не смог,

Дай мне ещё сил, безликий, восходит твоей любовью
взросший плод,

Ощущаю шевеления тихие, накатывают приливами со
всех сторон,

Просьба была услышана, если раздаётся волей в неведо-
мость проникший голос,

Нет боли лишь в бездушных истоках, жизнь из оков своих
вырвалась искрами полыхнувшими колоритом чувств,

Так солнце из себя выныривает, рассеивает пыл, нарушая
вселенский покой творческой силой.

Ночь в аду.

Ускользящим веянием в шёпоте дней взгляд очарован

образом ночи,

Незнакомой загадкой таится в покрове теней, блик тёмных волос, блеск глаз в одиночестве,

Миг утопает в ней, но я словно прохожий, иду и думаю о новшествах,

Цепляю шорохи аллей, вдыхаю аромат растений, ведь и им присуще бережное хранение, краёв, что переступают смело с гибелью верной в игре,

Так форму обретает всё живое, так мир изношенный обламывает хрупкие стороны о пророчества и становится круглым,

Я отвлечён от всей вселенной, в забвение выпущены все контуры непостигнутые,

Не знаю, сколько нам отпущено и есть ли в бытии, то место, где страстью вопиющей омываются пленённые друг другом,

Но знать и верить не хочу, сие достойно только чувства, словно дикий зверь попавший впервые в зыбучие пески, панической участью проглатывает единым вдохом жизнь,

Никому не под силу и некому измерить власть отпущения, словно пропало всё, но ничего не потеряно, он не отпускает до последнего, предельно плоть исчерпывая, гонит в жилах огненный сок.

– Я слышу плетущиеся речи, молва, этого не может быть! Неужели в адских чертогах можно что-то запечатлеть или ко-

го-то встретить?

В холодном дыме зланных мест клубятся диалоги,
Из тех, кто входят в адские круги, не все осмеливаются
выйти,

Пёстрые слова цепляют подкожной грациозностью,
Умоляют плоти произвол этюдами несвершившихся со-
бытий.

Когда-то их здесь не было, в поисках намёков не сыскать,
Аутопсия, как никогда востребована,
Лишь так обнажаются причины, присущая матчасть.
В детстве за истиной заходят за заборы в покровы сокры-
тые искать её признаки,

Ими же ограждён этап пошагового выхода из плотских из-
гибов,

Некоторые не видят, словно не видно сна,
Так разгорается однажды свет предлога,
Тянется по бездне продолжительность,
Безпрерывное стремление к чистому пороку,
Совокупность несоизмеримая,
Колблется воздух в преддверии строк,
Молчание никому не слышится,
Так не заподозришь проходящего мимо в причине,
Тишиной поглощённый уход,
Нет пунктуации в устах, они не раскидываются письмами,
Прерываются разговором, прерываются на путях,
Слышал где умолкает море, куда западает вздор шурша-

щего костра,

Гляди, вот мир покидает облако, в просторах тонет,
С него каплет хрусталь дождя,

Разность во времени исчисляется динамичностью и пространственными нестыковками,

Но мимолётом исхода, дарованным жизни накатом.

Черти сидят в карты играют, у них в мешках души раненные сочатся, рыдают, а бесы сим свои лица опрыскивают, умиляются в адском жареве. Доносится веселья преисподневского звон.

Пройду ка я мимо, им здесь хорошо, не стоит безпокойства их тонушая алчность.

Расставаясь навсегда с событиями теряются их следы,

И лишь незримыми нитями представшего вами существа,

Полотно красками не крытое норовит что-то сказать,

В поисках тонов и оттенков, о главном умалчивает тишина,

Никто не выронит сказа о том, чего найдено не было,

Говорят о потерях, об ущербе воеет страх,

В этом то всё дело, мелкое приобретение порождает всеобъемлющий крах,

Окутывает планету единоличная беспечность скупая, на несоизмеримость вселенной не взглянув,

Эквивалентность всем затратам – вот истинный размах, божественность творца, жизнь поводящего за космическую

грань,

Иначе всё подвержено лишению и непредрешённому претерпеванию, ведь и мельчайшие пробоины топят издавна суда,

Сила сдавливающая вакуум силе баланса корпускул равна в их обоюдной сопротивляемости.

Головокружительный треск грома и шелест дождя,
Ссыпается на жизнь бурлящую, с её глаз сползает,
Адское жерло, гончий дьявола истомлено кивает,
Тьма беспросветная, безнадёга и горе,
Прислужники мерзости никогда не будут порождающими,
Они не приходят, они не уходят,
Словно море, волны выбрасываются на берег,
Одна за другою.

И громозд кучных дней, и слов безудержный помёт,
Боготворческие сюжеты вымоленные жаждой плоти,
Кто расценивает это зрелище, коим восторгом?
Безконечность согласована вашим явлением,
Не согласоваться с идиотами, они безупречны,
Безутешность безрезультатного напряжения под чёрствой корой,

Это не душевное, а животное, скорей преисподневское,
Выдавливание всплесков эмоций из незаконченных полотен,

И я безутешен, но мыслью из волокон вечности сотканной.

Адский гончий пёс несётся, лает, воет, верещит, я к нему повернут, дабы успокоить поверженный дьявольским огнём писк.

Голова довлеет на вселенную,
Бытие ворошит,
В сосудах загустелых,
По колеям пламенных рек,
Возносится вслед за святыней и грех,
Отдаю свободу ругани, а чертям дарю конец, пусть питаются поэтовыми муками, бздец свой унюхают пусть,

В эту жару ни у кого нет билетов, она разодета неповторимой безупречностью, вот её смыслы, вот её суть,

Не нужно поверженности, не нужно тонуть, только взвешивание размерно себя воссоздающее,

Зачем же, зачем?

Мой размах шире! Размах, какой не обогнуть! Я люблюсь вершинами слоняюсь по самому дну.

Нюхай меня, чуй мою запашину, ласковая преданная пси-на, я с тобой, моя милая, я с тобой, верный друг.

И бредём отныне вместе, я и верный пёс, он обнюхивает окрестности дымящихся адских борозд.

Стыдное чувство нечто упущенного, чего-то преувели-

ченного пылом безумствующим, но самого стыда нет.

Где же он?

Пуще вопросы, пуще ответы,

Всего не изложишь устно, молва это вещь отдельная, но многомерная,

События, прелести, ужасы, глупости; глупости наверное,

Кто-то поверил мне, кто-то превозвышено обозвал, кто-то унизительно прельстил,

Мы творим образы, воссоздаем их в чувствах, в эмоциях, и это послевкусие тщательно отобранное истечением жизни, словно вино лучшее, только потому превосходно, что его тона текут по устам, сквозь предтечу всех истоков, пропитывая плоть соком из почвы взошедших лоз, пьянящим ароматом плена,

Другого нет и не было, но ведь бывает и так, когда вино не приносит чувства победного, бывает жуткий кисляк,

Нужно лишь помнить и миг тем полнить, что не всякая мера учит достигать, это опыт, отчасти неприменимый и безнадёжный, отчасти блаженный, а может излишне скромный, но никто не подскажет и некому сказать покуда жизнь безконечности отдана.

Ваше поведение, вашим полнится существом,

Некоторые называют это душой, я именую это богом.

Я сегодня пьян! От нечисти и почестей,

В изрытых на сердце ямах витают очерки стихов,

Упиваюсь жаром, испулён огнём лоз источенных,
Ядом проливается сквозь дрожь необратимый танец,
Растекается по жилам, растворяется и речь выносит:
"Взгляните ввысь! Откуда там увечья? Где взяться поро-
кам?"

Жизнь пронизана веянием богоподобным,
А вечность молчит, издевается,
Такова её забота,
Исконно продлённая без предела.
Где мне найти вас, где вас найти мне, о, богиня?
В сумраке парализованных фраз я ищу истинный образ,
неведомый лик,
Словно коррозия мир от себя опустошаю,
Не видел в храмах, не находил в преисподней, в тиши об-
нажённой режусь воем, взываю, лишь о любви, лишь о люб-
ви молва моя сложена.

Но нет в аду божественности, нет её здесь, нет, и это чув-
ство подверженности распыляется в пламени изгибающем
душевные меры возносясь к небесам уже распущенными мо-
лекулами.

Антракт:

И случаем жизнь предстаёт, и в жизни случается всё,
Каждый оборот небылой формы, каждой изогнутостью,
Вы видели себя, вы видели весь мир, воображимые края

непреступные,

Упорядоченный реактивностью бедлам, буйствующая восприимчивость,

Чем не безумство, названное организованностью или конструкцией?

Тягота к надменности блещущего сообразительностью зверя,

Что за мир без поэзии, что за пластиковый треск вместо звона?

Меня словно нет, этот социум для меня непригоден, но вот он я, в паутине будущих пьес разыгрываю случай посреди эпохальной непогоды,

Так и должно быть, так уместно, всё прошлое, всё прошлое, но каждый миг являясь новью.

– Когда с первых слов становится ясным, что речь не содержит сути, в таком случае вывод, не то чтобы сам напрашивается, он даже не возникает. – Вновь раздался голос, прекраснее какого нет, и мой ошеломлённый ворох возносится наверх.

– Вот и она, её я искал, и здесь её встретил, она услышала мою мольбу, моя богиня, всевышнее снисхождение, вселенской щедрости чудо.

Вы только взгляните на сей прикованный к вечности взгляд, ранимый подобно плева, проплывающий словно белоснежные облака, незыблемо, нетронуту и нежно, обволакивая смежность меж мирами, меж бездыханным и задыха-

ющимся в муках блаженствующих.

Апофеоз прострации в предвкушении экстаза, помятость не принявшего форму мира, он скрипит и покрыт весь дрожью в перемешанной с потом пыли, томятся вина непролитые, лишь с шероховатостью бумажной вписываются пятнами пронизывающими, без слов развеянных стихов, ласковым изяществом размазанных извилин.

Такова была сценическая картина!

...

В поисках сюжета сквозь эпохальное окно.

Некто на театральной сцене в круглом свете прожектора на фоне бардовых занавесей в шляпе прикрывающей тенью лицо, в чёрном смокинге, в белых туфлях и перчатках, с тростью имеющей прозрачный круглый наконечник, начинает повествование вопрошая о том, каков сюжет и где его сыскать.

Каков сюжет настигнуть долей пепла? Каков сюжет витает на кону? Никто не видит и никому не счесть, но все терзают жизненную сущность, все обуреваемые ею, несметно, неотлучно, с затеей или без, всё длится от и до, но то неведомо. Поведать взяться нужно и каждый миг берусь.

Кто вы? Где вы? Каково? Соизвольте. Иначе жилось ли, если мерой неотлучной не обрамляется поступь? Если утра-

та не жизнь, то что же? Вероятно избавление, но и это длительность, доколе не отпущено и зреет, что отпустить не хочется, да и не зачем, коль не сдерживается и вьётся закономерным прочерком по пустоши.

Как же? Да вот, берёшь слова и складываешь смыслы, конструктор символический, но весьма вариативный.

Но где сюжет? Сюжета всё равно не видно, зависли помыслы изыскивающие обрамление жизни пестрящею строкой. Посвящаю сие солнцу, вон той поточности, что буйствует и жжёт, и душу, и плоть, и буйство, и покой, и муки, и истому, жалит словно нож, но необъятно, словно небыль.

– Что преисполнено этой эпохой, чем воплощается форма её?

– Перманентностью, необратимостью и похотью, попеременно с приверженностью за одно.

– Революция, это предел выраженный в событиях, но далеко не всегда преодолевающий себя,

Соитие бремени и произвола, что порождает структуру новых времён,

Ни желание движет эпохой, ни идея, а ситуативная выгода сопрягаясь с плоскостями инициатив разных социальных сред, ибо то не мало, не много, возможность возыметь, а ни суетность рассеивающая свою форму,

Но как не крути, за горизонт не выскочишь, куда и как

ни шагни, хоть сквозь толщу хронологическую, все события
обрамляют порог и даже форму переступающей его стопы,

И есть ещё мысль, она слагает каждый подход, каждую ви-
димость.

– Всё равно не вижу, что есть сим и каковые эскизы про-
низывают меры воспринятые,

Выгорел дотла нерв любви, не будет больше такового,
Сфера поэтических изощрений и только,
Хоть вой, труби, горлань в пустоты вечные, слетают лишь
стихи,

Сколько хочешь, почти что безупречные,
Наука от заката до зари, и всласть, и впору выведать,
Покуда не мерещится, а там глядишь и заискрит,
Несметный сменщик отовсюду, сущностью кинетической,
Эпизодически сменяя сюжет за сюжетом, кадр за кадром,
Восход закатом, закат восходом,
Отводя кульминации место, даже если не требуется, коль
не зреет когнитивное,

Даже если каждый раз поводит за потребностью,
Исходя из чего, роботизация роботизации неизбежна,
Но необходим и душевный вектор, указывающий на то,
что вышина требует покорения, адаптации к тому, что имеет
гораздо большие меры и изменчивость, чем автоматизация
замкнутая.

– Вы слишком заранее сникли, старость не нами предре-
шена, а значит нуждается в упразднении, бесконечность не

может быть оскоплена, ни вечностью, ни человеком.

Так ясный день, вонзаясь в кожу,
Так далёкий свет зари миров иных,

Во тьме утопших,

Содрогает жизнь бессмысленность и смысл,

Переменчиво слагая меры,

Знайте люди вешающие всюду цены, вас хочется купить и
выкинуть, чтоб не изображали аскетизм и бремя,

Дурость не дело, тем более не справедливость,

Куда не сунься, с другой стороны высунешься,

Сквозной проход длиною в жизнь,

А длина её никому не предписана.

Вон виднеющееся пламя, кто-то разжигая неумолимый
стон взывает о непомерной ноше, это крайность неистовых
чертог, обитель произвольности, в ней не исчерпана судьба,
но и не лежит в основе. Что же это? Что же? Кто ответит?

Из-за бугра скомканной были переваливается безликая
глыба, от неё молва доносится.

– И уничтожали они жизнь полагая, что обрамляют её
форму,

Начеркаю ка и я толкование стихотворное,

Пока мысль доносит голове, каковым содержанием наде-
лить строку мгновения,

Помни, чтец и внемлющий, без опоры выси нет,

Во всём важна последовательность,
Всё формируется на основе неопровержимых мер,
Не существует ничего, что не обосновало бы текущее со-
бытие,

Ничто не отсрочено, кроме грядущих форм происше-
ствий,

Жизнь, на самом деле весьма хрупкая вещь, но не бере-
жётся ею же,

Инерция стремления выжить не есть бережность, порой
лишь бездушный инстинкт,

Здесь требуется когнитивное, более чем, но как заколдо-
вано было, без опоры выси нет,

На пиру всё съедено обычно, а вот пиршество не поро-
ждает дальнейший миг,

Представь войну за пропорции физические в участке все-
ленском, незримом ни оку, ни мысли,

Наша роль не предрешена в ней, но находится на нише со-
единений неорганических, словно то даже не жизнь, а нечто
ещё не слепившееся в сюжет.

– Так что же ищем мы, коли того нет? Возможно ли по-
стигнуть небывлое? Как выплеснуть, как сотворить? Инструк-
ции нет, придётся копить опыт.

– Немой стимул, немой день, словно крышка консервная,
без вскрытия не изъять содержимое, не вынести достижения
за края достигнутого, не поймать за хвост удачу, будто навер-
няка не изыскать озадаченности тем, что не имеет ни оста-

новки, ни предела.

Показалось ли? Да нет, не может быть, чтоб казалось не имеющее границ и тем представляющее жизнью, буйство её несметно, но всё во вселенной прерывисто или по научному, дискретно, от того и длится между тем и этим, заплетая частицы в форму неизбежности.

Адский шорох хаоса, не физической ипостаси, а произвола людского в угоду когнитивной пустоты, сугубо врождённым инстинктом программируемой,

Пустота, она всюду и ничем не ограничена, безпредельное отсутствие чего бы то ни было,

Но дело в том, что явилось жизнью, то быть не может возводимым не мыслью, иначе сгинет, как однажды сгинет всё звериное в безпросветном скопище эпох,

Мелкодушие и всеобъемлемость материи поглощают всё, что одолеть их не сумело, и исключений, увы, здесь нет.

Бредёт мимо некий проныра, не сумевший не вымолвить и своё «фэ».

– Хлещущий ад над головой вновь воссиял, масштабный фонарь не только до нас дотягивается, ночью таких много вдалеке видать, но не все говорящие,

Хоть бы сколько, несметно и конца тому нет, по крайней мере не заметно,

Вонзается в пропасть не прожитый век, толи взглядом, то-

ли жестом, чередуя по переменной звёзды и промежности,
Но что-то не к месту, чего-то здесь ещё не было, беско-
нечность требует роста без предела,

Как будто бы где-то, как будто бы есть ещё время на дан-
ный куплет, но неотложна участь, а ею многое не счесть,
от того и перманентно Солнце хлещет, пока не выключится
свет, внутри или вовне.

– Пожар над головой перекачивается дальше, перекачивае-
мся и мы, но молвит ли, или то послышалось? Глаза слепит
светом и не увидать мимикрирующего лепета, что доносит
стихи.

А тон полыхающий не умолкает и сыплет слово за словом
вселенский запев.

– Большой передел мира, во имя процветания, во имя
любви,

Жажда вымереть ради достижения, что несметным сле-
дом пятнает жизнь,

Вон, гляди, звёздам безразлично, но озарена вселенная
ими,

Куда там незамысловатому бремени, что сущность по зем-
ным породам волочит?

Со скотскими мерами, со скотскими мотивами даже из
почвы не взойти.

Так голосит святило...

Проныра шёл и дальше закатывая свой куплет в свои го-

ризонты, но жизни век имеет больший радиус, гораздо больший, чем то отсутствие, какого нет, что не полнит сюжет смыслом, ибо истолковать потребно в слаженных сплетениях речей, восходящих из пучины здешних мест, каковые предначертаны не нами и не predeterminedены никем.

Ночь, сея звёзды умолкает, водрузила неотлучный сон, и жизнь, словно ничего не зная, исчезает в покое.

Вот и утро развернуло меня лицом обратно к Солнцу,

Никто не просил, будто наглёж, но греет приятно не коснувшись покоя,

Главное чтоб не до угольков, главное чтоб не в последний раз,

Не сотворено слишком многое во вселенских просторах, ещё многое не видалось из несотворённого,

Лишь бы не холод, лишь бы не холод сковывал мрачной мерзлотою усталости,

Хочется лета и бурного роста зелёного, чтоб хватило тепла плодам неспевшим,

Чтоб вечерами щёки не стыли и румянец сиял краснеющий.

– Доброе ли утро?

Добрее никак, если настаёт везде,

Всюду разливаясь светом, подобно вину белому в хрустале,

Тучи встают клубами пара, чайки сверпеют в зареве жары,

Бодряк взошедший из ночи лицезреет и творит течение мысли,

Лови, лови, пока не выскользнула из виду, пока не сорвалась приступом роковым с ментального обрыва,

Пока резонирующий звон струн звезды космической придерживает суть в тепле,

А тело движется, пульсирует, наводит жуткий смысл на головы тугие, что застопорились в зазоре меж былью и небылью, увязнув между тем.

Не обознались ли скупые продавцы, из голода соткавшие величественность и умные выражения лиц, что притворствуют во имя сюжета, ибо реалии непосильны, гораздо непосильней, чем воображение, где укрыться и сникнуть, пропасть и исчезнуть, ещё будучи живностью, но так и не поспевшей.

Вон ворона по сторонам глядит, изображает мудрость, так ведь хочется знать суть, так ведь хочется, что проще высказать и пьедестал, и вершину, чтоб не затруднять свои капризы, чтоб не срыгнуть прекрасное чувство из недр дивных, поневоле, поневоле умственной, что кажется сковывающей и лишней, яко нечем преисполнить мысль.

– Что мы всё о мысли, да сюжете?

Некак больше возвеличить пыл?

Айда, друг мой, выстроим нечто, что метит за пределы зримого.

Взгляни на небо,

Там ли чего нет?

И тьма, и свет,

Всё и ничего,

Как будто бы, но вот же, вот,

Несметною ношей, которую не взвесить целиком,

Не объять, но поносишь истирая стопами и выдыхая с воздухом,

Пока не разомкнутся звенья скованные блаженством и болью,

Всё поглядывая наперёд,

Что там, да сколько,

Лишь бы преисполнить волей вселенские просторы,

Так поступает творчество,

Пример достойный,

Достойный почестей и подвигов,

Размахом в жизнь,

От молекулы выующейся до цивилизационных вершин, до миграций межзвёздных,

Так дистанция сокращается меж производным и производящим, меж формой и жестом созидания,

Но обстоятельно дистанции и так не было,

Держите быль за всё, что возникло,

Ведь то необратимо, не ограничено ничем, хоть и весьма

зыблемо,

Лишь интенсивность сопряжённых количеств, локаций и мер обусловили ситуативный предел, исчислённый продолжительностью,

Но сама ситуация предела не имеет,

Вон, взгляни на небо,

Там ли чего нет?

– Парниковый эффект настиг мою душу и душит её, влажность 100%-ая тропических широт, сначала опадает избыток испарившийся, а после топится витанием паров разгоняющихся о Солнце?

Не мне ли видеть сущность природы, если смотрю я в неё, ведь бесконечность стремясь плодилась и наполнилась не будучи готовой ни к чему?

Только задумайтесь, бесконечность, она так долго была, всегда просто.

Каково быть тем, что не имеет края, ни до, ни после?

Порой о том не подозревая, как то животное, согласно реактивной сущности бредёт и воет, на себя возлагает явственность контуров, что встречно изволившись предстают,

Ведь то немислимо, но мыслью оформилось, обозначив себя из себя,

Вечность в себе топится и собой восторгается.

– Раз уж мы завели диалог в поисках смыслового сюжета, откуда, да и кто знать мог, что есть, как, зачем? Стоит ли

поиск самого себя, коли порождён собою и ищет себя же?

– Боюсь, ищем мы не то, что уже найдено и не нуждается быть искомым, вокруг непокорённая тайна, не имеющая ни начала, ни конца, словно изнанка собственного тела, весьма уязвимое место, то и стоит превозмочь, избавиться от зыбкого положения действием и познанием.

– В мире принято замыкаться на выдумки в ожидании чудес, на деле же лелея поведенческий гедонизм и скудные интересы, не более чем, отсюда тупик и мерклый сюжет, если не сказать отсутствующий совсем.

Что может быть хуже виртуального пространства заблуждений в непокорённой безконечности?

Это всё равно, что субъект претендующий на владение мерами материи не учитывая её ни в коем случае, несовершенная выдумка претендующая на то, что её взрастило, формально слепая инстинктивная сущность за пищей протянувшаяся как химический элемент, эксплуатация образа и его отстаивание не прибегая к распознаванию обстоятельств, безцельная инерция потребности питаться впечатлениями используя всё не учитывая ничего, что неизбежно обречено на вымирание, либо на упорную модификацию, ибо обладающее формой никогда не преклоняется пред небытием, умственный блуд не есть живая мера в долгосрочном шествии, лишь ситуативный момент во благо градиента прихоти/похоти и их возвышения на гормональной струе.

– Что же думает на этот счёт светило?

Всё начинается с общения и обстоятельных координат параметров, плетущаяся динамичность, иначе блудни непробудные и тусклый свет фонарей,

Ремесленничество это норма, а вот бездеятельность болезнь, паразитизм вырожденческий и возникший тем фиктивный финансовизм с прочим маркетингом и коммерцией, ОАО, АОО, дайте нам, дайте нам, мы свои, от сердца и кожи,

Ширпотреб и наместничество сквозных международных величин, дует поток, протекает жизни форма, несметно сочтется эволюция, из головы в просторы мало распознаваемые, чтоб было побольше, иначе не хватит,

Но что-то подсказывает, что чего-то в жизни не хватает,

Тонет, вязнет в информационном маразме и социальном мраке всё эпохальное, если не сразу, так с запозданием, хлам имеет свойство накапливаться и оползнем сглаживать все возвышенности предварительно те переворотив, мол, был хлам, теперь из хлама равнина.

Короткая историческая память у людей, вроде всё записано, но как оказывается, в хламу ничего не помеха и хлам тому причина...

На сцену объявился незримый кинетический сдвиг, чувствуется тактильно,

Незванный ветер дуновением следует от термального перепада к равновесию,

Но жизнь да и только достойна удивления, как бы ни возникла, ведь невозможно разом ни счесть, ни вообразить всю бытийность,

Как же все эти залезшие на вершины снуют по истине стопами, того не чувствуя, того не признавая,

Прикинувшиеся не зверьми владыки мнимости, в чертогах мерклых встрявшие всеми головами,

Словно старые ботинки по глине вымокшей буксуют вхолостую.

А жизнь, а где же жизнь? Несметною повинностью шкребёт то дно, то вышины,

Не зная от чего, от того и делая усердно вид, что это от всевышнего, оттуда, но не здесь; туда, но не сейчас и незачем.

Сложно обозвать сие предельно выразительным, проникшимся тем даром, что неведомо возник, незначимо откуда, ибо есть всецело сим непрерывно, неотлучно.

Ветер и дальше несодержательно подпевал вселенскому пожару разгоняясь им, но не гася его,

Недалеко море шелестит, свой тон доносит, а на берегу такова картина:

На крючке пойманная рыба, издирает глотку жертвенно, Голод хищнический, если не сказать химический, попался другому хищнику, природой более запутанной меры,

Биология – закон астрономический, перманентный сдвиг,
который нуждается в неотлучном реактивном пополнении,
со звенящей звёздной дрожью свищет без повтора,

Охота за охотой из подворотни в прорубь, из дула в небес-
ную высь по крыльям,

Не по ангельским ли? Не свободы ли? Видать слишком
низко взлетают и тонут в просторах неограниченных смелою
поступью,

Словно впору возникнуть вершащему подвигу, навстречу
слепящей лазури бельмом нарушив спокойствие, чтоб исся-
кая уничтожиться, чтоб расплести узел, пресытив восходя-
щий накат, от томной молекулы до сплетения буйствующей
жизни, которая склонна искать пристань и быть ею,

Никто не отменял изворотливость градиента пищевого,
растягивающегося по бездне в жизнь длиною,

Стремится хищный глаз и видит жертву во всякой съест-
ности,

Поток стремится в поток, испарение в свет, лучезарево во
всякую основу,

Пока не зашевелится душевная смесь, чтоб и выход и
вход, и выдох и вдох,

Словно дверь одна в одном вечном хороводе замолвилась
скрипом старых петель,

А там новый день изливается дивом и песнью, избавил от
голода трепещущим на крючке деликатесом.

Скрылись утки за холмом стремя за горизонты, знают утки где тепло,

Знают, что бывает холод, пережили период ледниковый, преисполнив форму потребностью,

Определённо исчерпываясь и стёсываясь о бытие.

Бог пошутил жизнь сотворив, безудержный эволюционный хохот,

Чтоб нечто возникло и хотело ещё в бездыханном полыхающем космосе,

А утки летят, оминают планетарный изгиб, знают как будто, что надо слыть независимостью от угоды материи бездушной,

Чтоб продолжить и на кон положить, что продлилось,

Цикл реактивный жизни, ведь возникнув погаснет, тоненько снижая интенсивность метаболизма,

Не угасает только лишь, что не явилось.

Главное, чтоб хотелось ещё, чтоб хотелось ещё, доколе осилится и не спится.

Созерцает бренность мига и зовёт то прекрасным, то ли форма жизни, то ли безобразие напрасное.

Низвергнут смысл бытия едва ли возникнув, роем голодных тварей не владеющих мыслью,

Бездумная наглая похоть норовит всё возглавить, но ни знать, ни выведать истину, словно то напор беззалаберный

хлынувший участью невольной, никем не предписанной,

Подобно камень срывается с обрыва, похоже на жест, но то лишь инерция булыжника поддающегося давлению свыше,

И нисколько не свыкнуться с отсутствием когнитивным, ни созиданию, ни ошибкам,

Ибо так тишина всё разом норовит постигнуть, предопределяя исход неучтивостью,

Но нету и не было в мире ничего неподвластного необратимости,

Обращается лишь то, что закономерность постигло, не собой привнесённую, но всё привносящую, сие есть всецелый закон и он однозначен, но окончательно несоизмерим.

Картина длится дальше, воспроизводится, ни остановки, ни границы, только фрагменты жизни и её всеобщий накат, мельтешит плотскою волей и её неряшливостью.

Если б не чайки, море на рассвете не издавало б свист и приятный скрежет, у них сигнальная система ещё от ящеров, это голос прибоя со сладким ароматом доносится под утро налитым солнцем, что в небе пылает сферическим вихрем, они кричат, тонким гласом источают: "Мы должны преодолеть экономическую зависимость освоения космоса, чтобы тот кормил нас с приростом, а там далеко в вышине новый замкнутый экологический цикл и самовоспроизводство с ку-

портами, где прекрасный вид в безмерность усеянную звёздами".

Летать по галактике станет дешевле, когда звездолётов станет много, массовый поток обуславливает скидку издержек и высокую платёжеспособность, особенно если оттуда хлынет напор достижений, ибо без того не освоить даль вселенскую.

Медицина, технологии, ментальность, так чайки кричат и крикают, таков прекрасен рассвет неповторный, сеет тепло по морю и то его топит шурша приятно по ушным раковинам.

Жизнь идёт, планета катится по солнечному пылу, а сюжета нет и нет. Но был ли таковой?

Может вовсе и не нужен? Так и обрастает комом стужа вытискивая жар из избытка.

Не лезет из меня романтика последние времена,
Жёсткий материализм запрягает в себя уздами,
Всё бытие стало понятно, не загадка, вокруг оно всячески,
Лишь гляди не мимо и всматривайся, что и как,
В этом нет ни одного подвоха, вся ложь от голода, по большей части умственного,
Когда не хватает чего-то не только снаружи,
Хлещет гормонов напор по нервам, тактику поведения регулирует, но думать не хочет,

Бредущий химический укор от частицы к будущему,
Невольною формой завидует тому, чего не было,

Но ведь быть может свалится на голову поспевший плод
гравитационный или кирпич строительный,

Осторожней слывите под окнами, оттуда на руку скорую
выпадают вместе с жизнью прострации тел, вслед за птица-
ми, что промеж земли и неба не у дел сверепеют, орут слов-
но натянута струна, вот вот лопнет слабое место и раздастся
треском его песня,

Кто-то дескать, несанкционированность извращенцев
приспичила присвоить себе всё, лишь бы не сгорбиться от
ноши тревожных пустот,

Что подобно мысли засвистывают от скоротечности жиз-
ни, словно стихи возникают лишь от безделья, но безделье
порождено не ими, и это навскидку припудренный занято-
стью мир, по сути лишь привычка к кормилице, целых сон-
мов выстроившихся в ряды под светилищем, что раздаёт на
халяву тепло.

Берите же сколько угодно! Но убогих за душу не бе-
рёт, они не смотрят на космос, словно то выкинуть пальцем
щёлкнув, а ведь получится наоборот,

Очень похоже, что кастинг человечеством не пройден, эк-
замен на скуку никому не по силам сдать даже перед мнимо-
стью господ, а там вечность топит материю взхлёб, пылают
звёзды, выдавливают золото.

Кому б хватило его? Но некому душу им преисполнить,

ибо преисполнены барахлом, даже не возгласом новорожденным, что вопиет о доблести первозданных жестов, они не от корысти, а за волей ревут на просторы безконечные, что сплетают их из боли и нежности.

Оторвите, оторвите зады от своей ежедневности, иначе свершится сращение и не сможет просвистывать исконное дуновение ветряными порывами между, а черствость, это от неискренности, она заводит в тупик, где привычка видеть подставные подвижки к тяге зыблемой за упоением, ради пищи, ради наживы, чтоб продолжаться непрерывно, ибо не разумом и не логистикой потребствует по жизни алый сок, не помогают магазины избавиться от голода, животное жрёт, пока не сожрёт все возможности, таков скупой удел биологии,

Но пока не сожрали всё, посмотрим, внимание обратим, вьётся буйный росток и преисполнен манёвренностью, этим преисполняется жест творчества с жизнь объёмом.

А море всё тужится, норовит высказать накипевшее, провозгласить брызгаясь и вспениваясь о том, что таится с несметных времён на сокрытой глубине.

Возвышается волна, не первая и не последняя, она посередине где-то, мчит к берегам,

Не её это вектор, кроме берега не к чему мчать, позыв заставляет восходить над горизонтом, позыв к небесам, бесы

из преисподней выгоняют,

Жмут на педали газа, бурлят лавою фразы, извергаются на ветер, лишь только пена шипящая мимолётно сникает,

Нисколько, нисколько не должны они каяться, ни перед павшими, ни перед величавыми,

Не льстит себе невольно возникающее, не задевает гордость драгоценных камней, вода не сама прилегла океанами, такова прослойка накатывающего звёздного шелеста,

А владельцы пластмассовых мер всегда возлагают вину на то и на это, покуда слабость их гложет и скупая надежда безделия, видимо не могут смириться с возвышенностями мер, это слизняки сущностные, которые не бывают довольны жизнью, от того и сжирают мир, словно яблоко червь, исподволь, изнутри, не разбираясь, что и сколько кровью даётся, а что дано не по ним убогим самой вселенной, не по делу извёвшихся, не по сути возникших в очереди поживиться неведомо чем, мол вечность упёрлась в их пресыщение.

Все проблемы человечества из-за попыток утолить прихотливую глупость под видом неопровержимой правильности или основательного убеждения. На сегодня сие имеет глобальный масштаб и всевозможные личины, и ликующие, и страждущие. Таковое граничит со слабой разумностью и отсутствием понимания определяющих основ. Многие персоны меняются в лице краской и формой, как только чувствуют кормёжку или рискованный миг, и каждый раз они

это делают с видом незыблемой истины.

Так гласит очередная волна, не отличаясь от прежней, но другой такой никогда не было и не будет, наверное.

Ночь, прекраснее которой ночи нет, случается единожды,
случается единожды,

День, прекраснее которого дня нет, случается единожды,
случается единожды,

Но, чтоб увидеть красоту их, нужно прожить все.

Вселенская перемотка кружащей планеты, то окунается в тень, то окропляется светом, но никому неведомо отчего и зачем, лишь иступлённые взгляды мигают поверх, словно рябь на воде. От того и сюжета всё нет и нет, лишь изобразительное отвлечение на экранах для поникших головою в небыли, умственное оскопление с помощью иллюзий и антен до стадии мелкоты душевной. А коли нет сюжета, нет ни автора, ни внемлющего, лишь необузданное благоразумием жерло пожинаяющих, но не взращивающих, ибо никак и нечего сеять, колея вырождающихся потребителей, и умом, и телом.

Без автора нет ни одного начала,

Но без автора есть всё,

И то не начиналось,

Из ниоткуда, незачем, само собой,
Но смысл есть,
Взгляни, сие тобой предстало,
Их хоть ты тресни,
Как не вовремя трескается бревно в пламени,
Вынося искру на повестку,
Концентрируя внимание, что норовит полыхнуть,
Доносится так и холодное дыхание,
Оно бездну черпает,
Замкнувшись в безысходном преддверии,
Раз за разом стремя в вышину,
Где просторней и нет томящего тяготения,
Что сковало давлением стезю,
Словно рельсы, не вынырнуть из русла,
Трамвай задерживает очередь,
Расписание скупое, жизнь в него взлазит туго,
Свершения и подвиги обходит по маршруту,
Лишь бы подольше заглатывали топи,
Всё то, что без опоры умолкнет,
Или просто сдохнет в безысходном плену.

Где-то в этой вязнущей спутанности затерялись тайны
молчаливых веков,

Привет, моя родная Атлантида,
Не видел ли тебя, не слышал ли песни твоих порук?
Что доносились штормом морского беспокойства над вер-

шиной ушедшей ко дну,

Опрокинь водяную толщу, хлестни метущей волной раз-
мером с эпоху,

Не нужно отсрочек, томится сухая земля,

Ей бы упиться и уйти за тобой в тишину, Атлантида,

За раздающимся именем сквозь веские времена,

Нависла траектория распрей, словно небесный водопад,

Из берегов океан норовит выйти, снизить к нарушению
устойчивости скупой,

В загадке безпамятства сникнуть, но миг безмерный пре-
исполнить сдвигом роковым,

Чтоб однажды любопытство познать то решилось, откуда
эхо доносит глас истока незримого,

Словно идея возникнув несётся в голову из другой голо-
вы.

Знаешь? Сюжета нет, но жизнь идёт, хоть ты вей, не вей
собою мысль, всё в рамках одной последовательности пред-
стаёт.

Не шутка жизнь, тем более не скудная,

Любят глупцы возвеличивать свои личины,

Не ради нрава дурного мир вечностью преисполнен,

За каждым немым эскизом безмерное полнится,

За каждой чередой не имеющая начала череда,

Но вот закончится ли? Но вот закончится ли? Но вот за-
кончится ли?

Тут и замолвила бесконечность, прорезалась напевом цветущей травы,
Полынь настолько горькая, насколько это позволяет ей выжить,
Недостаточно горькую растительность давно сожрали травоядные и приспешники их,
Хотя и всякий корм достигает удел количества,
Масштаб позволяет выделить специфичность,
Так формируется яд в жилах, качеством дифференцирующимся из массы обширной,
Так Солнце глаза выжигает, не смотри долго, а то расплозятся молекулы частями,
Все формы сдувает напором, вопрос времени или ситуативной обстановки,
А полынь горчит не самовольно, горечь её сохранила,
То случай воздействия и случай отзыва, что несколько и некоторым хватило, кому сторониться, кому преисполнить букет.

Долго ли сюжет не сыскать? Отчего же его не видывали? Время не воротится вспять, вспять воротится бремя, от того и сюжета всё нет и нет, впереди лишь неизведанность и грани мер её закона.

Опыт подобен куче барахла, он незаметно копится и через

время вы обнаруживаете, что не только не помните о некоторых вещах, но и что некоторые из них утратили значение, в этом суть опыта, он совершенствует ваши знания и обесценивает предыдущие, иначе опыт не формируется, этим исчисляется и время, формальной и процессуальной необратимостью утраты и приобретения, запечатлённой градацией воспоминаний и их применением в ситуативной обстановке. Динамика деформации ценностей и траектория формирования приоритета.

Казалась скука, нет предела, сюжета не сыскать, всё в некоторой степени безмерно, от того и требуется познание, но не тут то было, нечто вздрогнуло пламенем взойдя на память эпох, то ли знаменем, то ли хлещущей новью, восходит смертоносными лучами вселенский напор, хлещет и ни с чем не считается, дьяволица, жар и любовь.

Отдай мне душу дьяволица, я буду чаруем ею до последнего всплеска нервного импульса,

Буду цербером трёхголовым хранить немислимый дар,

И каждой из них поцелуй за поцелуем встречные порывы дыхания вкушать, гав, гав, гав,

Моя царица, и небес, и преисподней, за тобою для тебя от селе до коле видывать в пленении свободу, вселенские просторы взглядом опрокинутым за мирскую грань,

Отдаю пол жизни, а как доживу, отдам всю,

За жест восхитительный бросивший якорь в душу по самое взъевшее пропасть в мозгу,

Сингулярность схлопнулась, как раскладушка ненужная или зонт в урагане тонущий встряхнулся дождём атакующим покой,

Тихий скрежет будущего восходит мелодичным тоном, но он тужится, скоро заорёт,

И будет стелиться перламутром ковровым грядущее, по которому, по заумному распакуются дары, потекут вина Нилом вынося крокодилов в омут морской глубины,

Там на дне тот самый якорь притих, который не сдвинуть, не потому, что недостаточно сил, потому что не под силу вышвырнуть событие меняющее контур жизни накрывая плоскость мира, словно то корыто преисполненное массой консистенции малоподвижной, но то жидкость, пусть её уносит в даль, выше крыши, чтоб мало не показалось, ибо у вселенной нету дна, дно судьбой поношено и ею изваяно, хватает, чтоб не привыкать до смерти, до сих пор содрогаюсь.

Откликается палящим взором пламенная красавица из ледяной вселенской скованности:

«Засыхающие будни на плоскости стекольной,
Отражают изнанку сетчатки и внутренностей потаённых,
Океан истомлено швыряется волнами, но не дотягивается,
Влажная несоизмеримость не удел в пустыне, скрипят обездоленные пески в адском жаре,

И ни одной капли на глазах стынувших в скупой довлеющей ночи,

Какой-то алкаш взахлёб полудрёма с головою больною мычит,

Такой прелестный миг нарушен, а дни по дну ссыпаются наружу в залежи памятства эпох,

Как будто мох в тени застуженной, предстающей чередой покрывает камни конденсирующие его, словно шерсть животное, соприкасаясь смирно с окружающей средой порождающей в касании том волокнистую форму».

– О, как же вам здесь томно в былинах несметного произвола,

Паразитический цветок сердце высасывает, вампирическая тварь плотоядная, но не мыслит он и не видит куда его лепестки простираются, края о непостижимое издирая, так и корни за влагой живительной прорастают украдкой, впиваются в почву недр души, подобно хищник в жертву,

Не отпустит, пока не изкромсает шипами, никто не одержит верх в симбиозе, взаимовыгода всегда обусловлена, вроде и вред обоюдный, но не будет без взаимопожирания ничего, ни секунды не выдержит в самовольном полёте вырванная из сердца роза, ибо хлынет напором и никогда не заживёт, не зарубцется почва, где однажды впился её корень, а триумфальная кульминация каждого цветка, это жест нарастания пашку влекущий пчелу пьянящим нектаром и цветом буй-

ства,

Так и иссохнет в объятиях ковких среди ранищих ласк, что продолжили друг друга невольно терзающей болью, мир своей порослью преисполнив, пока не иссякнут соки, пока есть чем вскормить в себе рост.

– Нравится мне Солнце, люблю я его, целая жизнь, дармовое озарение безудержным потоком, да и я кусок сего хлещущего напряжения тоже, что в себе тонет словно, но отличий между нами всё же множество, целый список симптомов, целая симфония, заплелись промедлениями и всплесками накопительства сгустки жизни поскольку, глядят на отсутствие смысла упором в себя.

Эй, невзрачные мыслью! Откуда парад и куда, если не видно просторов в ваших темницах бездумья адского?

Схлопнулась потная задница с мокрыми трусами, перебирает жизни толк с взвеси на взвесь, на пляжу греется её вес, румянец, подобно плод поспевший, форма лепнины идеальной, еле виднеющийся пушок волосяного покрова от обезьяньего прошлого, чтоб не остыла в холодную пору, а может поможет ещё чего хлёсткое, дабы покраснение, как у того восхода море налившего светом и теплом,

Глядишь и утонут в непомерной заботе о доблести узоры новых трусов, западут в горизонты, как за мира край, по заслугам шлёпая, словно мух прихлопывая, как, как, как, прилипла сукна ткань и отпечаталась текстура в эпидермальных слоях насиженной мудрости.

– Кто ты, дивный странник? Откуда метишь волевой наплыв? Раз уж встреча состоялась, к жару моему прикоснись.

– Какая-то труха, если не сказать полнейшая, превратилась из меня под гнётом чуждого имиджа и его предков, поколения эволюционирующей бездны обусловившей застой в каждой плоскости, каждым свойством.

Кончится ли он? Недра пропасти сами не кончаются, им нужен перерыв извне: метеорит, гамма всплеск, планетарный чих.

Досталось мне скупой несправедливости, достанется всем, космические просторы не дремлют, они неустанно балансируют всё, что выпендривается неподелу,

Сей стабильный комфортный век не нами обусловлен, а ровной орбитой во вселенской тишине, что небольшой зазор без сдвига, покуда не накроет если чем-то жгучим и увесистым сметая все убогие капризы и представления сценические имитирующего владычество зверя.

– Но коли так, возьми и выскользни выше, где нечему сдерживать спех, где никак томиться, ибо застынув в пустоте, остаётся лишь невзрачную участь постигнуть, кою накрыть собою и сникнуть в ней.

– Вон стих соскакивает с мысли, по букве, по сдвигу некоего смысла,

Вроде найден, но всё равно ищет непостижимое, словно утрачено исконное нечто,

Нарисованный гранью потёртой века о век, их жернова

мелят уже оформленное ради результата опытом взвешенным, память скобля до эпохальным дыр,

Задача выпечь хлеб водрузила на умы задумки непомерные, несметно к цели стремя,

Вон за холмом скомканных временем мер восходит то, чего никто не видывал,

Никто не знает и никого ещё не было там, где спустя один миг окажетесь вы,

Так откуда же ведомо, не своею волей возникшим, что своею волей продолжатся они?

Или вовсе таковой нет в наличии? Слишком мелко терзать небылины, дабы зверские нутра насытить, что заключены в темнице беспросветной во имя собственной гибели, лишь бы ничего и не сейчас за рамками привычек и наживы.

– Так и вы упёрлись в небыль? Озадачены смыслом, сюжетом, кой не сыскать, не истолочь, не вышвырнуть из мысли? Знаю я, ибо ведомо, с тёмных недр вечной тишины всё видно, каждую мелочь, покуда и как, что и зачем. Повинуйся и внемли озадаченный градиент сознания.

Всё и сразу слишком велико для брэнной плоти, если ни сказать «неограниченно» ничем, кроме непосредственных возможностей, и способностей следовательно. Отбор приоритетов – основа жизни, даже мельчайшие неосмысленные манёвры химической инерции молекул органических, предтеча решений, смысла, творчества. То, что инертно на базовом уровне, есть осмысление и созидание на уровне масшта-

бов великих, где запутаны базовые сдвиги в навыки комбинации симбиотической вплоть до тотальных значений произвольности, что в теории на определённом уровне должно упираться в бога. Но пока того не видели.

Тотальная созидательность подразумевает полное владение материей, неподвластность ей, не глядя на то, что ничего кроме неё нет. Это грань, за которой находится уровень меры, когда ни материя определяет форму природы, а форма определяет материю, но мы далеки от грани таковой, так далеки от бога. От того и неведом господствующий над вселенной толк, от того и не видывалось, но изо дня в день доносятся возгласы о непомерности величия плоти брэнной в лице свершений непогрешимых, ибо не постигли истинного верховенства прихотливые, ведь им хочется большего без достижений, а порою меньшего, но без осмысленности, ибо мелочным мелкота сдаётся величием, моралью и единственной основой, что как срам прикрывшая глупость и ничтожную склонность посягать на чужое, не построив своего. Кульминация сего не имеет затеи и не может обраться ею, посягание на жизнь стороннюю, свою освоить не сумев.

Подарю вам лишь напев гласящий о сюжете, какого не сыскать, но выткать из жизни, подобно сукно сплетая, кое примерить по себе и по эстафете передать в даль вселенских расстояний от начала к началу за началом начал.

Накатился вечер, так накатывается свирепый зверь на

жертву и раздирает ту, раздирает,

Голод не беспечен, он продолжения требует, будь то банкет или вдох несдержанный от страсти пламенной зовущей вслед за тяжелеющей ношей из дня в день, словно то мешок с картошкой, доставляет неудобство хребтине сгорбившейся, но жрать охота, только охота без патронов, и не лихие скорости вожделения за пищей, лишь жажды уголёк краснеет в темноте в преддверии порыва, что пламенем изыдет из плоти, словно то предначертано, словно больше ничего не может сбыться, последний возглас, жест, мысль, а может ещё будет, а может ещё хлестнёт потребляющей живностью,

Да есть же, есть, пока не иссякнет градиент химический, пока творческая мера жизни не выдохнется или не вытряхнется под воздействием внешних укоров атмосферная скованность.

Томная ночь, тоска разъедающая недра вселенной пронесится мимо, а раз ей сопутствует сон, возможно и жизнь вся приснилась.

Вот и утро настаёт, свежий свет звезды топит мою жизнь, золотая пыль выплёскивается из массы плазменной, словно то цветок разносит своё семя, оплодотворяет бездыханную материю, и я в этом возник, сижу и греюсь на берегу космическом шарообразной глыбы, что скомкалась в пустотах небыли, сим нас слепив.

Задумка ли? Просчёт на перспективу, конструктора, что лепит глину и не даёт ей застыть? Не слишком ли обширно, что краёв не видно? Но задумка есть, и предстала она жизнью.

Не напишу я стих, хрена с два,
Раздаётся пчих, значит это правда,

Воссиявший миг, явилась ты в который, как апокалиптический сдвиг вселенского размаха,

Что зачерпнул меня и внёс в неведомый сюжет настырными волнами, за край объятий, которые мы с тобою от мира отодрали с собою вместе,

От мира, что словно ноша на горбу титана, от мира, что изношен и изваян всплесками рождений и скитаний оных, доколе агоническое пламя душу не развеет в вышине,

За тобою, милая моя, за тобою, от рибонуклеиновых кислот до охвата талии и бёдер, жизнь полоскою несметною несётся, словно то парад, словно то триумф несущий знамя роковое,

Но не видно в нём тупикового упора, что зваться мог концом бы, лишь изволнованные края, мельтешат, мельтешат,

Капризная луна еле восходит, стонет, налитая пульсом кровавым из глаз, свою орбиту гонит по начертанной положенной, а чем выше, тем ярче её золото,

Вонзающим образом сердце рвёт в ключья, на куски разметает, подобно то ноты прерывистой мелодии или мазки эс-

киза выводят танец на полотне,

На, возьми, упейся моей кровью, дьяволица, вижу, чешутся копыта, разметают искрами, я отдан всею жизнью, словно палитра, сколь угодно макай кисти и рисуй жестами касаний извилистых, покуда не отпустит стук из под грудины и пульсация мысли в такт тому стучу.

В ответ ни возгласа, ни стопа, только скрежет эпохи и шелест шара в космосе несущего зачаток творчества, куда неизвестно, да и не важно, покуда его движение ничего ни у кого не требует, побуждение рождено деянием, но каждое деяние став побуждением нуждается в сюжете.

Где же ты, где, моя слабость и сила в одной величине?

Нуждаюсь в твоих симметричных взвесах и асимметричном стимуле, что дарует роду людскому возможность наизнанку вывернуться, достигнуть собственного смысла, что всегда был, но не был постигнут, вон он, вон он, катится с горы сорвавшимся булыжником. Сторонись! Сейчас будут брызги, а может ещё некое невысказанное, что озарит лица вспышками, сосуды умов впечатлениями, поэзию рифмой, музыку изысканным ритмом, а нервы паническим импульсом.

Море ветром изогнуто, нету в нём воли, но бездыханное не вольствует, из него произрастает то, что жизнью именовано.

но, вместе с пеной шуршащей меж иссыханием и затопленностью доносит возгласы распрей обрётших импровизированную форму, коей неведомо покуда песнь её несётся, чьи наливает паруса.

Сопутствует курсу буйство необузданной сущности, кидает и рвётся о края палубы, из трюма раздаётся скрежет бочек с пойлом тростниковым, гребцы все пьяные довольствуются качкой судна, их головы дурман свободы качает в такт, словно совпадают амплитуды в резонансе, так волна о волну сглаживает возмущение и исчезает, друг о друга выравниваясь,

Никто не заподозрит, никто не подскажет где находится гавань, небо затянуто, молнии блещут, компас всегда обращён к северу, а самый ближайший берег на дне.

Ей ей, пираты! Может пристанью метится чей-то торговый корвет? Рома на долго хватит, только ни золота, ни жемчуга, ни шёлка в нём нету.

Гляди! Вон Солнце проглядывается, мочи вёсла и налегай посильнее, штиль не за горами, нас ждёт долгий путь приключений и много приветствий из бездны, что преисполнят страдания тягот, в поисках долгих сокровищ заветных и бедствий.

Так то был сон на палубе?! Гром и треск небесный развеял покой, море, словно голодный зверь атакует судно, а то несметно метит вдаль покуда не достигнет кульминацион-

ный удел участи. У меня есть карта, на ней обозначено знамя печатью неведомой, что было оставлено жестом потусторонних сил ради некоего немыслимого пиршества предначертанного волей всевышней сбыться неизвестно когда, где и зачем.

Пляшет кинетический градиент, обмен потенциалов между их разностью,

Сплетения предстающие узорами веера, что машет и разносит траектории судеб,

Из непрерывного «откуда?» в необъятное «зачем?», словно то придумал автор непробудный,

Словно сон его неведом, но есть несметное мгновение, и видно малость в нём, всего-то вечность, всего-то отсутствие пределов, но не всем заметно,

Глядят некоторые упором в стены, в возведённые мнимые меры, что выше порой чем горы и небо, так кажется им,

Но хрен там, перепутали сюжеты писари и сэры, мнящие величие исподней,

Зовут вас на прощание ваши кормчие и закаты алые глаз утомлённых в покрове тикающих век,

Импульс раздающий моргание конвульсией, мельтешащая глазная бель,

Вы там осторожнее, не шутите с силами запредельными,

Один раз не угадаете и вся жизнь послана в небыль.

Могла ли присниться дьяволица? Откуда нехватка сюжета? Возможно то была жажда сон пронзившая или зуд от соли иссохшего моря на кожной поверхности.

Теряете меня, мои безпросветные будни,

Так мерклость тоски теряет разом течение пронизанное игрой света, что дарует созерцательное наслаждение, растворяет скованность льда, словно сокровищница монеты,

Можно подумать, то закалка, но нет, это сдуру вознесённое отчаяние, что побуждает забег,

Холодно, да не настолько долго, чтоб заледенеть, чтоб пророс лёд сквозь тело,

Твёрдый, подобно каменный век, что у всех на слуху, но никто не вспомнит, каково то было, чьими предками и покуда метили свершения,

Он также растаял в жару течением жизни сквозь тысячелетия, напором сметённый, безудержным месивом веса о вес,

Покайся, заблудший в знамёнах времён и в рое иллюзий, поникший в себе человек,

Никто не подскажет о том, чего ещё нет, а может и не будет, вон Луна затмевается тенью вечной бездны и мы закрываем ей свет в том числе,

Всё здесь, всё давно и исконно находится на месте, осталось взять и воплотить присущие творению меры, дабы было откуда, дабы было что счесть.

Вон снова Солнца отражение в полном, благодатью нали-
том лике на орбите, щедроты его незатейливости тянут за
собою всё человечество,

Знает каждой нервной клеткой, знает каждой мыслью, не
может закончиться то, у чего начала не было, и не так поло-
жено, так всецело есть.

Злобные, добрячие, безразличные, всем лишь бы пожи-
виться собственной мнимостью,

Вон справедливость корячится попутно и мимо, иначе не
возникла бы, ибо то лишь прихоть перед живой или жажда
отмщения.

Пронёсся дымной чередой некий остракизм.
Кто его поджог, что он завесою тучной глаза прикрыл?
Но огня того не видно, словно сказочная птица,
Летит мимо, не найти, не увидеть, не вообразить,
Всё выкинул ради тепла её, чтоб касанием исток бытия
вкусить,

Пепел коего на сердце прилёт, кошка словно на коврике
спит,

Следы ожогов прикрыв.

Чёрно белые клавиши нажимать бы, да никак разграни-
чить пробелы меж тьмою и светом, всё смылось в одну во-
ронку, только брызги ляпают по силуэтам шествующим ми-

мо, но те себя не выдают, словно панически скрывшиеся от сути капризы, возымели себя, но ничего остального.

Всё крики раздаются: "Отдай, отдай! Мы хотим, но не менее, а более чем!",

От того требуются наработки по скучным амплитудам судеб, что отпущены эволюционно, но не органически в пределах биомолекул, а физически в рамках безконечности,

Как и каждой твари божьей, выжатой с потом брэнной струи,

Из покровов несущих пёструю суетность житейских изгибов.

Эй вы, перекатившиеся! Кто б вам помог докатиться до трезвых сторон вашей мизантропии?

Чтоб без излишеств роковых, без коих с места не сдвинуть осевших в зоне комфорта прокормившей их вне почестей, лишь чтобы не грешно было выкинуть или позабыть.

Причал, пристань, что впервые обнажилась перед взором, торговцы щупают кошельки, прикидывают стоимости, норвят утолить взволнованный голод ценностью неведомой, но трюма для них пустые, лишь тростниковое пойло хлюпает, оно контрактом уготовано иным, то горячее, без коего в море не выжить, лишь просторы морские коркой на коже, хруст сапожный и оружие на поясе молвит не роняя из уст ни вести.

Снова бесы стонут под бортом,
Снова черти кривят рыла от собственной скупости,
Хоть не прикидывайся скотом,
Челядь сатанинская везде на след наступит,
Ни сути, ни истины нет в льющемся блюде галопом,
Разговаривать со стеной иль жопой, как с ними,
Лучше рога им поспиливать и пасти заткнуть,
Что не по делу раскинулись, как раскидываются не по де-
лу паскуды.

Остаётся запастись провизией и дальше в путь, эта при-
стань не манит ни чуть, дрянной берег без причуд.

Вокруг блудливые взоры, все жаждут оторвать свой кусок,
поживиться без должной отдачи бытию, словно не особы, а
посягательства в оболочках, мерила безумства и безалабер-
ности оковы.

Вы считаете себя привилегированными просто или пото-
му, что вас много? Раздаётся выстрел в воздух. Сторонись
от судна! Не вы ли незатейливые оформители голода? Ва-
ши поведенческие повадки даже не нуждаются в присталь-
ном разборе, они целиком соответствуют самым архаичным
формам. Было бы неплохо, если это было экспериментом, но
это жизнь целых поколений и угробленное цивилизационное
будущее.

Как с этим считаться, возникает вопрос должно быть? По
меньшей мере никак, никак и нечем. Среди вас, так уж точно.

Вот и добрый вечер, только доброты в нём, лишь немая
взаимность безучастия бездыханной материи,

Но предстаёт и живая картина,

Кот споймал мышь, тащит в зубах добычу не торопя пред-
вкушение,

Сова, словно тень заслоняет темень небосвода, стараясь
не рассеять тишину,

Вот такое визуальное обстоятельство, незамысловатость,
но преисполненная явлением неопишным, сего нигде боль-
ше нет, никто не повторит подобные контуры всеобъемлю-
ще, хотя и повторение не требуется, словно набор вариаций,
в рамках которых достижение выходящее за их пределы ис-
ключено физически, лишь сохранность мер даёт надежду на
свершение в грядущем,

Лишь преломляется без малейшей сдержанности, ни ску-
пость, ни щедрость, необъятная размеренность предстающая
воспроизведением нечто неизведанного, а неизведанность с
учётом бесконечности всегда имеет эквивалент абсолюта.

Вот и таверна воссияла светом лампы, место где пригреться
и переночевать.

Свет, заря, стакан вина на прощание с бодростью,

Чтоб смочить гортань поточным залпом свежести,

Чтоб было что пролепетать влажными губами сну,

Покушение оставляющее памяти след, претензия воображения на завтрашние просторы необъятности, которым предстоит распахнуться к утру,

Самообман с точки зрения последовательной семантики, совокупающей в себе масштаб, скорость и свойства, но невозможно достигнуть всего одномоментно, достижения требуют устремления, проецирования, длительности, а ни подытоженности позиций безделья и привычек,

И многое всё же предстоит выдумать,

Допиваю влаги блаженной сосуд, сейчас развею молчание и начну что-то проговаривать о вечном, о значимом, незабываемом, незабываемом,

Чтоб оно впилось паразитом в душу и всю жизнь меня вкушало проницая сетью импульсов озаряющих сознание,

Сказать, чтоб настигло и нисколько не отпускало,

До свидания, дон Кихотова мельница, что дуновением ветра жернова приводит в движение, дабы то стало съестным хлебом, ещё одной подпиткой безудержности, главное свежеиспечённым, с запахом винным играющих дрожжей.

Сладость на усах оставила след, душистый аромат сладких ягод,

Вовек будет желанным, словно к страсти ключ, хватает крепко за голову и не отпустит даже страждущего в умственной растерянности,

Чтоб перетрусило однажды конвульсивно, в патетическом экстазисе, так передёргивает от божественных накатов про-

бегаясь мурашками по телу прогрессивными, размером с вечность каждая,

Пусть непременно то меня настигнет и я буду в истоме улажаться свежей поточностью мира, под Солнцем на берегах разомлевая,

Мистическая азбука так провозгласила заклинание, не по буквам, а по сдвигам мыслей за звучанием музыки, за взглядом проплывающим, за поцелуем нежно томящемся в памяти, за жестом эпохи мир опрокидывающем, не успевая счеканить равнозначное объяснение сему,

Так должно быть, так здесь мы дополняем быль, пока есть что выпивать и считывать в должной степени свершений житейских.

Моя любимая ночь, ты повсюду,
Я распростёршись в тебе иду навстречу,
Навстречу неведомости, что за собою укрыла,
Мне хватит и я не смогу отлучиться сквозь вечность,
Слишком короткий, но не закончится сюжетная линия.
Со мной или без.

Комары испили, словно вина сосуд,
Крови моей изобилие,
Незатейливое пиршество,
Взять и убавить меня незаметно,
Словно пчёлы собирают нектар,

Только улей их мне не видывался,
А я не цвету и не пахну.

Что ни сон, так поиск сюжетной линии, спектакль и ширма из иллюзий и заблуждений, произвол дьяволицы вмещается в судьбы и рисует в воображении иную следственность.

Хватит, с меня снова хватит, напаслись до предела баки затей,

Двигатель творчества эндогенного, то, что эндокринолог прописывал для оздоровления,

До сих справку ношу его, там печать, надпись гласит в которой: "ещё немного, ещё чуть-чуть",

С тех пор нездоровый, ожидаю метеора, что пыль подымет, которую сил не хватает смахнуть,

Её перламутр глаза уже выел, скоро буду идти на ощупь ко дну под действием невидимой силы, что давит и даёт опору, чтоб лететь или рыть нору,

Как повезёт или чему научит лотерея статистических выходов, чтоб она возвысилась в бездну пропасти неба,

Дабы было просторней, дабы было веселей, дабы было вообще,

Иначе можно исчезнуть и никогда не вернуться, перевалиться за край горизонта в будущее, оторваться от опор всех,

А там застегнуть на себе намордник из социального

редуктора пустых отмищений, укорачивающий достижения ценз, и выть сквозь него на Луну, как проклятый пёс в изумлении, что место не нагрел и давно забыл где будка, ведь там над головой есть куда высказаться, есть что счесть,

Пропавший в небылиных мерах без задней мысли об интригах грядущего, Луна виднее и гораздо выше, чем ограды вершин общественных, к ней и тяготеет вой, к ней тяготеет и мысль.

Пляшут города и страны по полотнам судеб,
Заживают и распускаются раны в страдальческом саду,
Немой полудень иссушает жарким напором света,
Безжалостный огонь вселенский держит баланс покоя и тревоги на кону,

Подобно струна издаёт волны резонерства, возвышает тонкий возглас под потолки построек,

Уймись мелодия, твой трепет шкребуший прогоняющим зовом никуда не ведёт,

Подобно дикая порода непокорствуется и впивается ядовитыми струями в уши,

Играет на нервах с незапамятных времён, мать эволюции, предтеча богов,

Отдай мне свою руку и уволокивай за холмы веков, что томятся невзрачные извивая жала костров,

Из пожаров дымящих залежей зажжённых дерзновенной искрой, мелькнувшей при отключке сознания щелчком,

Коробит меня, коробит, терзает душевная мука, разгребает ментальность подобно песок, растопырив когти осторожно.

Зачем? Для чего? Не нужно ведь играть с тоскою пытаюсь её расчлнять, это не патанатомия, а нечто ещё дышащее и бдящее в предвкушении вольности.

Вон, убирайся, вон, каверзная преисподница! Со мной не прокатит твоя завитая плетнина,

Меня не проведёшь, даже думать не хочется до конца жизни о твоём плоском юморе, лавочка закрыта на надёжный засов,

Только форточка сквозит и стрекочет щеколда, вентиляция произвольная, творческая,

Для прихода идей требуется свежий воздух и отсутствие заслонов пред его поточностью,

Иначе потухнет прекрасный вечер увязая в глуши глубинной, что задерживает за собой рвение текущих дней, по городам и странам, где металась буйствующая лира оставляя тёплый след,

Ведь не хочется ужаса, лучше чтоб хотелось от восхищения.

Из сна доносится таков ответ: «Вы чувствуете и должно быть ведаете,

Какова ваша жизни форма,

Протяжённость от вчера через сегодня в завтрашнюю ил-

люзорность.

Соответствует ли опыту будущее? Насколько грядущее предопределено разумностью? Похоже именно на попытку втиснуть бытие в формы памяток о несуществующем прошлом,

Алчная ограниченность противоречий, неисчерпаемое желание большего, что замкнуто в ментальном тупике, это можно назвать безумием в здоровом состоянии тела,

Не сложно протянуть руку вечности, тяжело не раствориться в ней или не замкнуться в циркулирующем повторении по месту случая, словно беспечность доверяется гибели, что приносит необратимые увечья и искажения форм жизни,

Но не видит ни образа гибели, ни её следа, и бредёт по собственной полосе чёрно-белой, где ещё не изобрели разноцветность,

Трансляции не те, слишком развеяны по небыли и распространены перед неуместными критериями,

Да подсказать некому, никто не просеивает приоритеты, чтоб изваять прекрасную формацию всеобщей перспективы,

Вы чувствуете и должно быть ведаете, чего не хватает в мире этом,

Как по мне, так не хватает разумности, все возможности заперты на замок превозвышенности под ключик тупости,

Как сказать, можно не говорить вообще, всё ясно и так, лишь непостижимые дали необъятных простор напомнили, ещё есть что-то большее, непременно есть где-то что-то ещё,

стоит лишь выйти из мыслеобраза скупости, чтоб вселенскую сущность обогнуть живым поясом,

Пустить и ветви, и корни, дабы ею в себе утонуть».

– На скороспешную руку сдирается лад, в промедлительный тупик упирается нечто необъятное, гибельной очерённостью представ, а раз упёрлось, то от ханжества смутьянов. Где середина? Середина пустота, её нет, ибо усреднение вершин нисходит к лишениям. Должны усредняться лишь показатели, но ни достижения.

Дьяволица не представая образом продолжает томно причитать: «Нагадали атомы, нагадали,

Из лежачей пустоши снизойдя изысканиями,

Накатами, накатами швыряются в будущее,

Предсказание читаю здесь, по ним, в текстуре амплитуд и жестов жизни, что воплоти скребёт изнанку замкнувшегося периода,

Кто-то помог ему замкнуться, чтоб навскидку сложности упразднить, вымирание ради уюта,

И въётся вокруг ступора того нитка тропой извилистой, что стопы мнёт, а порой и лица,

Поползновения зыбкие рук за добычей уводят на долго в другую плоскость событий, что даётся не за предначертанность иллюзий,

Вон крадётся день и ночь его преследует не спрашивая

никого ни о чём,

Можно уткнувшись упором смотреть, как закат сменяется рассветом, как меняют форму силуэты расточаясь от привычки до привычки,

Но вон откололся стержень и нету больше оси центробежной, лишь расторопное мельтешение гнущихся тел,

Никто ничто не предскажет, коли некак и незачем, все детали во власти творения, оно протекает с выбрасывающимися волнами на иссыхающий берег,

Иначе не было бы задержек дыхания между вдохом и выдохом, что промежуток тишины с вечность, нет без того манёвров никаких, ни всплесков, ни перерывов в ожидании,

Отсюда решительность знания и желание постичь нечто необъятное и великое, небывалое, так каждый миг неограниченный, но изваянный жестом созидающим, что воссиял светилами покусившимися на безмерность всевластной пустоты. Ни алчность не имеет границ, а безграничность.

Толи сон воротит восхищение былым образом страсти, чтоб предстал неведомой силой адской красоты и мудрости, толи это укромный угол, что даёт укрытие от лишней суетности бренного быта. Кто ты? Откуда, нечистая сила и диво? Сон или нечто непостижимое?

Шкребётся пьяная пчела по разгорячённому граниту,
Она вкусила ядовитый нектар манящего её цветка, лилии

или аконита,

Её поверженный жизни импульс издаёт вялые подвижки градиента химического,

Не приветствует, не прощается, только неосмысленно и небрежно жестикулирует,

Подобно знает, что сие результат достигнет, но не настаивает и не настаивает, её жестоко душа насилует и плоть отпустить не позволяет,

Ни солнце, ни покров горячий не способны отозваться ей, и не было бы иначе, если непрерывно воспевали вьюги с севера,

Доносятся одни ругательства тех, кто смыслов не ведают, лишь каверкают и репетуют то, что не способны преисполнить сутью, глупость предтеча насилия,

Это не общество, а контуры аморфности некоей представляющей из себя тупик, последние из разумных зверей,

Но пчела пьяна сладострастием и ползёт несдержанно истощая миг, искушает горячий покров, ни приветствуя, ни прощаясь, лишь незамысловатая инерция невзначай возникающая из неоткуда в никуда, не возымея должное процессуально, ведь локации определены обстоятельствами, так и фатальность, что словно влага, то течёт, то парит, то замерзает.

– Из плесканий шторма в пустошь будней материковых, сон озарён адским пламенем, сим безпокоен, никак не иначе. Вы преисполняете ситуацию загадками, не от моей пытки

ливости, а тем, чем явились, и тому не мешало бы, чтоб прояснилось.

– Я распространяю свои новости, стремится вдаль сюжетная лента,

Не переключайте канал, дальше самое интересное,
Все публикации размещаются на правах пространства и материальной инерции,

Только у блюда нет ни одной затеи, ублюлки привыкли к ублюдочности и к комфорту перманентному, лишь нажива им интересна,

Считают они себя породой, чуть ли ни божественностью, но выются гнedyе струи мимо моего сюжета,

Мне не нужны вершины кормовых хранилищ, что мраком эпохи застыли под видом мудрости тех, кто мудрецами зовутся от мнимости,

Не мне ли сей суетностью видывать как обстоят дела жизни, не вашей, не забывайте о том, а моей, ваша личность, но та по моим законам шевелится,

Вон за лесом, за морями доносится чей-то крик, я его узнаю, это зов о помощи уходящий из сферы когнитивной, из сознания, которое себя теряет, но терять не хотело,

Никто не слышит о том, что доносится случаем, но он изводится и знать не желает, издавая сигналы отчаянно, постепенно умолкает, уходит волной к состоянию штиля, выравнивается вплоть до отсутствия,

Рамки любого восприятия ограничены формальными параметрами, обособлены рецепторикой и детекцией, тянется за мыслью след лишь, словно колея последствия на прощание вызывает возмущение среды физической, а там глядишь, как накренится век и что с него посыпется за борт, непрочность, неустойчивость или излишек, а может и нечто весьма полезное, всего-то не закрепившееся,

Невозможно завершить жизнь, пока она не кончится полностью,

Пиши письма, не пиши, читать их кто-то должен, так и мысли, без внешней распознанности не бывает внутреннего содержания, не бывает взаимности,

Так и здешние изгибы смысла, возникают исключительно для зрителей,

Так и к тебе же, зри доколе зрится и лови сюжет.

И тут явилось нечто, чего не видывал и не ожидал, но в миг тот озарением представшим меня вышвырнуло из сна, меня волочат за ноги какие-то негры, неведомо зачем и куда, но мысль напрашивается неладная, не умею отчаиваться, а сердце стучит отчаянно.

Я не знаю, мне не видно, вовсе интереса нет,

Откуда и зачем миг возникший испещряет дно вечности,

Главный приоритет, как по мне, это возникновение того, чего нет, импровизация волей судеб для явления формы

преодолевающей ограничения,

Вон захлопнулся век, а в нём заперты на замке якоря воззрений,

Парусину высвободит ветер дуновением обстановки несдержанной,

И понесёт мир за край, перевалившись за который невозможно обернуться вспять, невозможно,

Но то дарует нам манёвренность, мы необузданные вершители времени,

И сей небольшой вселенский кокон, словно окно сквозь каноны, взгляд из которого валится напором напролом,

Далеко, далеко, да не настолько, чтоб сорваться в пропасть бездны за ним,

Лёгкий проблеск импульсивности нервной, мимолётной искоркой удивления неожиданностью, но всею суетностью осмысленной, что не течение напористое реки, лишь перво-степенная динамика органическая,

Отведено безконечностью плетущей из вариативности неисчислимой возрастание жизни и понимание оной,

Слово за ней, но ни одного слова не требуется, протягиваю ладонь ей навстречу, чтоб та утонула и никогда не всплыла,

Так оторвавшись от груза птицы взлетают, кто за свободой, кто за подаянием, не знаю, не видно, вовсе интереса нет,

Вселенная без моей помощи сдвинулась, а я лишь качусь сверху, словно на вздымающем гребне, только от неё и только за нею.

О нет, судно отчалило от берега, власти местные опознали пиратские манеры и дух дурной славы, что вьётся колеёй за курсом пропащим, но улик у них нет, лишь претензии, попытка возвыситься без единого подвига величавого, формальное посягательство невежд из зависти.

Подождите, подождите, попляшете на последнем сучьем балу в упоении восхитительностью, что попутала честь с настырностью,

Ни вам ли видеть собственное убожество распространяющееся с прогрессией ублюдочности отравой ядов? Вы мерзкие черви на умирающем теле мира, коих он не в силах стряхнуть в своём бездумии, вам неведома ни суть, ни действительность, ибо вы не есть сущность разумности, некое притворство превосходства вообразимого, жрущего всё то, что поверх скудоумия и лживости.

Ни это ли ничтожно, что ущербностью воодушевлено? Похоже именно на то, так шкребуются выблядки под окнами, что вопли бесов за песни выдают,

Но мнится им, что это не хвалимая собою трусость, уподобившаяся безалаберной скупости и поводимому ею мерилу не имеющему за собой ничего, кроме зверской суетности вокруг наживы,

Вас бы одарить, чем наделяете жизнь, по заслугам, иначе ни справедливости, ни смыслов, ведь малейший дрянной па-

разит заражает даже необъятное и великое, если не сгинет в рамках тех реактивных секунд, что ограничи мысли мелочностью и неучтивостью.

Откуда такое отношение к феномену жизни? Ведь это объективность, относиться к которой нет потребности, она является в единственном виде, даже если нет ничего прекрасного в ней. Подумайте, раскиньте пустотой, откуда и сколько у сего путей и каков тот путь? Ибо вариаций здесь даже нет, одна вселенная, всего лишь, но она не всё к себе подпустит. Считайте её проверкой на пригодность.

Кто плодит сие? Творец? Нет, это последняя деструкция в форме людской глупости, которую дано преодолеть, либо исчезнуть в брэнном послевкусии. Ни свежести в пренебрежении, ни целей, одна попытка съесть то, что в глотку не влезает. Вы инструменты побуждений, кои не поведали, исполнимые вами деяния травят бытие, а значит вы травите сами себя, но за исполнение ущерба полагается наказание, даже если инициативы не осознаны, даже если наказывать некому, любой результат эквивалентен своему продолжительному действию, взгляните, все проявившиеся последствия обнажены ничем иным, той самой незатейливостью или попросту ментальной ограниченностью в случае людских привычек действовать ради утехи, словно плоскокость шахматной доски или виниловой пластинки, что никогда ничего не учитывает, так предстаёт эпоха делающая из своей гибели пищу.

Они молча затащили меня в темницу, где единственный света луч во тьме и затишье пробивается сквозь отдушину, мрачное место, дыра во времени, похоже на пропасть и бездну одновременно. Щелчок, закрылась на ключ решётка.

– О нет, но там же прекрасная пора, мимоходом ускользает без оглядки на тех, кто вытеснен из сюжета.

Несётся лето зноем жгущим, зелень листвы с прохладой ветра перешёптываются.

Не на последок ли? На долго ли? Предрешено не мной, но отзыв мой следует повсюду,

Вон увядающий цветок, будто спит или спать хочет, невольную истомой лепестки сморщил, Луна ему дарует последнее сияние питающее шелест его, вскоре хрустом распадутся на мелкие осколки, что было полотном несущим жесты живой формы, коя не изыскала подобия, ибо не есть что-либо иное, лишь увядание, но ещё цветущее, одиночеством собственным преисполнено распахнувшись в гнетущий мир, давно лишённый истины и сути.

Голод, и зверский, и умственный, и духовный, не хватает пищи всех форм, лишь неотлучно муза изводится, безмерно тянет мысль по вселенскому холсту.

Мясо с молоком, немного сала и салатик овощной,
Мерило жизни удалой, большего не надо,

Хватает чтоб не спянуть и разомлеть в бреде тревожном,
А ночью на краю лежанки, будучи снами оттеснённым,
Тихонечко ускользая сползая на пол, от того, что на мозг
каплет желанием,

Мясо с молоком в нарезном салате, сожрать и всё равно
не хватит,

Ноги не слушаются, простыня ловушкой обвилась и пре-
следовательная паранойя,

Кто-то взором ткнётся в душу, ей бога, чтоб хватало до
смерти тревоги и юмора,

Порча имущества непорочная с подачи уловок безум-
ства,

Боюсь, страшно боюсь, что негоден ловить импульс божес-
ственный, ведь и лучи вселенские порой предстают прома-
хом,

Пусть выжжет меня насквозь, просветит помыслом на-
стырным, неведомая явственность всевластной похоти и
прихоти, свети мой свет заря восхода, свети на меня, чтоб
припекло до покраснения морды, чтоб хватило на долго, на-
всегда, пускай встречный поток, с ног сбивай, чтоб встрях-
нуло дурную главь, раскрой мою сущность исконную, словно
неведомых существ из себя испускают века, а те наводят шо-
рох эпохальный и воют мистическим зовом промеж времён,

Чтоб содрогнуть кривые неровности жизненных траекто-
рий,

Ах, этот сон, чудеса фантасмагории, онейроид, никуда не

забрёдёшь без него, словно конь неподкованный о твердь мирскую копыта истирает, ведь привык к мягкому полю, не Будда, а буйное животное, стремится забежать за горизонт, только бы выброситься из прошлого по направлению к грядущему, набрать максимальную скорость и подвинуть вселенную всю, слишком что-то тесно тут и жрать охота, мясо с молоком, но можно и вино на голодный желудок.

Так миг взбудораживший вспышкой магических жестов, полыхнула явь и содрогнулись каменные стены, обгорели кончики волос, запахло жареным, предстала предо мной неведомая сущность, но то уже не сон, я невзначай ущипнул себя за бок, дабы почувствовать, что не сплю, это существо из мира не нашего, не ведает такого наука, адское пламя, повсюду витают поточные струи, через кои я осязаю её.

– Но думал я, что был то сон, не верил, что зрится в голове не здоровой. Поведай, существенность сокрытая тайной, откуда, да и зачем, дивом даёшься и меня преследуешь?

– Не буду томить тебя загадками, познает не скоро человечество, что предстало повсеместно вокруг и именуется ими вселенной, пролетит мимо ни один век, утомится вечность, прежде чем сущность природы люди смогут постичь в совершенстве, я существо постигшее тайны бытийные, вижу траектории судеб за долго явления тех, пришла оставить зерно,

кoemy дано произрасти сквозь безкрайность, отсюда, через тебя, ну и ром, он должен быть вовремя доставлен к празднеству, я помогу тебе выбраться и сделать необходимый жест, дабы разомкнуть скудный сюжет и выплеснуть жизненную волю в просвет вселенской необъятности.

В миг разящий луч обнажил некую тайну, словно сокрытое доселе стало явным, понятным, некая затея, масштабный предлог, что вынести в свет, дабы хватило всем на долго, и обнажилось то любовью.

– Любезная, одарите своим трепетом нежным, без него ни жить, ни умереть, лишь только будучи смежностью меж миром этим и тем,

Протапывая некую границу и её размывая, самому не видеть для чего и зачем,

Любезная, оставьте мне слова ваши, я знаю, они слетают с губ, и подобно поцелую каждое держит крепко за невольную душу,

Я ничего никогда не ищу, довольно того, что явилось, у небосвода нет вершины, он плавно растворяется в вышинах безпредельных, непрерывно, и входит в сферы иного напряжения, иных подвижек,

Мне ведомо насколько зацепили силки и петли развёртывающихся прорв, они поглотили всё и больше поглощать не могут,

Вон завидная прыть по ту сторону берега, но некому доплыть, тянуться незачем, сегодняшней пыл в завтра никогда не запрыгнет,

Колдовские жесты будут долго заклинать повсеместные меры, но они привержены законам иным, тем, по которым движимы,

Не может истонное быть последствием мнимости, но любое последствие чья-то истонность, иного уровня иная основа,

Одарите меня своей нежностью, иначе буду городить чепуху несдержанно и безгранично.

Вдруг начало происходить нечто, чувства экстаза и истонмы в один миг, словно посетила божественность и питает манной небесной мысли.

Меня осенило, подобно небосвод утопает в безкрайней ночи,

Хватает фразеологизмов покаместь,

Зависли во времени атомы, молекулы, частицы,

Отныне все бессмертны. Но хватит ли? Насколько?

Завидует пустошь вселенская, подобно упёрлась заслоном,

И только звёзды навскидку заливают всё мерцающим блеском,

По их струнам можно лететь на Луну, практически пешим

ходом, словно вселенная протянулась рукой, мыслью, вдохом, и сама себя осмыслила,

Невзрачный патруль по кривой орбитальной в соитии отбытия и пребывания,

Отдайте прелестям жизни свои покаяния, чтоб не зря возникали, чтоб вообще не зря,

Плоть ничего не одолевает, кроме гибели и расставаний, поэтому тщетно гибель искать, она сама приходит и всегда невзначай.

Неведомое существо протянуло мне конечность, я коснулся её и в миг очутился на некоем холме, и похоже, что в ином мире, на небе два Солнца, одно из них дальше и меньше другого, от него глаза не слепит, и тонкий поясик от горизонта до горизонта между ними, вкус воздуха другой, сладковатый, свет более тусклый, растения иной формы, много тёмных и бардовых листов собирающих тепло, а если подпрыгнуть, то можно выше головы взлететь.

– Это местность моего происхождения, но она не настоящая, ты видишь изображение из архивной памяти, что воздействует на твои чувства во всех параметрах, так мы общаемся друг с другом, наши органы сплетены порождаемыми ими амплитудами, мы генерируем много тепла и преобразуем то в любые диапазоны регулируя собственной плотью их такт, так наши предки защищались от паразитов и хищни-

ков, но это превратилось в связь обширную с окружающим миром, так мы видим гораздо быстрее и больше чем вы, но вам то ещё предстоит, эволюционно и технически.

Она говорит странные вещи, но мне они почему-то прекрасно понятны, словно так должно быть и было всегда. Невероятно.

– Но почему я?

– Ты много восхищался в детстве, привлёк внимание пытливостью и обильными нервными всплесками. Ах да, ещё в тебе древний род жизни растёт.

Когда новый день наступает, значит наступил ещё один миг, жизнь с которым играя задаёт биоритм,

Цикл циркулирующий выворачивает абстракции наружу, хлещет разноцветная картина, слой на слой накладывая, слагает пейзажи и ветви эволюции,

Вон за заминкой времён разыгрывается очередной кон, на него форма жизни поставлена, но ни вся жизнь, ибо есть человек животное, вон камень с неба свалится или чихнёт Солнце, ничего не поможет, ни бункера, ни скорая помощь, материя всеильна над инстинктом, лишь осознанное творчество преодолевает порог тупика физического, ибо не есть прямой закон пищевого цикла,

Дерево произрастает из прочной стабильной основы, как

и любая наука, инстинкт же не знает прочности, он стремится за стимулом даже вслепую, но вслепую цели не достигнуть и даже не увидеть сущность таковой.

Внезапно неведомая персона воздействуя на стену темницы, ту отворила, растворив кирпичик за кирпичиком, словно пыль развеяв в округе, подобно течением воды размыло, провозгласив в напутствие: «Неси это знамя, словно огонь, пусть горит от головы к голове сквозь века, до тех пор, пока не потребуется его выплеснуть во вселенские просторы».

Придётся мокнуть и плыть, судно отчалило от пристани, но не покинуло гавань, у местных властей нет тяжёлых пороховых орудий, причал под вооружённой охраной, экипаж своих на берегу не оставляет, пушки на взводе для устрашения желающих покуситься на корабль, я тихо ныряю в море под покровом ночи, меня уже ждут, опускают в воду шкентель с мусингами, вскарабкиваюсь на палубу со стороны, кою с берега не видно: «Все на борту?!»

– Дураков в команде нету, никто не рискнул ступить на берег без разведки. Увидели негров с ружьями, сразу отдали концы и демонстративно взяли их на мушку, ждали положенных трое суток, но на удивление ты быстрее явился.

Экипаж частный, собирали несколько лет, пока строили парусник, половина плотники, треть рыбаки, остальные быв-

шие военные, что лишились жалования с разорением казны. Задача была доставить партию рома, но много попутных штормов, сбились с курса, пришлось маневрировать и ограбить пару попутчиков, те были невежливы и не соизволили счесть нужды заблудших.

– Безумие раздирает на части, будь оно внутренним или чьим-то, мне встретилось нечто,

Отныне мигом всецело пестрящим полыхает преломление мысли, вон воробей пролетел мимо, об участи кукушки позабыв,

Кукушку давно ветром сорвало и понесло за прекрасным видом, не нужно, не стоит считаться с тем, чего благоразумие не настигло, забирайте всё разом из данной вам жизни, но меру чужую не ищите, её после летящей по времени фразы ни одна гортань не выплюнет, не скуёт, ибо между молотом и наковальней извитый бурей мозг, градиентарная цепь, не меньше, не больше, так есть, последствие непревзойденное ничем, ведь ничего больше и нету, всевластность многомерная на каждом уровне, за каждым поворотом, в каждом случае, рисует свой сюжет и повторов в нём не будет.

Ей бога, братцы, предо мной предстала дьяволица, либо нечто не присущее нашему миру, и то обнажило мне тайны всей бытийности!?

– Да то русалка! Или сон с перепоя. В трюмах хвалёное

пойло хлопает в бочках, по пути осушили уже одну.

– Нет, нет, сие меня высвободило, стену каменную растворив, словно груды песка напором речным, иначе меня здесь и не было бы, лишь железная решётка и тонкая отдушина, не выскользнуть за трое дней. Та божественность мне некие тайны открыла, наставила принести те в мир, она имеет отношение к контракту в коем предписано доставить на пиршество транспортируемый нами напиток.

– Так это был бордель и алкогольное отравление, что приносит душу в мир видений и потусторонних существ, они тебе там тайны и раскрыли, обокрали, хотели ещё и на наш ром покушаться, вон в одних трусах стоишь, словно та хризантема, что тебе привиделась. Видать за буйство в состоянии делириозной горячки и изолировали в темнице.

– Хризантема моя, хризантема, восходящий изящный жест, невольный и уязвимый, но всё равно стремящийся вверх неотлучной поступью меры,

И ночь укрывала равномерно, в тиши её проносится вечность, и свет дневной, струи коего пронзают груды времени,

Она изыскала свой цвет не касаясь ничего лишнего, лишь бредущие молекулы траектории жизни возносят, заводя в тупик, чтобы выдалось нечто небывшее, выходящее над ровностью кредо и аккредитованных, ведь дисциплина и разум

разные явления, и по большей части противоположные, дисциплина это антитеза отсутствию упорядоченного поведения, неестественный способ организации тех, кто организованы быть не могут, дрессировка оторвавшаяся от смысла и сути, от закономерностей природы, от духа свершений, словно медленное увядание лепестков обездвиженных на пустынной скале,

Хризантема моя, хризантема, отчего же ты не повержена низостью смрада и цветёшь, с лёгкостью парящей воплощаешь исконность, словно так надо, словно обзаведена мечтой и твои лекала пролегают далеко, далеко, хризантема моя, хризантема.

В мире иллюзий ждать не приходится подлости, она проявляется вероятностно на 100%, рано или поздно, в гнетущей среде неизбежна фатальная оплошность, словно инерция смертности, что предрешена глупостью и более ничем.

– Завопил с головы больной, здесь каждый второй с русалками говорит от ночи до рассвета, а кто с дьяволом лицом к лицу, осушили целую бочку, но груз мы доставим и выручка наша будет, многие жизнь положили в это судно. Распахнись паруса и курс ровнее к дали, что отделяет нас от звона монет, всё прописано в контракте, я лично оставил роспись красную, палец проколов перед этим, дабы макнуть перо в кровотокающий след.

Край ударяется в край, мир людской обрамляя, промеж комфорта райского и адских мук, так континенты и тектонические плиты из себя горы выдавливают, дабы те возвышались столпами эпох, влагу и холод остриями вершин загребая, словно волосы расчёской, чтоб слабые повывёртывать,

Раздаётся молний ураганных хруст, прекрасный вечер, еле каплет дождь, на небе переливается разноцветная панорама, а море всё шепчет, зовёт украдкой покой, и только тоска незваная напоминает, чего здесь ещё не хватает, ведь есть всегда нечто, чем мир ещё не преисполнен, и каждый миг что-то свершается, не всё видно, не всё осязаемо, либо отсрочено неизбежной очередностью, но вон со склона лавина скатывается, сметает и выравнивает прошлого след, будучи гостьей из будущего, накопленных избытков времён.

Мы ту волну подхватываем и она нас несёт по руслу жизненных судеб.

Каждый свою мысль доносит, каждый своим гласом, у каждого свой сосуд с пойлом тростниковым, только один немой у нас вперёдсмотрящий перебирает подзорную трубу и периодически выхватывает чей-то говор по движению уст.

1. – Когда это закончится или когда начнётся, негодная погода нависла над стезёй, где вытоптаны повороты за все края и стороны, каплет дождь с примесью Солнца и тут же

испаряется раздувая изнутри атмосферу вместе чертогами органическими, мы надувные водяные пузыри, только шевелимся произвольно, насколько мысли хватит и тепла, но по большей мере случая страдаем от тоски, ибо чего-то в мире этом не хватает, неминуемо и неотлучно, жизнь всегда преследует нехватка, как частно, так и всецело, присущая всему некая малость, покуда не иссякает питающий мысль вектор, но мысль всего в себя не вмещает, ей хочется за пределы выйти, бытие охватить, а для вселенной таковая слишком коротка, скоротечна, надо увеличивать площади ментальные и охват жизни, управленчески и в продолжительности, дабы выйти за рамки отведённых параметров, что нас окружили опираясь на градиент творческих подвижек.

2. – Курс всегда метит за горизонты, за пределы виданного к неведомой грани, за которую выйти, чтоб настигнуть, чего душа не касалась, чего не бывало нигде во всём сущем и не будет ни в одной другой ситуации.

3. – Лежит на палубе старая псина лишённая былой резвости циклом биохимического износа, скупая реактивность и её непредусмотренность забирает соки жизни, лишь то есть время, грустный взгляд приподнятый и рефлексирующие вздёргивания во сне, немое отражение слезливое и плавный жест смыкающихся век, словно отпущение и согласие утешливое, не противостоящее року бранных мер.

4. – Одна из немногих прекрас, возможность любоваться очертаниями эстетических форм, задумок, фраз, вон сидишь глаза на вечность, несколько скучаешь, но выхватываешь из мгновений всплески душевных порывов, распределяя приоритеты, внимание согласуя с таковыми, ведь восприятию ведомо, что жизнь дарует, куда та завела поколения, за знатью или за подарками колорита пышного, что бытийностью развеялись с инерционными стремлениями матери.

5. – Она плыла, словно вырванный копытом подорожник по дождевому ручью, невзначай вострепенув восхищением замерший взгляд, что неосторожно её похитил, случай не знающий пощады, выдернул из меры прошлого, из очередного кадра выползая, небрежно, неосторожно, по грани вслед за другой траекторией мига, в иной плоскости преломляя сюжет круговертливых амплитуд,

Вот она, богиня, плотской изогнутостью чарует, извивая меры бытийных дуг, векторов, орбиталей, сладострастный бархат лунный её покровов, пленит, заливает упоением мозг, сияющие округлости блеском золота заводят механорецепторику, сущность жизни изнутри набирает обороты, чтоб постичь и потревожить замершие оковы былины, о, примма, о, раскрепостительница мира, даруй мне вечный кров присутствия, пресыть мой голод, дай мне истока любви коснуться,

чтоб упиться хватило, покуда не исчерпаны морские просторы и небесная высь.

6. – Раскинулись горизонты, краёв не видать, только свежее утро и Солнце небосклон освещает, покуда, зачем, никто не скажет, не существует предназначения, все манёвры наши, неотложная суетность вселенной, углерод с газом заплетаясь рисует формы стремлений, лишь комфортная изнанка оболочки атмосферной дарует размеренный покой, прекрасным случаем произвольности, не отсрочить, не остановить, не отлучиться от сдвига перманентного, грандиозное явление, но и неизбежное, каковым возникло из необъятной вариативности, творением в процессе, не имея завершённости ни на миг, ибо в бесконечности ни одного итога нет, кинезис сдвинется, форму вселенной изменив, но никогда не исчезнет.

7. – В посреднических голосах не существует ни истины, ни искренности, это мнимые формы зря глотки распахнувшие, каждая дискретная единица сама себе единство, не им знать и видывать ни свою, ни чужую участь, ибо вся их жизнь вниманием акцентирована на чём-то стороннем, дремучем, словно живущие бродячие сны, заблудшие в именах и возгласах, что поводят в их головах мыслеобразы и картинки. Налегай на вёсла, штиль подстелился под киль!

8. – Пассивная демонстрация есть выраженная приверженность безразличию, что есть неумение отстаивать свои позиции и взгляды, либо того хлеще, неумение их формировать. Штиль не только на море бывает, он может быть и ментальным. Мол, как будет, так будет, произрастаем и на всё пахнем, всё от горизонта до горизонта зеркально.

9. – Если баба не хочет, захочет баба другая, коль не ищи ты плуг, роднее милая не станет, если не видать её, и лишь скупое ожидание разводит руки, чтоб помахать на прощание бредущей подруге, что стопами прошлась по душе невзначай, толи помасировав, толи запятнав, но зиждется и дальше плотская сущность, проплывающий ветер ругает, слов незванный перелёт от уха к уху, никто не знает откуда, никто не подытожит куда,

Нет бабы рядом, что привносит желание вспахать почву чёрствую, дабы взошла потомственная ветвь из той, дабы было кому на преклонности лет уши занять речью буйства, не чающего в бреду милого образа, но глядя в него повсюду.

Но стоит мне уснуть, так голову мою цепляет нечто необъяснимое и неприкасаемое. Вновь существо неведомое о себе напомнить решилось пылая и сияя, словно тайна норовит вырваться из несметных глубин и явить себя миру.

(Богиня) – Хитросплетения заплётов, что рисуют небыль

второпях, не вы ли тычетесь лбами в заборы воображаемые, идылы собственной прихоти и психоподобных пристрастий,

Зажатые мнимым упоением, превозвышенных напоров головных, приватизированных заочно мер, мол, мы требуем почтения, но ничего не привносим сим, словно то анонс рекламный на обочине в преддверии сделки торговой, придайте миру отпущение от своей порочности, иначе тот отпустит вас, иначе увязнет всё в грязевом застое, в мелочных изъяснах ментальности.

Мы на корабле, не только оно в нашем распоряжении, но и мы в его власти всецело, несёт его море и дали небесных простор, кои неподвластны закону людскому, лишь помыслы, да и только, рассекают и меряют чарующий образ природы, что дарует плоти ещё один вдох, ещё один шаг к неминуемому и порой неуголному.

(Богиня) – Посоветовала бы вникнуть в закономерности окружающих истоков, каковым соотношением те даруют преисполненность, что вами предстаёт.

(Поэт во сне) – При жизни наслаждение помыслы дарует, после не имеет значения, сколько, как и что, отсутствие не преисполнено ни восхищением, ни соучастием, вон ещё один день петлю вяжет вокруг, только некому закинуть на сук, чтоб маятником качаться в одном циклическом ритме,

из ночи в день, из дневного света во вселенскую темень томимую соблазном мимолётных совпадений, в дыхании развевавших свою участь по тропе, впервые стоп коснувшейся, так дланей дрожь окутана долгожданным прикосновением, каждой неровностью, каждой шероховатостью, словно то нещадный поцелуй выхватывает из мира случай и никогда его не отпускает.

10. – Скука ведь тоже разная бывает, у кого от глупости, а у кого от разума,

И эта тварь всю душу проедает, ни обладателю её, так окружающим,

Не ленность это, а нехватка любви и запала, что любовь разжигает,

Так напитывается туманной влагой пороховница, без искры, что существо иссушает насухо, когда триггер провоцирует детонацию,

Лишь облако дымное, хлопок взрывной и вспышка озаряющая лица, выгоняют роковой металл, чтоб тот настиг преднамеренно или нечаянно, так души настигают свой завет и в памяти могил скуки той лишаются, что дней их томных громозд коробила.

(Поэт во сне) – Мне не заскучать, хоть и ограничен бортом, а корабль берегами, вода маячит перед глазами, словно нашёптывает губами, сей диалог не даёт погрузиться в скуку.

(Богиня сквозь сон). – Никто не испытал и некому постигнуть вечность,

Беспечно взор в тиши пронизывает тьму, словно вымаливает себя и топится своею мерой в том, что меры не имеет вовсе, но нечто отбрасывает отражение оттуда, будто знает хитительный взор пронизывающий бурю разыгравшуюся необъятным воем, значит сущность, что не имеет выражения полного, насколько не дотягивает мысль к масштабу преисполненному всеобъемлемостью, ибо невозможно измерить, невозможно постичь одномоментно и всецело всё. Но сие положение шлёт наставление в рост.

(Поэт) – Скука, ну, а что же скука? Скука от томных граней, что жизнью всею не одолеть, но лишь покаместь, а те грани скуку одолевать не позволяют, формацией социальных звеньев предстают ограничением, да что там, всей вселенской преисполненностью, словно привычка губит всё заточённое в ней, если та не отзывается на бытийные параметры, кои мечутся в умозрительной небыли той, но никак не ограничиваясь её пределами и её предложениями. Наверное и вся вселенская даль выводит контур помысла за собственные грани, ведь она ни разу не закончилась.

(Богиня) – За очередным раскатом грома следует тишина, за каждой звездой подорванной замирает пространственная

необъятность, и нет ни одной расчётливости, всё в силу складывающихся частиц случается, ничего не исчезает, ничего не появляется, но форма меняется необратимо и постоянно, только виднеется след в виде предстоящем, и ничего кроме того не существует, сплетается сущность бытия в стремлении буйном. Кто его видит и кто направляет, если некому чувством его обернуть? Каждая корпускула без помощи мается, но никому неведомо есть ли здесь задумка, кроме уже существующей. Изначально ведь её не может быть, но и начала тоже нет, коль пустота из себя ничего не порождает, а значит существующая материя есть в вечном скитании, лишь в разнящихся формациях есть её несотворимое, и лишь тем порождается замысел.

(Поэт) – Для чего ведаешь мне тайны бытия? Пригодятся ли? Бренная жизнь в тупике глупостей и потреб пресыщать плотские побуждения. Нужно ли выйти за пределы и как?

(Богиня) – Стоит ли лгать, если не умеешь ведать суть? Получается тупик заблуждений во благо любого посягательства, непробудный блуд, умолишение под предлогом впечатлений и эмоциональной кражи всех благ подвернувшихся.

Если хоть малейший выбор может истину встрепенуть, значит то не истина, а прихоть,

Ты знай, внимая сей посыл не определяющий адресанта, но исходящий к неминуемости,

Что меня нет в сим, если тебя ведёт кто-то за очередной иллюзией, не существует, пока имеет место быть нечто большее действительной сути, не являясь таковой вовсе,

Не желаю и не буду впадать в тупик убудочности, коим принято приукрашать и припудривать всякую глупость, я есть истина и сию в безмерность несую.

Прекрасные тона, волосы колосья и кожи нежный бархат убажывает взгляд, она плывёт в суетности полудня, подобно раненый цветок небрежностью, но чары не отгнать, не вырвать, не отрезать, лишь мимолётный взгляд сползающей надеждой ускользает, лишь миг сплетённый в вечности нежданно возник, исчез, неведомо зачем, некому проверить значимость восторга, рвущаяся жизнью неотлучность, никем не предопределенная, всё давно здесь есть, и мы творящим жестом произвольности поводим, так водит по осколкам вечности несметный звёздный луч.

Всё, чего не было вчера, уже предстало, невозможно вселенский пыл отсрочить, но будет или нет, как разродится спелость плотская, не предначертано ни адом, ни раем, тотальная подвластность всеобъемлемости, что присуща каждому случаю, пред ней и ей изящно извиваясь амплитудой пламени меж всплесками рождения и агонизации, от вдоха первого терзая груз материи, пока не исчерпается прогрессия симфонического зова, резонирующего в такт плывущего изящества мгновения, концентрация коего в каждой точке

каждого места.

И тут я проснулся. Вдали виднеется берег, немой вперёдсмотрящий невнятно мычит:

"Что за место? Не стоит ли поведать и провизией запастись?!"

Причала нету, пристани не видно, дикий край, но много растительности, а значит живность есть. Кто знает? Кто знает?"

– Будем плыть вдоль, пока не наткнёмся на признаки хозяйской деятельности!

Тёмные осколки ночи звенят ссыпаясь, шёлк полотен неизбежно лоснится,

И только шелест волн в глубинах простор играет невзначай, будто напоминает о днях текущих мимо,

О, как изящны мгновения спокойные, никто не видит и никто не знает сколько их отдано на откуп, куда не иссякнет воля броская, что размеряет актом помысла в задоре с одиночеством,

Никогда не завершая, никогда не исчерпывая, лишь прерываясь в моменты отвлечения и гибели, что осыпаются звеня россыпью осколков по неровностям полотен жизни, отведённой задолго несметным напором плотским от частицы к частице.

Казалось бы всё тихо, но покой томился не долго в тиши, а дьяволица от скуки видимо, вновь возникла, но уже в присутствии команды всей.

– Что за диво! – раздаются крики.

Полыхает и искрится неведомая сущность, заметна озорница и умиление, а вокруг удивление и паника мечется по палубе. Наш корабль расплывчатым сиянием объяло, он вздымает в вышину, но куда и зачем, никто не знает, каждый держится за то, что попало под руку: «Царица небес или ада, скажи, что творишь, чего надо!?»

– Тайны должны открыться и вознестись куда выше, чем слывёт древесина этой посуды, а если уж не хватает аргументов и рвения мысли, то придётся прибегнуть к психоэмоциональному высвобождению чувств, дабы те выплеснули в просторы ваши судьбы.

Словно подбитый дракон летящий ко дну,
Падение неизбежно, но сможет ли вырुлить,
Дабы мягко упасть, никому неведомо,
Случай непредсказуемостью красен, тем и фатален,
Неуправляемость взором обрамлена или безучастием,
Так и вся жизнь, возникла негадано, негадано сникает.

К чертям собачьим или к господу богу,
Задаваясь в очередной раз невзрачным вопросом,
Увидишь ли разницу в спутанных дорогах,
Если на всём давно весит цена?

В сюжет не влазит божественность, тиснетяся,

Но трещит по швам скупой аншлаг, в нём скоро не оста-
нется места для жизни,

А мир всё продолжит катиться в никуда.

Корабль в упругой оболочке, всё расплывается вокруг,
словно пустынный мираж в горячих воздушных потоках, мы
проплываем сквозь тучи и высоты, море под нами мельчает
вдалеке и отражает солнце подобно зеркалу, горизонты на-
чинают обретать изогнутую форму, небесная синева сменя-
ется на тьму, обнажаются безкрайние просторы и безчислен-
ность звёзд, их сияние меняет цвет и яркость, члены экипа-
жа теряют сознание от испуга.

Дьяволица провозглашает: «Теперь вы больше ведаете!
Таковой виднеется форма вашего бытия в комплексе, но это
далеко не всё, лишь мерклая черта восприятия испуганно-
го».

Капитан орёт: «Испорченное детство, испорченная мо-
лодость, испорченное здоровье, испорченная жизнь! Может
ты, случай нерукотворный, скажи, отчего этот сумрак убо-

гий навис надо мною и швыряет некие отбросы на откуп ску-
пому упоению?

Не мелочность ли, что не касается и ступнями босыми
первозданного пути, не перебивает духа ветер, лишь мерзкая
игра безропотной тоски под видом шальной дерзости скре-
бущей собственные заботы, свои же потребности, только изна-
шивается место в миру тесном, что принято приукрашать
позором, ибо больше нечем?»

Сверху виднеется вся Земля, будто шар, не зря издавна
провозглашали мудрецы об округлости вселенских форм, но
приверженцы прихоти не слушали их, словно незатейливые
животные.

Корабль обогнул Землю в течении получаса, а дьяволица
заливала всем в головы знания об устройстве мироздания:
"Чтоб вы не мучались с водной стихией, я вас к нужной при-
стани подвину".

Боцман кричит:

«Если нужно что-то бюрократическое, можно поставить
печати,

Ежели нужно что-то большее, можно плясать на пляже
Стикса, пока не надломится мачта,

Вон виднеется тень чьей-то жизни в свету пылающего ко-
стра, в ночи расплывается жар жалящими остриями пиков по
тьме хлестая,

Безумный танец мелькает и вопли о нём возвещают, провозглашая творение бытийной формации,

Проливается смех и его неистовая дерзновенность, он как и свет воспаряет к безмерности, планомерно утопая в небыли,

Энтропирует неистовствующими жестами кипящий напор воплоти, впервые и напоследок впивается празднеством в материю жизнь!»

Корабль плавно начал опускаться сквозь воздушные пучины к морю, пираты воспевают о полёте к высотам, вокруг виднеется весь мир, долины, реки, леса, горы.

Солнце неистово светит, в лампах погасшие угли и пепел. Тьма рассеялась в душе, ветер затрагивает останки дымной мглы замершей во времени,

И шагает вдоль судеб отчаянно пресыщаясь дневной лунной, с приветом или на прощание,

За кадром мелькнувшего лета, но впившегося касанием, что корень пустило в сердце до самого дна,

Растение сие ещё выплеснется цветом пьянящих ароматов, когда пресытится бренной влагой гонящей в жилах жар,

Да слезут с куплета томимые следом слова, что выжег на сетчатке лучами образ прекрасный жалящей страсти,

За ним протянулись лепестки отдавшись в объятия гибели, но преисполнив цветением мир,

Озарение встречным сиянием толкнувшим вселенское тело к новым временам, его неповторимость пронзив переменчивой градацией, прекрасной и ранящей неотвратимостью распыляющей блаженный запах.

Неведомая сущность сникла, исчезла, но оставила витающий след.

Ещё один член команды кричит очнувшись после обморока:

«Убогости тьма искрящая, нераспознанный скупой толк!
Незамысловатая кража во имя немых угод,
Неведомо нечто необъяснимое, что пестрит сутью и истиной,

Словно продымевшая счастье попытка приторговывающая местом на виселице.

Но где потерян смысл жизни был?

Не виден ни быт, ни предназначение оного.

Пускай пошире развернутся полотна скатертей, жрать угодно!»

Мы приземлились недалеко от места, куда должны доставить пойло, что в трюме, здесь строилось и судно, все присутствующие с подозрением косятся на меня: «Я вам говорил, теперь же ведаете и без моего, что нечто есть и сие истину провозглашает».

Не все прониклись, некоторые начали в себя приходить, кто-то ныряет в воду и вплавь бросается к пристани, остальные столпотворились вокруг и беспорядочно закидывают вопрошанием.

– Почему мы?

– Что это было?

– Что за диво?

– Выкладывай истину.

– Так виновен ты в возникшем?

– Если поделом живёте, отчего же не поделом судите?

У окольных подходов окольные результаты,

Ваши суфлёры по ходу эволюции давно выдохлись умственно и нехотя кривляются, словно от психомоторной дисфункции,

Их лица не подсказки шлют, а от жизни отвлекают, диалогу с вселенной помеха,

Стадия крепчающего маразма всегда имеет затяжной характер,

Момент неопределенности не столько творческий элемент, сколько творческая необходимость,

Есть она или нет, вопрос менталитета во всех его плоскостях и аспектах.

Взгляд на вечность обращён сквозь мир и нелепость его

содержимого,

Бренный бред превалирующий в повседневности никогда
того не постигнет,

Но именно постигнуть и требуется.

Я такой же свидетель, как и вы, неведомо столько же, но
теперь мы равны и это не иллюзия,

Зато сотни миль морских далей прошли без единой труд-
ности, осталось нести багаж знаний в быт.

Трюма были разгружены в течении суток, а выручка рас-
пределена согласно контракту, судно поставлено под вахто-
вую охрану, команда разбрелась по своим делам до следую-
щего торгового заказа, пошло потекло рекой в местных та-
вернах и трактирах, графы и князя должно быть довольны,
может и им явится немыслимое от пошла дивного.

Вымощенный гранит отражает свет из окон, цоканье ко-
пыт и звон застольного хрусталя сопутствуют вечерней по-
руке, что предстоит развеять шествием сквозь остаточную
неизведанность дня.

Отдаю свою суть перманентному сдвигу,

Пускай растворяет вместе с содержимым,

Оседлать космос можно, но никто не осиливает,

Не договориться вселенной с жадностью и голодом,

Забывшие роши, не спетые возгласы,

Давит ошейник, скулит дикий зверь,
Отдайте ему мерила врождённые,
Чтоб забыл об ущербе скупых недоделок,

За мщением всё человечество строилось всю бесконечность,

Но негоже хвалиться подлостью и ущербом,
Плоды поспели, собирать их некому,
Заслон когнитивный навис дурманом превозвышенности,

Кто главнее, тот не многое ведаёт,
Грубо говоря, ситуативно преуспел,
Кто ближе оказался к случаю в нужный момент,
Но не факт, что съесть всё успел, ничего не поделаешь,

За отпущением зиждется лестность,
Лукавый веер нужд и потреб,
И нет ни одной поспешности,
В истечении сущности повсеместной.

Бесконечность не подпустит к себе глупость даже без единой мысли. Вселенная представляет огромный практикум, который отсеит все погрешности и неустойки, проблема только в том, что прежде чем напрямую взаимодействовать с вселенскими законами, придётся долго ограничиваться посредниками главенствующими по законам дикости.

Вот и хижина на окраине мира, где таится уединение мысли, нужно скинуть груз тяжкого бремени, если только неведомая ещё что-то не выкинет. Снимаю сапоги, ложусь, погружаюсь в сон, но вдруг ощущаю присутствие, только иное, не похожее на то, что было доселе...

Похоже на дьявола, это существо покрупнее, я чувствую его побуждения без слов, он ищет ту, что наш корабль за небесами водила, но всё же вымолвить нечто счёл: «Где эта дерзость, что трусит над преисподней истину? Думает, что чертям под силу выбраться из собственных оков? Вероятность есть, но она в вас зиждется и вам испытывать её».

– Неведома мне, как неведомы вы, с момента явления истина душу сторбила, словно не знание, а ноша, до сих пор никак не выпрямлюсь, тревожный мотив, покуда и кой быт не постигнут в фундаменте, что словно миф, ни коснуться, ни унять, ни избавиться.

Но с чего это черти мы? Как нам сдаётся, ад где-то ниже, ведь не может быть, что мы пребываем в самой низменности, непохоже!

– Кажется вам от непомерной мнимости, что скребёте вершины, но то лишь утёсы ущелья в бездонной пропасти, вы не далеко от насекомых ушли, словно лишь претворились

не ими.

– Тушится мясо на медленном огне, кто-то хочет, чтоб оно разомлело,

Искреннее вожделение прозрения, лепет блаженной ереси,

Эфиры жизни, ещё недавними шевелениями занырявают в душу сплетением аромата в заигрывании с аппетитом, размеренная в рецепте опытом ферментация на составные необходимые, кондиция несовместима с несдержанностью, но её уловить невозможно без проб и дегустирования,

Невозможно взлететь, если ни разу не подпрыгивал, невозможно счесть, если нечего считать, вон за дверью ещё одна дверь и не все открыты, а на всех дверях разные замки и задвижки, содержимое отдельно в каждом дискретном элементе, но неотлично в основах первостепенных,

За каждой формой стоит вечность, но нет вечности ни перед одним произведением жизни.

Ошибки могут открывать возможности, но если возможности возрастают или формируются только посредством ошибок, это истощает их до полного исчезновения.

– Таки чему-то научился, но это подобно младенческому лепету в сравнении с тем, что предстоит проделать на пути вечном сквозь просторы неисчерпаемые бытия.

Акт прелюдии имеет место быть в мечтах о том, чего не бывало,

Парад во имя сюжета, тупик парадокса, когда сюжет предначертан, но не предрешён условно,

Узлы заплетены туго, но не распутаны, их же принято расписывать используя палитру иллюзий, производную нужды преисполниться упоительным фоном метаболизма.

О, сияющий блеск жемчужины в центре лотоса, загадка не нуждающаяся в раскрытии,

Завеса автоматизма мыслительного над бездной чудес,

Пропадающая истина в лоне небытия, нет позывов на повсеместность,

Лишь стоит изъять должный трепет, что выныривает из толщи безпросветных недр рутинных задержек, где очереди создают давление на издержки, что не позволяют на полные лёгкие ветрянную свежесть вдохнуть, ведь и вкушение воздушного вкуса слишком потеряно в привычках к избытку стабильному, но без излишка нет запаса во благо свершений, каждая возможность профицитна по структуре, пустыни хранят лишь следы избавления, узкая вариативность сухости.

Молекулярный конструктор безчислен, но принцип его действия прост, лишь в нём живёт упоение божественное, ибо то плод творчества.

Дьявол щёлкнул своей конечностью и меня выбросило из

сна, словно потоком несметным, что осветил контуры обстоятельств.

Порвали кошки простыни, порвали,
Им кажется местом рытья всё, что поддаётся воздействию,
Мягкими лапами, да жёсткими и цепкими когтями, варьируется сопротивление прикосновений,
Мурашки или сок плоти алый, молчаливый ответ,
Густыми не бывают закаты, но хлещут всегда рассветы,
Можно заметить по реакции зрачка, хотя реакция истину не провозглашает, она подвержена инерции,

За каждым смыслом кроется отклонение мысли от курса привыкания, не прямовекторность, но откровение,

Ведь когда кошки дорогу перебегают, они не смотрят по сторонам, неучитывая лёгкость достижения цели, потребность затмившая помыслов изыскания.

Провалившись в бездну жизни, невозможно край найти, лишь обрывается однажды продолжительность,

Но страшно не это, страшно неимение смыслов, душевной близости редкость, словно в мире её и не было,

Прекрасные величественные вещи превращаются в пыль на фоне бездумной дикости и оставленных ею пустырей,

Вакуум неотлучен и безмерен, но ничего у отсутствия нет, не удержишь, не упрёшься, не выкинешь, лишь забыть или вспомнить, руководствуясь импульсом нервным ограняя со-

бытия тем.

Не вижу антракт, сюжетная лента крутит бабину,
Головка считывает всё без разбору, после забудет,
Хватит на сегодня воздуха, всплесков безумия подчерп-
нуть бы,

Не найдено лекарство от вечной смуты, вьётся родник и
истина с ним,

Главное выхватить охапку попутно и вовремя выскольз-
нуть, пока несносное время и место не захлопнулись крыш-
кой навевая приятный запах сосны,

Холод, холод, холод, и жалящий жар поцелуев плавит лёд
покровов застывших в бреду,

Несётся мимо золото ночи, каждая песчинка на небе с все-
ленский пожар,

Но далеко, как далеко от сути пёс рыжий блудит по пли-
там городских изваяний.

Словно краснокнижный червь поникший во тьме пред
неизбежным вымиранием,

Таков удел в тупике беспечной тоски сдавленной стенами
ментальных граней,

Бросками плотскими измерена дальность произвола им-
провизирующих судеб,

Словно немые никогда не слышали, но норовя услышать
искали истины суть, оторопью пронизывая неведомость в

потоках кровавых мировых авантюр,

Так из бездны до душевных вспышек вывернувшись выстроилась жизнь, а мы ею кроем стыд и мерклые затеи,

Не место, не время лепить кувшины, лоза ещё корой не покрылась, а Солнце жаром не питает плод,

Запретен ли, если не видно? Возможен ли, если гибельный гнёт не даёт увидеть грядущее, дабы превосхитить исход буйством цветущей поступи?

Не настала ли пора, не настала ли?

Лечить больных и сошкрябывать ржавых,

Въевшихся коррозией в бытийность,

Но делая вид, что они панорамы с витринами,

Только скачут цены по рожам и минам,

Но не от всех детонируют фекальные кучи,

Слишком расплывчаты, слишком паршивы,

Словно замерла смута в дрянных умах,

Скупых на поступки, что вершат благо,

Ради величия жизни, ради доброй славы.

Присваивать мысли в чужой голове, только представьте каковое безумие,

Ты мол думай как нам захотелось, не мы такие, жизнь завелась вихрем скудным,

Наглёж и хамство под эгидой приличия, только шелохнись, нарушаешь заветы выгод чьих-то,

Так и пишутся законы, в основном эстетически, для красивого вида, рудимент произвольной справедливости, по сути прихоти.

Подарить бы вам куплет слоганов на вылет, разодетый значимостью событий, да восполнится им воздушный тон ветряных порывов,

Не сочтите заблуждением строку поэтическую, несметен миг, восторженные жесты пульсируют под грудиной, в голову отдают сосудистыми струнами выпихивая наружу помыслы, словно есть тайник заведомо информирующий, о том, что нужно,

Достался в наследство вселенской безудержностью.

Ни вечность ли? Наверное. Но как измерить?

Поглядим докуда меры докатят амплитуды гладкой мышцы, а там и сникнет отрицание гибели во всеобъемлющем отсутствии функций мнемонических.

В тревожную пору несметно стремя возносится облако опухшее, словно свинья,

Отлѐживая стороны волочится за ветряными струями, солнца палитра, лужа переливающаяся в небесах,

Мечтая навскидку о нитях связующих крайности, адские визги и нежность рая, что заводят формы жизни за рамки норм и грани постигнутого,

Красиво ли иль не важно, судилище знает не всё, а коль

судя не видит, то знать и не хочет,

Дайте ему отпор, хай ведаёт мирскую ношу, занятость брeнную и тяготу оной, если неведомо какво и кое, иначе заранее повержены помыслы ровные собственной ровностью.

Правильным быть стройно, но не от корысти ли?

Есть много кривизн и изъязнов, которые не портят, а коль морду морщит, сморщить помогли,

Вон облако, словно свинья в болоте, клубится и перекачивается с бока на бок, с её точки зрения она благоухает вся в золоте и ни разу не ошибается.

...

Рассекая рвением любви чертоги жанра или космическая роза.

Прорвало область опрятных настроений, пошла кривая амплитуда, всплески эмоций по экспаненте шлюют приветствие, напевают волнительный тон. Кто здесь? Куда пришёл, откуда? Есть ли во вселенной координаты итога абсолютно-го? Неведомо, но поведать взяться нужно.

Вырисовывается безбожный силуэт, не кается и не покорствует, но не видно контуров лица, преисполнен тенью,

Солнце светит вслед, предтеча всех начал, нет всеобщего итога,

Непрерывная даль, не закупорить, не унять,

Лишь вспомнить или позабыть, преисполнить или раство-

риться,

Несметно ускользя от того вместе с каждою крупницей
слогающей контур предстающей картины,

Нет исходной причины, но все подвижки снуют к резуль-
тату, непреднамеренная кража или жест созидающий,

Вонзается в простор вселенский, не жалко, но и большего
нет, кто-то не задраил шлюз, истекает время,

Не сдержать ни одно шевеление, ибо то не упирается в
край и безвозмездно исчерпывается улетучиваясь предстает
формальностью,

Никто не направит выйти за устоявшиеся рамки, те слов-
но чрево, вынашивают бремя и рвение, что из суетности
страстей сплелось,

Воды сами отходят, просить не требуется,

Вон за забор птица перелётная взметнула, а под ним крот
во тьме утопший роет свой тоннель.

В тёмном зале на каменном троне восседает некто име-
нуемый императором, чёрные ковры, чёрные стены, окна за-
тянуты чёрными шторами, только белые мраморные потол-
ки. В одиночестве несметном он сам с собою довольству-
ется величием и каждый день норовит корону надеть, каж-
дый раз когда на трон садится, и в параноидальном приступе
расщепляет собственную личность держа руками головной
предмет владычества, а едва касаясь им выбритой лысины,
тутже отдёргивает обратно вверх. Трон выглядит белым дра-

коном с тремя головами, его крылья распростёрты в стороны, кисти рук на них растопырены, все головы устремлены вперёд под шейными изгибами, пасти боковых раскрыты и повёрнуты немного вправо и влево, центральный пристально глядит сквозь вечность. Никто не знает, коим образом владыка на троне очутился, да похоже, что и сам не помнит, но выглядит сея особь прилично. Говорят, он сам себя короновать изъявляет желание, поскольку постольку более некому.

Местный купец гласит о распродаже по выгодным ценам, на прилавке антикварные изделия, рыба засоленная, предметы из стекла.

У него пять сестёр и одна душа,
В гавани ожидаемое судно причалило,
Моряки похожи на заблудших пиратов,
Что-то неладное с этим экипажем,
Вокруг него начинает сгущаться напряжительная аура.
Ладно, на носу вечер, пора сворачиваться.

Изящно шествующая дама в красной шляпе не оставила шанса не нарушить молчание.

– О, прекрасная, не вы ли перевозносите миг, словно лекарство от всех болезней, ваша панацеичность, мой взгляд ублажается строкой чудесной, а слух мелодией, что преисполняют мимолетающие жесты выписываемой вами походки.

– Кто вы? Не является ли небрежностью уличное заигры-

вание?

– Ни в коем случае, стихи подобны пресыщению, даже если остаются без отклика. Можете пройти мимо, но мне отпустить вас не хочется. Я творец одной из судеб, что произрастает и обращение к вам молвит.

– Что же особенного во мне вы находите, летящая следом пропащим жизнь, да и только?

– У вас есть тайна, о происхождении которой мне неизвестно, но что-то подсказывает о намерении возвыситься выше, вы стремитесь и то заметно по улыбке имеющей оттенок свирепый, словно вы кого-то недавно съели, удовольствие скрывается за маской незатейливости.

– Боюсь ваша рифма плетённая азартом преобладает над истиной, времени нет, прощайте.

Дама в красной шляпе скрылась в сумбуре переулков и унесла с собой загадку,

за ней тянется интрига, неистовая интрига, подобно сказка несущая потребность постичь в грядущем упоение нечто несоизмеримым и значимым.

Нужно закрывать лавку и идти навстречу полуночи, спускающийся яркий свет Луны даёт знак на совместное пиршество с тишиной, требуется преисполнить тьму собой, либо немногим погружением в сон.

Ночь подобна зову вселенной, что манит своей непостижимостью к свершениям,

к далёкой безкрайности простор неисчерпаемой неведомости озаряющейся звёздами. На причалившем в ближайшем порту судне привезли редкостный ром, непременно стоит пригубить в местном трактире, пойду загляну, сей день удался и он требует праздного итога.

Кабаре «Торговля будущим» на двух первых этажах трактира, таково название, там на стенах висят фразы знаменитых гостей о грядущем, отрывки самых интересных бесед или выступлений, в этом заведении часто устраивают дискуссии, в нём можно заказать прогноз на любую тематику и любой сложности, работают творческие люди и специалисты разного профиля, вечера там насыщены изысканной атмосферой.

Надписи на стенах:

«Списывать проблемы настоящего на образ благополучия в будущем весьма вредительно».

*

«Сколько не заныривай в прошлое, всё равно будущее».

*

«Завтра будет, два синонима связанных оптимизмом гормонального фона в голове. В этом будущее, это ожидание/желание апеллирующее к памяти в процессе восприятия обстоятельств».

*

«Будущее имеет множество сценариев и доступных ма-
нёвров, за которые неустанно ведётся борьба, но человече-
ство подходит к той плоскости, когда борьба обретает форму
противостояния между возможностью выстраивать будущее
и сведением перспектив к нулю, к отсутствию будущего».

*

«Кому будущее человечества? Не стесняйтесь! Мир не так
вечен, как чувство вашего комфорта».

*

«Отложим будущее на завтра».

*

«Не изнашивайте моё будущее, оно и так преисполненно
ожиданиями, которые вытягивают плоть в вакуум бесконеч-
ности».

*

«Ожидание, это самая безосновательная вещь, она осно-
вана на отсутствии, а это значит, что за основу берётся пред-
намеренное желание вершить будущее, не имея его нигде и
никогда, то есть действия призванные влиять на обстоятель-
ства согласно представлению о них, что собственно является
целью».

*

– Вот оно, вот оно!

– Что?

– Твоё будущее, только что стало воспоминанием.

*

«Будущее, это понятие прекрасно только 100% гарантией того, что однажды всё будет совершенно иначе. Не важно как, но 100% будет».

*

– Зачем ты поглощаешь миры?

– Я всего лишь заглядываю в будущее и рассказываю его, я ничего не решаю.

– Будущего ведь не существует.

– Да, для тех, кто его не выражает, всё движется, а это значит, что вероятность совпадения играет роль, и чем детальнее, тем дальше обозрение, но чем оно дальше, тем вероятнее несовпадение в мелочах, то есть 100% будущее невозможно, мы заблуждающиеся существа, но это нам не мешает до поры до времени, всегда существует элемент неопределённости, это элемент творчества. 100% расчёт невозможен, поскольку пришлось бы учесть каждый атом, мы далеки от этого, но то, что мы можем учесть, вполне позволяет видеть закономерности градаций способных создавать больший результат.

*

«Утро наступает, когда приходят мысли, мысли которые до сна продуцировали образ о завтрашнем дне, они стали мыслями сегодняшними о следующих днях, будущее вечно преобразуется вместе со своим носителем».

*

«Если вы рассчитываете на будущее, попробуйте безумие».

*

– Купил себе билет в светлое будущее.

– И сколько стоит?

– Сказали: «Поживёшь – увидишь».

*

– Что вы видите на этой картинке?

– Сравнение.

– Что вы слышите?

– Прошлое из точки А следует в будущее в точку Б.

– Хорошо. Что вас заставляет формулировать противоречия?

– Мечта, доктор, мечта.

– Какова ваша мечта?

– В будущем.

– А если будущего нет?

– Тогда до вчера, доктор.

– Ну, а если и прошлого нет?

– Ну, здравствуйте, вот мы и встретились.

*

– Что это такое?

– Преобразование прошлого в настоящее... вон потихоньку будущее вырисовывается.

*

– Смотрите, смотрите, что это побежало?

– Ваше светлое будущее, оно же счастье.

– Куда же оно?

– Убегает.

*

«Что я вижу, прошлое в настоящем провоцирует будущее, собственной персоной. Вы когда-то писали письма себе в будущее?»

*

– Предскажите мне будущее.

– О, счастливчик.

*

– Каким вы видите своё будущее?

– Воображаемым.

*

– Маленькая прелестная очаровательная падла, дай ущепну за щёчку.

– Кто вы, молодой человек?

– Гость из прошлого, вмешавшийся в ваше настоящее, чтоб увести в будущее, я вас похищаю, не паникуйте.

*

Подходит к цыганке старый еврей и говорит: "Элла, давай разберёмся, кто был в тот раз не прав, как-то не красиво вышло, неловко теперь ходить мимо тебя".

– Чтоб тебя черти не узнавали, Игнат, с каких пор тебе неловко? Упаси меня Христа мать.

– С того момента, как мы разминулись.

– Неси сюда свой хлам, я тебе погадаю.

– Вот, этот сапфир мне очень дорог, я хочу за него информацию о самом важном событии в моей жизни.

– Смерть?

– Тьфу ты, дура, я о любви.

– Идиот сраный, ты пол жизни ко мне ходишь и носишь морские камни, а я тебе дарю будущее, прозорливые речи!

– Манда вонючая!

– Пошёл отсюда, пёс поганый.

*

«Оглянитесь назад, там прошлое, посмотрите вперёд, там будущее, вы стоите на разделительной черте времён, одно движение и вся вселенная сдвинулась, не принимайте близко к сердцу».

*

– Мадмуазель, возьмите бокал шампанского и позабудьте о прошлом, мы сегодня попали во временную турбулентность, встречайте будущее, вон оно, вон, приближается. Осталось лишь перешагнуть, всего один глоточек.

– Уговорил, осёл сраный.

*

– Эй, циганочка, раскинь картишки прозорливые, у меня есть чем полатиться.

– Протяни ладонь, суетливый.

Достаёт садовый секатор и в миг отрезает ему палец, провозглашая: "Ни я твоё будущее, а то, чего ещё не лишён, без-

пальй".

*

«Будущее – это синтез воспоминаний и естественных потребностей организма в процессе восприятия ситуации. Под естественными потребностями подразумевается состояние обусловленное принципом "вечно что-то мешает, непрерывно что-то нужно и постоянно чего-то не хватает" или "всё хорошо, я сыт, но в будущем не помешает ещё разок". Будущее невозможно избежать без явных психических или физических нарушений морфофункциональных качеств организма».

*

Удивительное совпадение, дама в красной шляпе находится в заведении, возьму новенького напитка и понаблюдаю за ней, она ведёт беседу с местными баронами, видимо за ней тянется след незримых дел. Ром действительно восхитительный, им можно дышать и лишь его аромат доставляет пьянящий сладостью эффект.

В заведение вошёл подозрительный тип, его глаза укрыты тенью, словно душа во тьме утопшая по истечению длительного времени превратилась в демона, он неторопливо обошёл зал и направился к столику с дамой в шляпе, у него в руках блеснуло холодное лезвие ножа, дама увидела его и словно узнав ринулась бежать, он за ней, один из баронов вытащил пистоль и пальнул вслед человеку с ножом, но промах-

нулся, пуля оторвала кусок входной двери в кабаре, я сделал глоток рома и выбежал на улицу посмотреть продолжение бегства незнакомцев,

дама спряталась за вооружёнными патрульными, а демонический тип словно растворился в толпе и спускающейся тени вечера. Мне не осталось ничего, кроме того, чтоб подойти к загадочной женщине и спросить о произошедшем: «Меня с первого взгляда на вас озадачил интерес. Что же вы за персона? Извольте счесть, я не нахожу покоя от непредсказуемой встречи».

– Ох, ваше любопытство может причинить вам ущерб, но оставляю вам намёк, который прорастёт в дерево, я курьер, а что несу и кому, адресату неведомо, даже неведомо мне, абсолютная гарантия секретности – дорогая услуга.

– Неужели вы пророчица?

– Возможно вам однажды понадобится сохранить тайну и вы не будете знать зачем, сие по моей части.

– Заказные убийства, стирание памяти?

– Непредугаданность включает вариации.

Дама ушла в сопровождении вооружённой охраны, но из под её воротника выпал небольшой бумажный свёрток, они быстрым шагом отдалились и скрылись из виду, я подобрал свёрток, он имеет вид необычайной эмблемы в виде розы,

я его развернул, подобно лепесток за лепестком мне открылось слово «След».

Что бы это значило, чем бы быть могло? Похоже на игры тёмных персонажей, что заводят интриги из нулевой массы и набрасывают плетни на окружающие их просторы для кражи времени, возможностей, жизни.

Некоторые женщины словно слякоть, мокрые, вязкие, в них сложно не заляпаться.

Люди, которые чего-то постоянно боятся, от чего-то прячутся, что-то пытаются намекать, чего-то недоговаривают, что-то недоделывают, напоминают половины частей непригодные для полноты жизни в принципе, поскольку из-за неполноты всегда вытекают проблемы, которые имеют свойство дорастать до неразрешимости, где стало быть ясным, что появившаяся проблема идёт в рост.

Настало время тишины, вьёт в несметной пустоши каналы в жизни, только бремя суеты задором приукрасившись наводит помыслы смурные и тоску невзрачную, неожиданно гроза буйством уволакивает и топит безысходно миг, словно не может быть иначе, держит за душу громоздкой хваткой, сопротивляться никак, толи плен, толи дарование, но иначе нет и не было, содрогает ветер двери и свист напевом убажует тело, что разомлело в тепле подле печи трактира,

Ушедший день в ночи поник, что в упор предстала без прощения, так и сникнет ненароком в миг, стоит лишь во сне исчезнуть.

Под покровом звёздного неба раздаётся крик, это провозвестник случая, что поводит бытие, словно пса на поводке, они вместе неотлучно шествуют ношей бранных страт, вся вселенная сопутствует, ей ничего не жаль, ни подношений, ни утрат.

Окончание сна, луч света растопил скованность ночи и дрём,

Немое утро, а день как будто непробудный уносит невзначай скупую на веселье жизнь,

Алё, небесный смотритель! Пришли всплесков из любви, чтоб озарили изнутри покровы социальной тьмы и их неспешность стискивающую буйность в мраке скуки,

Терзает морской ветер душу, отрывает от обрыва края, она бросается не зная, что впервые и в последний раз уносит в бездну неповторности, ничто не обернётся вспять, ничто несопоставимо с непокорной вечностью,

Ну вот, накатывает страстности приход, пронзает окна несдержанным побегом, что только видит свет и тянется за ним фоторецепцией, протягивается вдоль мирских границ электрохимической эссенцией, её неотлучно плодила безконечность, поток любви гнёт и пробивает рамки постижимого, но представая формой навсегда себя исчерпывающей.

Солнце в нашем мире – младенец, он постоянно капризничает, испускает всплески, но никто не знает чей он, долж-

но быть его кто-то подкинул и он не находя места раскидывает вокруг себя свет. Луна – всегда сонное лицо, на котором проживает монстр ночи, он на крыльях подобных крыльям дракона спускается к нам и каждый раз кого-то уволокивает к себе в логово, в основном женщин, детей и собак, на улицах повсюду знаки в виде табличек с оповещением расписания активности монстра, восходы, заходы Луны, у него есть второй рот с левой стороны лба, который непрерывно дерзит и пытается всех кусать, поэтому по ночам на улицах ни души, только вооружённая охрана, а все окна запираются на замки.

Земною славой от тропы к тропе в звёздном небе ни воссиять и не угаснуть, лишь утопнуть среди несметных миражей, что из под золы мирской восходят остатком жара, струит тепло из под ступней, дышать порою нечем, словно жизни мало, а прибавить никак,

Удушье в мгле дымящей, тонет серость дней, стрекочет такт пропащий времени разодетого в узоры преисподни, но вон виднеется восход, пожар палящий неотлучным жестом воздвигает брэнность, в выси небо голубое, гуляет чистый ветер, лишь достать и зачерпнуть поток бодрящей свежести, чтоб мигом озернуть ещё ползущей жизнью в небыль грань между восхищением и безысходностью падшей, что ещё испускает ростки сквозь забвение по курсу патетики райской, за упоением, за упоением.

Вспоминается вчерашний день и дама в красной шляпе. Вместе с несущей интригу женщиной осталось чувство резкого изменения обстоятельств, охотящийся демонический тип явно имел веские мотивы, его скрытность и неприметность говорят о некоторой тонкости в способностях, он подготовлен и занимается охотой давно, здесь явно назревают крупные, но нечистые дела.

Я прибуду туда, где свобода ударяется в берега крайностей ради достижений, иначе сгину в омуте безпросветном, борьба за будущее идёт непрерывно, его норвят украсть различные существа, наш мир подвергается атакам с их стороны, их посягательства могут оставить нас в прошлом, чтоб мы вымерли в хронологическом тупике и ментальной ловушке перед вызовами вселенной.

Меня не оставляет в покое подсказка выроненная невзначай дамой в красной шляпе, бумажная роза в лепестках которой спрятано слово «след». Может речь о некоем наследии?

Совет по этому поводу можно получить не во многих местах, но есть одно необычайное поместье под названием «Дворец лилий», там живёт цветочник постоянно одурманенный ароматом лилейных цветов из-за своей одержимости ими, он пристально смотрит за каждым из них и там не растёт ничего, кроме лилий, все разновидности, этот ботаник не раз прославился разгадкой тайн и секретов. В геральдике

древнейших времён лилия была символом олицетворяющим аристократию.

Изволнованная чаша неугомонной строкой поводит жест касания, пронизана веянием сумбура насквозь, обнажается расстояние что страстью преисполнено незримой, во тьме сокрытый демон томлённый преисподней, за сиянием небес божественность нетронутая, два встречных помысла гуляют по просторам были, ворошат природу буйным пылом,

Но есть ли в этом смысл, вопрошание настигло?

Спроси у вечности, она не знает, ей неизвестно ничего.

Так откуда же вопрос?

Это лишь желание восполнить разума просторы, что невосполняемыми быть не могут, от того и потребствуют знать и насыщать тем жизнь,

Но ни демоническое, ни божественное не ведают бремени застойного быта, от того не озабочены сим, между ними тьма и свет сползают одно в другое несдержанно, игра взоров потоками встречными, дерзкая погода заплетает вновь заделы, ни выхода, ни входа, шествие вдоль и поперёк, от меры к мере, меж адским жаром и упрёком светлым,

Предпочту идти мимо, ход не сдерживая, и немного манёвренности, повесть нервная.

Вяжи мой путь, незримый шёрох бытия, всё возникшее несметно ускользает, ведь форма движима и в динамике пре-

образования сим сникнуть ей дано, попробуй зацепись, вселенной всё равно, память всю не сохранишь, но эхо резонирующим тоном будет долго коробить мирские грани.

Пусть блещут красивые люди, пусть открываются прекрасные сущности пред накатом светового дня, ведь не будет гуще в котле с месивом жизни от паскудных уловов и скользкого пронырства, пусть выгинаются помыслы и обороты лингвистические вместе с аппаратом мимикрирующим, ведь сим предстаёт вся когнитивность были, а небыль, а небыль не видел, ни разу не встретил, о ней разговоров лишь от почвы до сжигающей россыпи светил, так рост лесов гласит, так мимоходом от шага к продолжительной мысли, что залезла дальше, что залезла выше, неизвестно зачем, интересно, любопытно, нечто из непомерного движимое покоряет неизвестное, должно быть непокоримое всецело.

Сползает незримое касание тишины, словно так и надо, но похоже незачем, немая пададь тьмы, проявиться в этом нечему, от того корёжит и въедается тоскливо несметное и безмерное отсутствие чего бы то ни было.

Говорят, что монстр с Луны украл солнечного младенца и погрузил тем самым наш мир во тьму, на небе лишь отдалённые огни других младенцев, которых не видно, до которых не дотянуться, монстр часто воровал детей и видимо из

скупой ненасытности второго рта сбоку лба добрался до самого большого и значимого ребёнка нашего мира. Возможно в этом инциденте есть картельный сговор, поставщики света теперь получили огромный спрос и могут расширить свой сбыт, выручку и кошельки. Свет в нашем мире является главным мерилом и основным финансовым средством, за куски света можно приобрести любой товар, более яркий стоит дороже и за него можно выручить большее количество тусклого. В моменты радуги собираются ярморки и распродажи, держатели источников света съезжаются со всех уголков империи и открывают аукционы в заранее предусмотренных локациях, где от больших скоплений торговцев происходит перегрев биржи и аномальные выбросы энергии, которые сменяются празднованием и коррекцией стоимостных котировок, когда падение активов в цене знаменует обогащение держателей наиболее ценных/стабильных кусков света и жёстких номинальных источников не убавляющих свою цену, а наоборот вследствие инфляционных вздутий прибавляющих стоимость в процессе обесценения основной массы финансов.

Мне нужно добраться во дворец лилий за советом по поводу бумажной розы. Кража младенца сияющего в небе погрузила мир в ночь, люди опасаются замерзания, ведь если не вернуть светило на место, света может не хватить, это добавляет мотив для встречи с незаурядным ботаником. По-

всюду распродажа световых кристаллов, падают цены, хотя отдельные группы торговцев создают кортельный сговор и завышают стоимости. Хватит ли у поставщиков источников обеспечения финансовым светом? Среди населения гуляет страх перед растущей тьмой, жители боятся улететь на Луну в лапах монстра, в нависающей тьме аппетит летающего существа возрастёт многократно. Думаю, можно недорого арендовать светящуюся карманную фею для компании и освещения в дороге, путь пролегает через изумрудные луга, день пути, если спускаться по течению в плавающей карете запряжённой лососями, на обратной дороге они идут нереститься и можно требовать скидки цены на билет, поскольку им необходимо идти к истоку реки против течения в любом случае, что увеличивает время пути в обратном направлении, хотя и по течению они после нереста полудохлые, спасает сопутствие речного потока.

Следуя вверх против речного потока лосося натягивают пружину, которая словно на заводной шкатулке откроет следующему поколению мальков перспективу посредством точности реки несущей их к океану, что ранее преодолевается их предками, так решаемые сложности жизни подобно ключу от механизма заводящего потомков, дают им запас прочности, времени и пространство для маневрирования в сопутствующем потоке событий, а когда те созревают, они натягивают пружину вновь уже для своих отпрысков, ведь те, кто не смогут завести механизм и натянуть пружину акку-

мулирующую энергию потенциала для жизненной перспективы, лишают своих детей перспективы, так вершится эволюция в нынешнем мире, хотя натянуть пружину может не удастся и по другим причинам, социальная среда имеет множество неестественных антагонистичных преград и сложностей ограничивающих статистически неизбирательно и даже выборочно вполне способных персон. Я знал одного часовщика у которого не было времени, он не смог даже оставить детей после себя, человек создающий время и заводящий часы многих людей не имел времени для продолжения своего дела потомственно, а когда он состарился, все начали ориентироваться по Солнцу и звёздам, часовщика сменил звездочёт повествующий о вселенских циклах из своих расчётов, поэтому кража сияющего младенца, это большая проблема для населения, мир погружен во тьму, которая уносит всех в неведение, часами уже никто не пользуется, произошла необратимая техногенная деградация, а значит дворец лилий нужен и для того, чтоб узнать об этом происшествии больше, отсутствие светила на небе должно сильно беспокоить цветочника относящегося к каждому цветку с крайней щепетильностью.

Поэзия, это область литературных развлечений, всё хлёсткое, колющее, режущее, меняющее состояние душевное и пахнущее неизвестно чем, всё включено, прилагается, содержится, обороты почаще блудливых сплетен, извивает мыс-

ли вектор, но словно вышивка вплетением застыла, собирает пыль, взгляд чей-то крадёт сквозь расстояние и время, меняется всё, но только не форма написанной пьесы, ползёт лингвистический след сквозь чертоги эпох, ползёт текстурой по плоскости, ему бы взойти и выпрямиться, да никак, пускай лежит в полудрёме, черпает внимание беглое, что заводит за углы граней мирских, через края заборов перекидывает, где вновь закончился день, час, минута, миг, а дальше возможно нечему быть, нет прямой необходимости предсказывать несвершившееся, как доберёмся, там поглядим.

Кривая память только в кривом менталитете, замурзанны грязью дали перманентности, незримые поспешности выводят из дряни дрянной вид, нехватка содержательности в повестке растущей тьмы, паршивые шевеления теневых существ, невзрачность расцветок,

Подайте становление роскошных мгновений, чтоб растянувшись вдоль мимо успеть, непревзойдённые проспекты времени, ни разу не прервалась необратимость. Ни пропасть ли? Но можно пролететь. Неизбежное в виде истины не лишнее, излишек в бесполезности, что есть признак скудных ментальных извилин. За каждым краем край, словно тех и нет, сливаются в окружность мира, попеременно чередуются выпуклости и борозды рельефа, обстоятельства впадают в русло когнитивного желоба, сознание черпает всё вперемешку черепом, словно то ковш, много всякого, много, ну-

жен сортировочный конвейер, иначе снисходит по проторенной колее дерзновенным тактом нерва упрёк неуместный, в форме жалкого покусывания, что расползается зудом по душе, резонирует скудное эхо, пропащая аморфность наподобие ряби поверхностной, есть, но незачем, я расскажу в другой раз что-то веселей, непременно, мне нужна волшебная фея, её взмах в вышине, что ссыпает блеск магический на покровы блеклых убитых дней, она рядом где-то, она неподалёку, крылья пархают несдержанно, веет дуновение лёгкое в сладком предвзвешении.

Фея досталась за немногим, за старый осколок вечности, что сияет неведомо от чего, фея в отличие имеет в светимости ограничение размеренное смертностью, но и мне вечность в протяжённости не по плечу, поэтому выгода в данной сделке на моей стороне, её свет направленность имеет, да и собеседник в дороге нужен.

Осветительница пространства и собеседница оказалась весьма любвиобильной и постоянно лезет целоваться, а её жужжащие крылья высокочастотными амплитудами словно гипноз извиваются запредельными мелодиями, придётся её держать в стеклянной ёмкости от переносного светильника, особь не маленькая, ростом – сантиметров тридцать, а голова размером с мандарин, глаза светятся.

Говорят, что в состав фейной крови входят осколки све-

та в виде частиц, вероятно продуцируются прямо в ней, она питается нектаром и пыльцой цветов кристаллических, что сияют в темноте возле изумрудных лугов, ещё слышал, что за счёт повышенной скорости метаболизма её объём нервной системы превосходит в производительности мозг среднестатистического человека.

Я ей сделал в бывшем светильнике качелю, поставил зеркальце и удобное место для сна, а когда начнёт рассыпаться капризами, буду на прогулку отпускать.

Да здравствует безбрежный поцелуй, зацветает буйство лета, ещё весенний аромат с уходом не спешит, но небо сыплет грозы по тропически, парниковое удушье дополняет такт стремглавья в будущее, ещё немного оставив позади прошлого отвалившегося от настоящего и будущего, слогая из лишений память о вчерашнем безграничном, да что там, вон откалывается кусок ушедшего мига истираясь в небыль, словно шорох пыли меж подошвой и тропой, песочный скрежет дюн истории, вот и молния настигла остатками остывающих туч прогретых ещё украденным солнцем, дождь замывает сухость почв текучестью вин, вспенивает притаившийся в них пыл, розы вдоль аллей испускают аромат и акации игриво заплетают берег, река виднеется в просветах их листвы, внушает спокойствие превосходным ритмом танца, ведь никогда не бывает чуждой издали, поскольку способна ранить или забрать жизнь только неотлучным касанием.

– Ну, что поведает моя попутчица, что расскажет о своей жизни, о страстях и чаяниях? Произнеси своё имя.

Фея немного смутившись при дистанцировании от любовных интриг начала злобно бормотать: «Повсеместная классика жанра, не столько от привычек, сколько от скудоумия, отсутствие упорядоченности в головах – цивилизационная обуза, следование разума за эмоциями, а ни эмоций за разумом, всё просто до примитивности, детализации признаков неизведанности нет, какая-то пищевая градиентность, припудренность незамысловатой агрессии образом компетенции, тонкость нити в необузданной бездне, остроты которыми прокалывать нечего, уверенность сотканная из невежества, форма приверженности впечатлениям, что порождают убеждённость, в которой нет потребности, социологический безнадёжный анонс по признаку прихоти, а ни грядущего, привилегия цепная, сцепление коробок черепных по признаку диаметра звеньев, забор который дышит без когнитивной нужды, сам собой явился, от генитальных вспениваний и крайней озабоченностью сим, ибо таковому больше нечем и никак бытие преисполнить, продолжение, что из себя за собою следует в хороводе замкнутого цикла по траектории орбитали космической, но недостаток не потеря, это лишь то, что не выносит деяниями свершений, узкая польза ограниченная рамками плотскими заточившими в себе творческую

вольность мысли, масштабная бесполезность спрятанная за образом творения всевышнего, переадресованная на дисциплину безответственность, безучастность пред всеобъемлющей закономерностью, истине неверность, одержимость возможностью под предлогом обмана всё съесть, имитация упорядоченности при полном неимении оной, запас для манёвров покусения на любой повод возыметь что бы то ни было большее, но лишь в плоскости типичных утех, аморфная прогрессия реакции потребляющей, органические порывы утратившие признаки органичности, либо даже таковые не имев, моё имя начинается с буквы которой в вашем слухе и памяти нет, оно звучит в ультразвуке, поэтому звать меня не больше/не меньше, я по вашим помыслам смогу увидеть. Должно быть отныне стало ясно, почему цыгане спихнули вам моё беспокойное неуёмное тельце, в этом есть и моя задумка, они считают, что их мысли повод, а ни следствие, поэтому поддаются инерциям.

– Столько эрудиции и веселья, неожиданный подарок для пути, взгляни на небо, лунный монстр украл сияющего младенца, мир погряз во тьме, мой ум таинственная загадка тяготит, что стоило бы изведать прежде чем в холоде глыбой льда станет быть, сдаётся мне, что осколки вечности своим сиянием не преисполнят теплом жизнь, здесь нужен только солнечный младенец, ведь куски света, это лишь слёзы и слюни разлетающиеся с его смехом.

Вот и река, пристань и станция, где отправление карет вниз по течению с лососями, стоит немного отсветить в каску светящейся пыли и билет к отправлению произрастает с типографического дерева, отрываем лист и проходим к кондуктору.

К устью плыть один оборот мира вокруг оси, там недалеко дворец лилий, фея намеренно прячется, чтоб не светить, на небе в дали звёзды сияют ярче по мере нарастания тьмы, по берегам всё больше осколков вечности и светящихся фей обнажающих свой блеск, отпущу свою, пускай летит куда хочет, если не желает освещать путешествие, в воде речной планктон искрящий, уносит потоком течения в бездну моря, но фея улетать не желает, говорит, что с голоду сдохнет, поэтому придётся и дальше испытывать её капризы и издёвки.

Посвящаю помыслы пустоте, но мотивы личностей задетых сопутствием невольно мерещатся и снуют в голове, лёгкий скрежет глазных хрусталиков, преломление, дисперсия, вы туда впали, милая фея, и разнузданностью веерной рассыпались подле изумления.

Вдаль уходящий корабль необратимо топнет в истечении обстоятельств, всё норовит напомнить, что всегда хотелось свершить житейскую пользу, но быт современности вокруг

меня настолько бесполезен, что можно всю жизнь сдвигать с места мироздания плиты и ничего не изменится ровно настолько, как если бы ничего не сдвинулось.

Жаловаться неуместно, но это констатация, возведение семантики из длительного опыта, биология вещь стопорная в очертаниях природной инерции, поэтому есть необходимость выводить за её чертоги всё, что за них выходит, иначе ничто ничего не стоит, логический смысл жизни к абсолюту подошедший до предела, это покорить бесконечность до бессмертия, – сложно, создаёт социальное напряжение, не в каждой голове уместно, требует жертвований и свершений, но другого выхода нет, но другого выхода нет, но другого выхода нет, ведь конец не выход, это формальное завершение ничего не достигшее, несостоятельность, если продолжение не сотворено в динамике преобразования формаций.

Фея скинула платок за которым пряталась и с удивлённым выражением лица от сходства содержания её возмущения перед сформулированным толкованием, предварительно мимикрируя начала пискливо бормотать: «Консерватизм, это из рода моральных закруток, употреблять можно, но они устарели, лишились свежести, а пригодность сугубо в наличии, привычно лишь, обратите внимание, обратите, как оборотень в полнолуние, возопите на облик зудящий в ночи, я ваш вой услышу и на помощь приду, принесу рубаху умирительную и микстуру лекарственную. Вы неожиданно вскрик-

ните: "Это похититель!" Я отвечаю: "Нет, это мимо летящий сдвиг в нервах, попридержите его, всё равно выскользнет с жизнью вместе, когда ни будь". Консерватизм в семантике всегда должен пересматриваться в пользу эффективности и процветания, поскольку ни одна форма жизни не в состоянии сохранять себя вечно формально. Простой пример, подобно шахматам, 64 квадрата двух цветов, 32 фигуры, множество вариаций их расстановки и позиционирования, но достижения в рамках шахматной доски полностью исключены, поэтому, чтобы мирскую проблему решить, нужно глядеть за пределы мира, решение задачи всегда за гранями постигнутого в ходе её постановки, поскольку каждое новшество формируется шагом необратимым, где вся бесконечность уже немного сдвинута и навсегда изменилась».

Феи всегда отличались богатой мыслительной изворотливостью и магической склонностью к призыву непредсказуемых свершений, но эта имеет что-то особое, у неё зеленоватый оттенок, который не сразу заметен, раньше ходили в быту мифы о зелёных феях берущих начало своего рода от самого люцифера, в наше время таких никто не видел. Закрадывается подозрительное чувство в отношении моей попутчицы.

Говорящий речной дельфин вынырнул из воды ноздрей на спине рядом с плывущей каретой и начал назойливо предо-

стерегать раздаваясь голосом из спинного отверстия:

«Интересное общение, это такая редкость, что немота становится нормой, я слышу ультразвуковые частоты, поэтому знаю язык фей, произношение обычных слов подобно мало-содержательным возгласам из густой растительности, справляюсь одним сфинктером на спине, у людей слишком часто чередуются попеременной нечленораздельные мотивы потребностей и привычек к чему-то большему чем есть, непонятому, но невероятному с их точки зрения, скорей как к поводу для прихоти причастие иметь к нечто великому, превозвышенному впечатлением, но то измышление, простейший способ превозмочь мелочность, не коснувшись ровным счётом ничего за пределами, ни мыслью, ни делом (ни о морали ли речь?). Так от чего же, от чего же должно быть богатство несметное или нечто превосходящее что-то чем-то, коли богатства в разуме нет? Мелочность, это отсутствие свершений, массовое когнитивное оскопление по лекалам преобладания простейших решений, соответствие общепринятому ради пресыщения вне зависимости от чего бы то ни было, бессознательный неосмысленный алгоритм кучкования однотипности, зачастую в колее необузданного агонизма.

Разменщики того на это напоминают звон девальвированных монет, но в монетах изначально ценится эффект нержавеющей, незыблемость формы и меры, а ни желание превозмочь одну наценку другой.

Суть зачастую за кадром стелется, в объектив когнитив-

ный втиснуться не сумев, словно её и не было, но она всегда жидется, ждёт подходящий момент, поэтому стоит хранить осмотрительность, дабы узрев сотворить достижение. Ваша попутчица необычная, прислушивайтесь к ней».

Дельфин скрылся под водой и вода покрылась пузырями при лопании которых доносилось эхо ещё бормочущего что-то невнятное голоса.

Тем временем дама в красной шляпе о своих делах, о растянувшейся ночи и спускающемся холоде: «С одной стороны захлёбываясь дерьмом, с другой стороны констатируя пристальное внимание богемы вследствие их отвлечённости привкусом наживы во рту отдалённо маячащей образом яркой имущественной иллюзии при получении выгод от торговых сделок, где не возникает ничего, кроме желания сплюнуть дерьмо в сторону богемы состоящей из деградировавших имбецилов, коррупционеров, этнического криминала, воров, ментального плебса и прочей грязи, ставшей таковой уже в масштабах эволюции, составляя социальный облик устоявшейся эпохи в виде породы и всеобъемлющей страты, словно дерьмо начинает преобладать везде и по всем шкалам приборов, оно топит и заливает все коммуникационные каналы, всё стало канализацией и её руслом, все источники наживы, всё, что представляет из себя цивилизация, вонь становится нормой, дерьмо становится едой, законом,

стройматериалом, наукой, политикой, дерьмо становится даже лекарством, дерьма так много, что в нём вязнут цветы, им не хватает кислорода и почвенной тверди, чтоб воспрянуть и взойти к просторам питающих их светом, из дерьмовони образуются тучи и затягивают весь небосвод на долго и плотно, будто насовсем, в связи с чем настаёт дермозима, усиливается холод, возможно это причина исчезновения сияющего младенца, из замерзающего дерьма образуются сталактиты и сталагмиты, планета обретает новые очертания ландшафта и рельефа, застывающего, иногда извергающегося и растекающегося дерьма, биодерьмосфера стала определяющей и из неё ничего не прорастает выше дермобрызг булькающих из выделений метана при инертном и естественном ходе ферментации фекальных масс. Когда дебилы теряют края, это выглядит так – мы говно, везде говно и всем говно, ведь настоящее дерьмо, это попадая в которое не выбираешься из него никогда.

Дурному человеку для счастья или состоятельности достаточно быть дерьмом.

Ну, а когда носы лиходеев и глупцов подводят к фекалиям, которое они наделали, они начинают умничать или изображать несоответствующий вид мудрости, но их глупость делает любое проявление остроумия с их стороны весьма неуместным и аморфным оправданием.

Комплексный эффект имеет проявление во всём, от каждой неблагоприятной персоны по кусочку дерьма и получает-

ся огромная зловонная куча, даже безобидные мелочи при негативном влиянии в комплексе образуют ужас.

Нужно найти тёплый свет и исчезнуть отсюда. (есть куски света излучающиеся преобладающе в термальном диапазоне)».

Признаки посещения головы мыслями всегда дают знать о себе, эндогенные впрыскивания питательных веществ с особым изяществом, им требуется ещё, не меньше прежнего, а лучше поболее, от того и метятся порой несдержанно в беспорядочной форме, в отрыве от актуального протекания обстоятельств, словно поломанные, но то избыточный объём, буфер сведений, жаль вот не всегда в нужном месте и в нужное время, безалаберное шуршание были от кинетических импульсов без логической коррекции, словно песок на зубах, неприятно и портит эмаль, неудобно улыбку обнажать, но если, но если посещают голову мысли обильно и уместно, это оставляет след, несметным напором возводимый в мелочах и масштабных сооружениях, ведь всё человечество является мыслью, не плотью и не количеством тел, именно мысль, каждая жизнь и все её воплощения, от гвоздя в крышке гроба до ракеты прокалывающей в небосводе дырку.

Вдоль реки по берегам периодически мелькают изумрудные луга,

Блеск и яркая зелень испещряют взгляд,

То и дело доносится звенящий скрежет кристальный от
эпитаксии,

Фермеры карлики собирают урожай,

Иначе камни взошедшие конденсацией превращаются в
изумрудные дюны, что перекрывают реку и деформируют
вектор её течения, в связи с чем образуются топи и навод-
нения, поэтому камни развозят на тележках, выменивают на
другие украшения и задействуют в торгах,

Говорят, что они активно используются в тайных целях
при синтезе искусственных осколков вечности и в экспе-
риментальных исследованиях сокрытых магических сил, а
также из них делают лезвия, получаются хорошие кухонные
ножи.

Казалось бы, должно быть уже утро, мы подплываем к
устью, но день не наступает,

Солнечный младенец пропал без вести. Где он, куда ис-
чез? Никто не знает, все подозрения падают на лунного мон-
стра, больше не на кого.

Провожая взглядом быт, изнутри, словно эндогенный ор-
ган мира, произвольный импульс вселенского такта, от при-
чины к причине звенья сковываются в закономерную по-
следовательность, но что-то здесь не так, чего-то не хвата-
ет, нужно по ходу происшествия жизни привнести конту-

ры небывлые, хоть ничто и так не повторяется, ступорное однообразие – это гибельный тупик для жизни, в остальном тупик невозможен, вариации предоставляют продолжительность за счёт маневрирования в них, крутящий момент, остаётся самое длительное, безконечность не противится, ей бы компанию составить суметь, уткнуться в зеркало бездны её, молчаливое вездесущее отражение каждой меры, никуда не деться, но однажды утратить форму придётся, навсегда и незачем, поскольку любая форма изменчива, кроме самой мелкой, я именовал её базисом.

Первозданное утро в первозданный день, но во тьме крошечной, из меры по мере, из крупницы крупницей слагается бытие, лиственная зелень мельтешит в ещё не остывшей жару, карета сползает по реке неспешно, провожаю динамичность мер.

Кого бы не искали здесь, никого бы не нашли, ускользают дали, ускользает миг.

Фея провозглашает: «Если вы не обгоняете, вы выбрали неудачное занятие, в следовании за кем-то вы отстаёте и теряете главное, инициативу, даже если следуете за вселенскими закономерностями, их тоже стоило бы обогнать, иначе не выжить, иначе не возобладать.

Потеря времени никогда не играет на пользу, полезно только опережение, если оно достаточно безопасно и резуль-

тативно, поскольку выигрывает время, где возникает пространственный промежуток для прогнозирования и возможность детализации критериев прогнозирования, а это в свою очередь расширяет зону для маневрирования в ракурсе достижения большей эффективности».

– И впрямь что-то есть в попутчице неистовое, возможно и немислимое, она систематична в каждой мысли. Какие предложения по части практической?

– Изолировать любую возможность развития от влияния тех, кто не обусловили бы это развитие ни при каких обстоятельствах, безнадёжность и цивилизация несовместимы.

Карнавал по признакам напаяливших на что ни попади личные эскизы представлений от прихоти вопреки целесообразной когнитивной достоверности, но культура, как плоскость этикета, это не то, что требует причастия к ней, недостаточно быть близким к понятию или контуру соответствия, культура это поведенческое, порода выводимая по назначению свершить достижение, передаваемый по наследству менталитет,

Пошлите разодетых за скорой помощью, иначе не успеют поймать приступы повода встрять в приключение, мой опыт гласит, что отравлена жизнь идиотами, причём с самого детства, причём ещё в предыдущих поколениях, неоднократно, под видом тишины и усмирения, а порой дружбы и заботы, мерзкая стадная склонность к чувству превосходства

количества над качеством, повадка паршивая пользоваться любой наживой, манера преимущества подлости над честностью, им хочется всего и даже больше, но нечем освоить то в области смысла, сугубо локальная прихоть аморфного впечатления рвущегося из головы к другому черепному содержанию за источником пресыщения, так мартышки пальму с плодами спелыми оккупируют, у меня диалога с ними нет и не было, и впредь предпочту прерывать его при малейшем признаке возникновения, не столько от недостатка содержательности, сколько от ущербности, вариантов осталось два только, отсутствие и упразднение.

В каком порядке? Дело складывающейся последовательности их сформировавшей их же закономерности.

Животные отличаются тем, что они занимают позицию приводящую к наживе, к успеху или к потенциальному преимуществу даже если для этого нужно стать куском дерьма, то есть готовы разрушать всё ради спорадической локальной выгоды или эмоциональной доминации, узкий стимул выживания идущий вопреки созиданию, это инертная форма адаптации в социальной среде не идущая по пути конструктивизма, только прихоть и питающая её нажива, поэтому данная тактика поведения никогда не приводит к существенному развитию цивилизации, поскольку в ней не содержится переосмысление в пользу эффективности и результативности, она единственное, что цивилизацию исключает, а

значит, цивилизация не может быть состоявшейся и основательной до тех пор, пока не достигает возможности полного управления поведенческими инерциями в пользу развития науки, этики, искусства, технологий и исключения стопорения таковых.

Любой формат социальной среды на сегодня, это реализация наиболее прямолинейного инстинктивного поведения вопреки эффективной логике и сдержанности в достижении выдающихся результатов, формальная адаптация и привыкание при тенденции сокращения творчества и сложной проектировки, то есть на неврологическом уровне типажи нервной системы стопорящие инстинкт мыслью, массово искореняются типажими нервной системы не способными на нейроструктурном уровне исключить деструктивное и архаичное поведение в принципе, где это исключение носит лишь ситуативную и имитативную форму ради безопасности, ради стремления заполучить наживу в ракурсе выработанной социальной стабильности, не более чем, это ни осознанная причина терпимости, коя в систематической когнитивной форме приводит к кропотливому познанию, а интуитивная переадресация агрессии и посягания в другие способы добычи, у них в голове не отрастает то, что полностью исключает поведенческую деструкцию в виде полноценного понимания закономерностей и их последствий. Какова здесь кульминация, если ментальная неупорядоченность имеет свойство так или иначе проявлять себя и зачастую в самых неподходящих

ситуациях? – пролепетала монолог фея.

– Страшная вещь потеха, коли мозгов не бывало, всюду мерещится непреодолевающим животные начала игра да забава, но в систематическом дефиците у них содержание, нехватка семантики в повествовании и суждениях, что естественным образом делается проблемой в полном отсутствии проблематики и не делается достижением когда ничего не достигнуто, формальная безалаберность и простодушие, сложноидентифицируемая органическая активность, химический градиент пищевой прогрессии или просто ужас, то, что рыщет, но что не стоило бы найти ни в коем случае, только терять, терять подальше от любой формы влияния на разумные вещи и разумных особ.

Ох, если бы, ох, если опять или снова выскочил нерв амплитудой гормональной струи по романтическим эскизам жизни, что однажды предстают портретом шедевральной изворотливой картины, где огромное количество пропащих дней и поносимых ими судеб, непреднамеренность каждого из них тревожит, словно свет аллей, которых не коснутся стопы, чувство важного незавершённого дела, что нельзя завершить, но все эти дни пройдены, все претворены в небыль. – завершил диалог купец.

Вот и тропа ведущая к цветочному дворцу, недолго пешим ходом, осталось за ширму заглянуть, той тьмы, что по-

грузила мир в загадку и неведомость.

Тихие томные муки тоскливых теней умалчивают о потребности привнести несметные впечатления, иначе не будет и теней, исчезнут в безчувственности и отсутствии, тиснет-ся из цветов свежесжатый нектар умоления, пчёл не манили плацдармом из лепестков и притерностью тягучих эфиров, они сами летели, им мёду бы, да цветы ядовитые, лишь алколоиды и хитросплетения гибельности, агрессивная био-генная плата за квоту на последующий вдох, далеко не всегда уместный,

Нужное время и нужное место это на самом деле роскошь, но подарить их некому, коли самостоятельно не оторвёшь от мирской плоти,

Лишь жажда искромсать её и мякоти кусок изнежив в рас-соле вечности, поджарить на адском костре, сладострастным вином придерживая в раскрепощённом искуплении.

У прекрасного поместья, но укрытого тенями, цветочник невольной обременённостью в своей одержимости цветами тяжело вздыхает и с выпускаемым воздухом бормочет в дурмане пытаюсь осветить осколками света бутоны:

«Они нежились в лучах фотовспышек, грациозно переби-рая лепестки и листья, словно осьминоги в морской сыво-ротке, их красивые пестики и тычинки слогают образ ми-ра обрамляя контуры растительных вершин, невольная сила

божественности, преддверие творческих порывов от меньшего к большему через произвольную ловкость роста, предвестие восхищения милое, и чтобы то ни было после, возникает жажда присвоить прекрасный момент, он уходит порождая потребность в зависимости от него, но удержать всеобъемлемое течение полностью никак, сие возвращает желание сквозь толщи несметные обыденного бремени, что есть основа эстетики, следствие безысходности, необходимость придерживаться чувства в наиболее устойчивом и броском эффекте, страстная привычка, наркотик эндогенный. Любое художество, поэзия, искусство, занимаются исключительно запечатлением, ведь не исключить нужду сохранить, украсть, преувеличить самые изящные мелочи, из них состоит великолепие и величие».

– С чего бы начать диалог, так, чтоб не показаться назойливым? Слышна обеспокоенность в словах, тень растворяет грациозность ваших растений и форму всего мира, должно быть вам известно об украденном Солнце летающим властителем? И ещё вот такой намёк в виде розы, где спрятано слово «след». Та, что оставила данный свёрток, едва ли избежала злостного покушения и скрылась за завесой тайны тяжелеющей, возможно события имеют связующие звенья.

– Вряд ли лунному монстру под силу коснуться светила, не по размеру ему, да и жар неодолимый, эти причины обширней, эти причины доселе незримы, но ему гораздо боль-

ше видно с Луны, нужно его заманить и вывести, что происходило за рамками низменных сплетен. Роза же королевский цветок, далеко не всем видна роскошная суть его символичности, возможно то было заигрывание или страстный намёк, а может судьбоносный след приводящий к истокам происшествий раскроет пёстрый процесс цветения, где заплетается в узле лепесток за лепестком вся пышность событий.

Монстра влекут женщины, собаки и дети, но никто ни разу не предсказал, где и когда он спустится за жертвой, нужна приманка годная с уловкой хитрой. Варианты есть?

Фея уже свойственным ей тоном зарекается: «Пропавшим воем хмурой чащи молчаливый трепет звёзд укутан и никак не будет здесь иначе, длится неизбежность предстоящая, не найти границ, вариант единый, но несоизмерить, остановки нет, кроме последней конечной.

Сползает, энтропирует со всплесками и вспышками жизнь, отмечается произвольным сдвигом в сторону пищи, цепной ход реакции химической, дыши, дыши, чаще, обильней, гляди и мысли, всё есть касание частицы частицей, дано когнитивно то осмыслить, увидеть, понять, иначе признаки органические существуют в рамках неорганических подвижек, подвластны им, как всецело определяющему фактору, снуют от наживы к наслаждению в круговороте скудных циклов неразмерности, чему предстоит вымирание, если то не выстроит восхождение повыше, над напыщенностью валент-

ности реактивов, за рамки картины отроду и исконно написанной, данной словно на подносе ресторанное блюдо в один прекрасный миг, но то на самом деле долго длилось, повар всю вечность кулинарит неотлучно, жаль что не видно полностью всей процедуры.

Если вы не создаёте правил, не влияете на их создание, или хотябы не распознаёте действительные закономерности природы вещей, то играть бессмысленно. Атомы и состоящая из них жизнь похожи на карты в руках крупье, вы не влияете на растасовку и раздачу, поскольку вы рождаетесь там, где расклад уготован, но то, как орудовать ими и как раскладывать в дальнейшем, во многом зависит от вас, правила уготованы, но не предопределены всецело, безконечность не знает предела, хотя уготованность зачастую определяет многое, как ситуация и обстановка в комплексе, но непредопределённость безконечности (ведь в ней всегда есть ещё что-то и каждый раз новее прежнего), а следовательно и её результатов творчества, даёт возможность/вероятность произвольным манёврам менять форму ситуации.

Все крылатые в нашем мире берут начало из одного рода, монстр наиболее близок к праотцу, что люцифером именуем, я знаю, что ему нужно и как привлечь его к делу, корейцы неподалёку держат собачью ферму и у них много детей, а ещё среди кореек красивые женщины, этот народ давно научился прятаться от угроз в земельных недрах, там целый город под поверхностью тверди. Думаю, нужно построить с

ними диалог и найти совместное решение проблемы, у них царит гармония, но без младенческого света никому сладко не будет, поэтому заинтересованных среди корейцев найти можно и нужно».

– Я с вами, немного отдышусь в прогулке, мои лилии умеют зимовать, да и есть заготовки на случай массового вымирания, ведь проблема требует создания условий для решения таковой, подобно ловли момента, где цветок самовольно распускается именно согласно тому случаю, когда обстановка взывает его цветению. – провозгласил ботаник.

Мир обернулся к другой стороне звёздного неба, но сияющего младенца не видно, сутки ушли никого не спрашивая, инертная наглость цикла вращательного, а впереди даль, нырнуть в которую, так далеко, чтоб не возвращаться можно было, это гораздо дороже спокойствия и бережливости, если та даль не пропасть в бреду, вот выстилается перспектива, никто не рисовал её, это дивное зрелище, следствие оттолкнувшееся от причины, касание ведёт каждое чувство вслед за подпиткой по контурам мира в преддверии очередной неповторимости, но уже несколько привычной или шокирующей, в зависимости от скорости чередования перемен и формальных смещений.

По дороге к корейскому подземелью в глаза бросилось ин-

тересное объявление на дереве, листовка словно живая визуализирует содержание подразумеваемого процесса: «Ищу подходящий молекулярный материал для конструирования биогенных градиентов, оставляйте имя и подсказки о приметах, я вас найду, работаю частным детективом».

Объявление явно кто-то пытался сдереть, но у него магическая информационная регенерация, оно отрастает со временем в нужную форму, то есть управляемо или осознанно. Тут же фея в своей критической манере подметила: «Можно заниматься цензом/коррекцией в сфере влияния публичного пространства или сторонней частности влияющей на публичное пространство, но не в сфере пространства личной жизни, которая не является предметом публичности, следовательно и не должна подвергаться цензуре или влекущемуся цензурой ущербу, нужно влиять на сферу подачи информации и на площадку её размещения/организации, а ни на источник её подачи, у этого объявления сложная судьба, его оставила женщина, видно по отпечаткам пальцев и по их манере касаний, похоже она пытается привлечь чьё-то внимание или кого-то заманить».

Мы подошли к входу в подземный город корейцев, связаться с ними невозможно, но один раз в день они выходят на поверхность для торгового обмена с местным рынком и открывают воздушные шлюзы для проветривания, нужно по-

дождать, у них нет расписания, делают это по своему усмотрению, а пока обсудим план действий.

– И так, что мы изложим корейцам и что будем им позиционировать в качестве предложения по преодолению тьмы? (Неволью раздалась мысль резонирующим эхом в рамках черепа: «Нам плевать, у нас замкнутый воспроизводимый цикл энергообеспечения, включая циркуляцию воздушной среды»).

Вновь назойливо бормочет зелёная фея:

«Пускай отпустят свои грехи, иначе те отпустят их, водружат в иной мир тяжестью груза.

Есть ли у них выбор? Все в одном глобальном случае, в одной ситуации, и проблема с освещением тоже обобщает всех жителей планеты,

Встречный поток космический вынашивая бремя из себя выдавливает пыл под давлением тяжбы носительства,

Несметен миг и вольные капризы впечатлительности правы по мере случая, но логика существует вопреки,

Гляди, вон разгорается источник новшества, он тоже волен быть и каждую секундой более,

Не смею отпустить, отведено не мною, угаснет по закономерному велению свыше, сугубо последовательно,

Таково проявившееся в том, что проявлено за долго в никому уже неизвестной безучастной форме,

Последствие здесь, дано ему знать себя, но знаешь ли ты

что-то кроме, ни до, ни после, ни менее, ни более, того просто нет,

Томный процесс непреодолимых рамок, устраивает уготованное многих, но того не бывает достаточно, никогда и нигде,

Всего-то замкнутое привыкание к ситуативной сохранности, которое всегда размыкается, зачастую в непредугаданной манере,

Устраивает уготованное многих, хоть и сдавливает в тесноте, всё в пользу сделанного до, лишь расклейка иллюзии выбора на грани первозданности поверх, признак нехватки предвидения неизбежных утрат, иначе выйти за горизонтальную плоскость пришлось бы, сдвигая сами горизонты, навсегда и ни разу не останавливаясь».

Цветочник: «Возвышается волна эпохи, порывы бриза навеивают прохладу, останки атмосферного тепла тихо пригревают покровы, естественный ход логики и физических градаций, биология приводит к монополизации, рано или поздно, это потребность жить во что бы то ни стало, многотысячные стада однотипных особей не появляются иначе, в неврологической плоскости это порождает вопрос: «Что дальше, в порядке каковом и в какой концептуальной направленности?» Задаются этим вопросом не многие, но он с настойчивой периодичностью возникает в последние столетия часто, слишком отчётливо видна природа и её законо-

мерные тонкости, их не видно лишь по долгу скупого ментального ограничения достигающегося отроду в колее эволюционной инерции нерегулируемой никем, кроме прихоти и похоти попеременной, такова физическая мера. Не спрашивайте, что такое всевышнее вершение, не спрашивайте. Описать это словно частность подытоженного явления невозможно. С биологической точки зрения нажива в виде питательного градиента и страх перед ущербом при невосполняемости химических потребностей, есть много вариаций здесь, слишком много, значение имеет превалирующий вектор в масштабе полном, вселенную покорят не все, поэтому виртуальный образ господства останется здесь навеки, до исчерпания и исчезновения, но пускай он будет уютен и комфортен».

Я: «Даже и не знаю, чего не сплёл сегодня, день уходит и уходит весь космический цикл, параллакс опять сместился в пользу прибыли, похоже на масштабную аферу или сделку спекулятивную, протезируются цифровой строкой мозга, бежит виртуалия неудержимая, линейная поросль в сторону чувства возвышенного, эндогенный наркотик соизмеривший жизнь числами, то он шкребётся, то его шкребют, впечатлений не бывает слишком, на после останется если что, семиозис порождает информацию, а объём и свойство же от другого зависят, от носителя, и сколько шарманку не крути, качество количеством не заменить, но и качество продукт

количества, только вот в параметрах конкретных, возросших до веских величин, вон возвышается столб дымный, у кого-то прорвало крышу от избытка, неповторимый случай из вселенского роя частиц не имеющих друг от друга отличий, что собрались в кучу и всё таки отличились».

У корейцев открылся шлюз, много света и дыма валит оттуда, о боги, это словно призвание или признак избрания кандидатуры, на сие знаменование монстр спускается с небес, его второй рот на лбу что-то кричит с далека. «Прячемся!»

Мы скрылись за ближайшим кустом, лунный обитатель словно по приглашению залетел в шлюз. Все единогласно решили, что нужно подловить его на вылете.

– У меня есть порошок сна из лилий, один вдох и он спит. – цветочник провозгласил.

– Отлично, я распылю его пред ним, как только тот будет вылетать, нужно вести наблюдение за тем, когда он во взлётной шахте начнёт набирать высоту. – подхватила фея.

Мы подкрались к шлюзу и глядя в шахту начали ждать тот момент, когда оттуда начнёт лететь монстр, цветочник достал кожаный пенал с множеством препаратов во флакончиках и вынул оттуда один из них, а фея взяв пузырёк с порошком приготовилась распылить его над тоннелем, когда в

просвете появится владыка Луны.

Фея: «Научное мышление полезно, поскольку позволяет пересматривать недостоверные или неэффективные знания и требует сохранять достоверные без апелляции лишь к эмоциям и личной прихоти, что предоставляет возможность стоять прочно на истине и выявлять вязкость самооценочных инстинктивных привилегий идущих вопреки целесообразности и достоверности, именно таковой тип мышления дарует нам возможность применять инструменты данные вселенской безконечностью».

Я (купец): «Чем больше абстрактных вещей имеют место быть в мире, где всё выстраивается через функции и зависит от функциональности задействования действительных материальных закономерностей, тем больше сложностей в случае зависимости функций от абстракций, которые растворяют функциональность вместе с результатами. А превалирование алогичных абстракций в формировании решений и результатов вовсе упраздняет функциональность до нуля, поэтому ситуация и действительные закономерности всегда являются решающими».

Цветочник: «Когда происходит пренебрежение солидностью ради наживы, воплощение успеха исключительно за счёт солидности становится невозможным, поскольку солид-

ность становится источником пренебрежения порядком ради наживы или жертвой для наживы, когда базисные основания функциональности низводятся вовсе или нивелируются от частичных проявлений к всеобъемлющим тенденциям. Поэтому в цивилизованном обществе этика (прежде всего в поведении и поступках) обрамляющая прочность целесообразности всегда стоит на первом плане, а значит за нами отстаивание глобальных интересов в контексте цивилизационной солидности. Не щади порошка, зелёная, распыляй весь, монстр весит около тонны, ему нужна дозировка с запасом».

В пусковой шахте появился образ взметнувших драконьих крыльев с кистями рук на верхних суставах, фея мигом порхнула на своих стрекозиных мембранах и распылила сонный порошок над лунным обитателем, монстр едва вдохнув воздух с ним покосился на бок и куборем покатился в метрах десяти от шлюза, а несколько собак в мешке, который он нёс, разбежались по сторонам скуля, мы связали ему крылья и нижние конечности, привязали к нему большой камень, чтоб тот не мог упрыгать или уползти, и стали ждать, пока он очнётся. Из мешка вылезла маленькая корейская девочка, она начала что-то бормотать на корейском, фея её успокоила и угостила пылью кристаллических цветов, глаза девочки начали немного светиться, она стала объяснять, что связанный монстр без сознания не в пользу её интересов, на что фея ответила: «Нам нужно кое что узнать, не более».

Мысли упавшего монстра: «Невольный пирует от хмури ржавой, что беспечно в глупости утопла,

Словно павший вылет на прощание ляпнувшийся на подиум в ментальной пустыне,

Замкнувшаяся брань в социальном нерве плетёт привычку ущербную под видом приверженности этикету,

Как же мелочны те, что живут ради фраз в скудных поведенческих алгоритмах, понятия не имея, что им в голову вшито и кем, образ речедвигательной символичности,

Словно стезя по инерции шеренги органической из ниоткуда в никуда,

Словно не было и не будет осмыслено значение жизни зверскими умами,

Левой, правой, левой, правой, в непризнанный, но почитаемый ими же ад, неосознанно, скупой приверженностью своим же ментальным границам, по предначертанной, по ровной линии сюжета, за которую не выйти, заурядность выходит только к упущениям из необузданных разумом эмоций и посяганий, ибо созидать ей нечем, никак и нечего, закупориваются расходы в скудном утопическом балансе.

Вот оно и зиждется, пока не поиздыхает в эволюционном тупике собственных плотских очертаний, жалкое зрелище, паскудное ощущение, если обойти сие негде, будто тебя паразиты сжирают, а ты им о многомерности и необъятности вселенной, в ответ лишь сопение и хрип гортанный, будто

пасть сейчас развернется и проглотит на одном дыхательном всасывании.

Лежу себе, как хреново бревно, пристально храня неподвижность, словно больше ничего не отведено комбинацией сросшихся молекул, а восходящий в бездну взор таит совсем немного, он цепкой паузой утоп между тем и этим.

Вот он, вот, побежал предобморочным состоянием восхищая глас нутра, миг уподобившийся эскизу на плоскости глазного дна, поспель плодов его активизирует головную струю, поспешность восхитительности топнет в собственных соках, подобно устричный моллюск, лимончик придавите, чтоб приглушить скользкую тварь, вон он, вон, побежал вслед за впечатлением, миг уходящий, а ведь во внимание бросаются не только стимулы экзальтирующие и агонические повадки, – масштаб, ублажение, агрессия, собственность, выгода и прочие хлестания нейрогормонов в голове действуют подобно наркотику, то есть в формате анестезиологии и гедонизма, поэтому логика – раздел не из биологических изысканий малоосмысленной органики, это расчёт наибольшей вероятности воплощения целеполагания в выходе из тупика, так провозглашает замкнутый в моей голове трёп. Алё, кто здесь? Произвольно выстроенный рифмой смысл и некое что-то, под названием "сегодня".

Предо мной три странных существа и корейская девочка

из мешка попросившаяся на Луну. От одного из них разит дурманными цветами, второй похож на рыщущего в поисках приключений авантюриста и фея имеющая зеленоватый оттенок, что есть признак близости мистических тайн, издревле таковые были проводницами на потусторонние балы и курьерами выполняющими заказы на доставку посылок малых габаритов, но особой важности, в основном фармацевтические препараты, дорогие молекулярные материалы и коллоиды для исследований. Подобный грузопоток зачастую осуществлялся между сообществами разных миров, габариты фей позволяли сделать товарооборот между планетами предельно эффективным, максимум интеллекта плюс минимум габаритов создали выгодное соотношение энергозатрат для функции разумности и управления транспортом. На планете Земля привилегированные сферы власти разделились на два мира, подземный и небесный, когда часть цивилизации ушла под землю в качестве защиты от катаклизмов с научно-технологическими задачами, а другая часть забралась в космическую среду через инженерные постройки, война между ними обвалила всю техногенную инфраструктуру в Солнечной Системе. Стороны конфликта были весьма размыты на каждой планете, подпольное противостояние было и в рамках планеты Земля, со временем в подземных поселениях формировалось всё больше и больше тюрем, некоторая подземная инфраструктура лишаясь управляемого возобновления и контроля отделялась на криминогенной поч-

ве, что зачастую приводило к её закупориванию и формированию изолированной агрессивной касты. Но словно зная вселенского вмешательства самой безконечности, жизнь из другой галактики явилась и сохранила остатки местных аборигенов, создала мягкий климат претворив в сказку быть, им не нужен был интеллект здешней жизни, поскольку в значительной степени опережали его, они лишь задействовали возможности местной флоры и фауны в продуктивных целях добычи/производства ресурсов, сохраняя уцелевшему населению комфорт и возможность произвольных инициатив, пришельцы и так продвинули останки земной цивилизации гораздо дальше былых возможностей.

Феи были выведенной породой с целью тайной курьерской службы между подземным и небесным мирами, их компактные габариты были удобны для дальних поездок, феи умели хорошо управлять транспортом и задействовались в качестве мобильного управляющего элемента, они занимали мало места и не нуждались в больших запасах провизии, не знали других задач кроме посыльных и логистических, на Земле они переносили сведения и почту по проторенным маршрутам, где витала ещё не развеившаяся пыльца от их крыльев, что видна только чуткому зрению фей и сохраняет след около месяца имея именную принадлежность к каждой из них, они исполняли задания гонцов на подсознательном уровне под действием психического автоматизма, но после разрыва миров и связей между ними в ходе пришествия зна-

мений эпохальных перемен из другой галактики, феерическая логистика была нивелирована, пыльцовые тропы рассеялись и вероятно нынешняя фея блуждает в неведении, хотя её присутствие говорит о том, что происходящее не случайно и в событиях замешаны потусторонние силы. Она несёт послание или служит проводником, вполне возможно неведая того, подобные посылки закладывались им в подсознание потомственно (генетически, за счёт молекулярного подбора), её попутчики скорее всего тоже в неведении, но попробую разобраться в том, зачем они связали меня верёвкой, что как ленточка распухнет когда я эндогенным статическим током начну манипулировать их психикой, вполне возможно, что их нужно доставить на Луну и меня никто не удосужился оповестить об этом, я подобно и феи выполняю задания подсознательно под действием психического автоматизма, словно брачный ритуал у пернатых, что заложен в форме их нервных моторных механизмов в обход обонятельных центров (в отличие от ящеров и млекопитающих, у которых половое поведение выстраивается через лимбические обонятельные ядра), передаваясь по наследству, как генетически заложенный алгоритм поведения для репродукции в конкретной среде именно на моторно-двигательной, а ни обонятельно-гормональной основе. Меня тоже вывели генетикомолекулярным способом, но за основу был взят уже и родовой вектор эволюции инородной цивилизации, то есть при участии биомолекулярного материала и знаний при-

шельцев из другой галактики, поэтому мне всё это и известно.

В общем кратко выражаясь, генетический инопланетный эксперимент после пришествия превосходящих человека существ, они полностью воссоздали контуры современного мира и скорректировали формы жизни в нём, они растят на планете Земля флюориты похожие на изумруды, которые нужны им в технических и энергетических целях, как сырьё. Эмбриогенетические инкубаторы используемые ими снимают морфологические и физиологические ограничения перед эволюцией плоти, отсюда уже модифицированные метаболически феи, гномы-микроинженеры и я, а корейцы одни из немногих, кто благодаря подземному городу сохранили прежний человеческий вид после войны и вмешательства иной жизни, а жители других подземелий претерпели массу разных изменений, как управляемых, так и инерционных. Эмбриогенетические инкубаторы (они же эволюционные селекторы) использовались и людьми, но на более примитивном уровне, с меньшей точностью задаваемых параметров. Многие подвиды людской цивилизации были воссозданы уже с помощью пренатальных технологий, но у пришельцев технологии опережающие нас на миллиарды лет интенсивного развития, невозможно сопоставить даже, они просто прилетели и превосходящими расчётами скорректировали все допускаемые недочёты, словно все погрешности и неровности кто-то сгладил тихо и навсегда, мы даже ничего

не смогли противопоставить».

Рот на лбу монстра: «Не знаю, не видно неодолимых скал любви, пред которыми распластаться и взойти в вертикали преткновения, одни равнины и незатейливость привычек не признающих творческого риска,

Авантюра имеет причины эстетические, иначе скупая нажива, вред низменных порывов, желание быть выше подобно подлому укусу сквозь рычание, когда быть выше нечему или незачем, невольность бессмысленности,

Каверзность подхода к тому, что каверзости не имеет, приводит сугубо к ущербу.

Зачем же быть зверьми, когда зверьми быть вредно?

Так строятся лишь пищевые цепи и куются прутья эволюционных решёток, куются от ущерба к ущербу, когда выживает ущербнейший, а ни создающий, от того им и хочется верить в то, чего отроду среди них не имеется, но раз уж верится, то иметься и не будет».

Монстр: «Мой брат близнец так и не вылупился, остался сиамским отростком в голове, лишь вышел ртом наружу через лоб, мы с ним иногда ведём полемику, порой мнениями обмениваясь, диалог эндогенный, поэтому играть в словоблудие общественное явилось трудностью, сдаётся неуместным, хочется оставить социальные волнения в собственной тесноте, пускай и дальше задерживаются за стенами скудных

мер, пока те не станут колодцем, на кой крышку накинута с прихлопыванием, замкнуть их проторенность по направлению к пропасти, яма с клубящимися змеями в выпускаемых ими ядах, не аппетитное зрелище, это из рода вещей которые обходить и не сталкиваться с таковыми никогда, братец то и дело поддакивает, отнекивает, не всегда понять, чья инициатива мысль держит, я есть он или он есть я, так что в советах не нуждаюсь, прирождённого собеседника с лихвой достаточно.

Осталось успеть к краю бездны неба, но туда слишком далеко, для сего нужно стать самым быстрым светом, тем и занимаются инородные разработчики, они прокладывают трансвселенскую магистраль. Среди них поговаривают о том, что не видывалось никогда, но из расчётов где-то уже себя являет».

Фея: «О, боги, нас интересует только одно, куда, чёрт побери, исчез сияющий младенец, мир разъедает тьма и топит его в неведомости».

Монстр и через каждые два-три слова говор рта на лбу: «Это затмение, самое длинное в истории нашего мира солнечное затмение, но оно особенное, поскольку носит рассчитанный и управляемый формат, а раз уж вас привела сюда судьба психического автоматизма (коммутация в ходе коммуникаций и интеграции с ИИ иной цивилизации, плюс

заданность молекулярных параметров), вы должны увидеть причину затмения, сие предрешиено свыше, нужно попасть на обратную сторону Луны, я могу закинуть вас туда вместо собак. Готовы? Должно быть для вас станет удивлением тот факт, что раньше не было младенца вовсе, а вместо него была лишь бездушная масса полыхающего водорода вперемешку с другими материальными элементами вселенной».

Фея: «Да что за бред?! Как это возможно, самостоятельно полыхающий водород без осознанного соучастия небесного младенца? В основе известного нам космического излучения лежит осознанная жизнь, метаболизирующие углеродно-плазмические циклы, которые выстроены во всеобъемлющий интеллект. Ты хочешь нас обмануть, мы развяжем тебя и станем очередными подручными жертвами».

Монстр и его рот на лбу: «Моя ласковая, моя ненаглядная утопия, порешай за меня мои спутанные корни и я кину навстречу попутно один другой лепесток, пускай уносит с собой ключ неразвёрнутый от нераспахнувшихся ворот, пускай кто-то пнёт этот мир, чтоб скорей покотившись развёрзся пред ним дух бездонного царства вселенских простор, всегда в одну необратимую сторону, пускай раздаётся симфония несметным богатством созвучий тонов, ведь если ведомо, значит знать дано через прикосновение, покуда смотреть пристально на контуры представших высот, где невоз-

можно понять откуда исходит, где невозможно постичь до- куда слывёт, любая зависимость локализована объективом
внемлющего взора физически, но его сцепление с чертога-
ми мира и с ситуативной формой его, настолько неповтори-
мо, насколько это возможно, каждый миг возникает первый
и последний раз, бесконечность включает в себя необрати-
мость, попробуй осмыслить стоимостное значение сего, рас-
путай неврологическое замыкание упёршееся в неведение,
иначе не осилишь цивилизационную ношу, ибо произволь-
но не затронешь великолепии данного изыскания плоти, ведь
те, кто цивилизацию не способны осилить разумом, выхо-
дят из неё в сторону бесплодной прихоти. Я всё равно сде-
лаю так, как подсказывает интуиция психического автома-
тизма, вычисления её происходят в параметрах галактиче-
ских, а эти сдерживающие меня шнурочки расползутся, как
только я улечу захочу, с вами или без».

Я: «Да здравствует, да здравствует эпоха снисхождения
высот к подножиям, звёзды тихо сползают к пропасти, ми-
моходом и нас цепляя, навскидку кровотокащей лопастью
весла о волны ударяясь, черпает жизненный путь под звон-
ким гласом чайки, депрессивная печаль не катит, слизи ка
сласть с кайла, что ударяет скалы в непроходимых ущельях,
терзай изнанку корысти, что разнуздала душу изнутри выб-
левав ту наружу от кишечного спазма в приходе психотро-
пическом, эхо её резонирует, подобно в колодце без дна, от-

кройся, не видно куда ускользает искра с тесной были, она утопает пропащая так и не успев зацепиться за хворост мысли, солома сырая, пугало мокрое кривится в изгибах ноши непосильной, в поле не густо, зато места хватает ветер искать перебегая с капусты на капусту, словно заяц параноидальный делает сброс всей вероятности в пользу последующего/ещё одного прыжка, хитрый, как математик или хлорофил цветком не взошедший, но впервые увидевший свет, это его взбудоражило, сделало вождедеющим проникнуть в глубины вселенной, преисполнить её желанием роста несметного; бежит строка, подобно вода набегает и однажды перекачивается через верх».

Цветочник: «Монстр добрый, злым его делает неумолкающий и постоянно перебивающий рот сбоку лба, неугомонно ругающийся и рычащий.

Разнузданная рвением в ветрах шерстяная гуща,
Некому подсказать, но и не требуется,
Свали с дороги преграда и падаль, прочая и всякая,
Лишь свежий аромат побуждает пыл,
Крови, плодов, сладкой плоти,
Проходит мимо вечности скудная мысль,
Не касаясь, не преисполнив таковую,
Мнутя рукава, затирается воротник,
Но возникает ещё одним импульсом живности,
Продвигается без исходной затеи,

Первозданный вход или выход,
Надписи по разные стороны одной двери,
И продолжается сдвиг,
Мелкими и обширными всплесками,
От ряби помех радиодфона до всеобъемлемости,
Чувствую в голове кто-то шалит,
Похоже на вспышки психического автоматизма прислан-
ные с Луны.

В информационную эпоху былого мира дискредитация являлась одной из самых основных форм оружия, поэтому образы опасности, глупости, несостоятельности и прочих психических паттернов использовались мягко говоря не по исконному назначению, а по прихоти обладателей завышенной агрессии в поведении и суждениях, именно как инструмент нанесения ущерба, поэтому вероятно мы испытываем прежние пережитки страха прошлых людей, нужно быть добрее друг к другу и тогда мир преисполнится процветанием. Массовая информационная среда без должной структуризации и систематизации естественным образом спровоцировала инерцию упрощения психоэмоциональных стимулов по количественному фактору, что сдвинуло социальные тенденции в примитивизирующуюся колею ментальности. Цивилизация на зачатках в исконных временах ни единожды делала массовое смещение социальных градаций в пользу абстрактных понятий не позиционирующих ничего конкрет-

ного и действительного, что упраздняло существенные возможности формирования упорядоченной последовательности знаний, это инертный путь биологического выживания, простейшая социализация без затрагивания основополагающих форм понимания жизни, это путь животного вида, но не разумного, поскольку мартышка используя информацию задействует её именно как преимущество в самых разных случаях, коротко и ситуативно, ради наживы, но не как источник сложного понимания вещей для созидания, то есть действует в апелляции к эмоциям и впечатлениям, а ни в апелляции к достижениям цивилизационной значимости.

Именно абстрактная аморфность информации позволяет обходиться без детализации и конкретизации поведения, поступков и жизни в целом, это пищевой стимул доминанции, возыметь как можно больше, учитывая при этом как можно меньше, когда объективное и материальное знание о действительности, это вещь, которая лишает пространства именно биологические тактики поведения, но увеличивает пространство логическим методологиям, где со временем происходит естественный рост производительности за счёт детализации критериев и функций. Развитие происходит везде, где укореняется разум.

Данное разделение на две основных склонности морфофункционального преобладания в поведении подводится подо всё, что происходит в жизни особи. Человек в биологических алгоритмах может выиграть, как частность, но во-

преки логистике создания сложных масштабных свершений, то есть ради эмоций, наживы и формального биологизма, в итоге теряя всё, если частность в каждом отдельном случае упраздняет общность цивилизации, как платформы для роста достижений, когда с другой стороны достоверная логика приводит к когнитивным результатам в науке, в медицине, в технологиях, но выигрывает при этом и частность, и вся цивилизация биологически, поскольку это результаты выходящие в последствиях далеко за рамки частности и эмоций, но в пользу конкретизации в том числе.

Когда-то люди не могли даже рассчитать ёмкость жизни, молекул, их реактивный потенциал в отношении разных химических элементов и варьирующихся физических обстоятельств (целесообразность градаций и востребованность в них с учётом прогнозирования проектной техногенной перспективы), достижений и ёмкость результатов отдельной информации в каждом конкретном случае. Теперь же есть способы/инструменты считать всё и полностью до каждой мелочи, любую форму, любое содержание на кинетическом уровне. Вектор цивилизации к логически достоверной детализации знаний словно наполнил истощённую плоть витаминами и открыл небо для взлёта к сияющим просторам. Поэтому, до тех пор, пока логика (как действительная достоверность) не стала определяющим фактором цивилизации, цивилизация раз за разом приходила в ступор и упиралась в тёмные века, поскольку недостоверность абстрактных форм мышле-

ния нужна только инстинктивной архаике в качестве занятия наиболее выгодной позиции для обретения наибольшей действенной наживы в частном порядке именно вопреки чему бы то ни было, чтоб словить любой момент для пресыщения и при этом не иметь веской или внятной семантической преграды в случае нецелесообразных и ущербных действий, даже если подобное событие происходит ценой всеобщего и всецелого провала, примеров чего в истории человечества много, в том числе любые консервативные формы семантики, что есть провал любой империи и каждой крупной организации населения, поскольку в таком случае в основу популяции ложится зыблемая поведенческая основа склонная к линейному стремлению за наживой вопреки положительным результатам или достоверному знаменателю определяющего значения.

В цивилизации лишившейся биологически инертных недостатков, любой ущерб превышающий по ёмкости достижения особи и даже потенциальные возможности компенсации этого ущерба в содержании его ёмкости, как персонально, так и всеобще, является недопустимым в отношении/со стороны каждой особи и всецело в социуме, поэтому каждая форма деструкции исключается опережающими расчётами и детальным прогнозированием. Любое создание ущерба свыше допустимых норм и ёмкости персональных достижений включая наследственное имущество и собственность в целом, за исключением ущерба наносимого малень-

кими детьми подлежащих должному присмотру (25+) или в промышленности (где должен допускаться статистический диапазон неминуемого ущерба, который рассчитывается и прогнозируется), является преступным и пресекается самыми разными методами, в основном не допуская ущерб вообще посредством вычислительного прогнозирования. А люди систематически стремящиеся допустить или причинить деструкцию, по ступенчатой шкале отодвигаются из влияния на цивилизационные процессы в специально отведённые условия, когда положительные и продуктивные результаты всецело поощряются содержанием своей ёмкости и эквивалентной монетизацией через "κόσμος".

Слом эпохи, это всегда открывающийся портал в потусторонний мир, когда старые подходы устремлены выйти к новым достижениям».

Вокруг стали сбегаться одичавшие после войны миров жители из ближайших поместий и селений, свалившийся монстр явно привлёк их внимание, они похоже настроены агрессивно.

Зияет портал не взошедшей эпохи,
Головы студёные макаются неведомо куда,
В признаки свежей нераспознанности,
Им хочется согреться, но не могут понять,
Их на части разрывает, уносит в перспективу верха,

А ноги продолжают на месте стоять замершие,
Слишком прилипли к тверди скудной корысти,
Слишком боязливы и нерешительны,
От того неосмысленны, подобно облако растёкшееся,
Равносильно гибельной поступи за голодом мчащейся,
Где не сделанный в нужный момент рывок, нужного масштаба и качества,
Потеря контуров формы, суетливость неформальная,
Диффузионная сегментация,
Лишь тревожная спешка под видом несметности,
Норовит проявить толи рождение, толи жертвенность,
Но нечему в них предстать, нечему изыскать веское действие,
Пустота необрамлённая содержанием,
Мечется между подпиткой и желанием возобладать.

Рот на лбу: «Ау, пустоты вечности! Куда взойти в сей миг беспечный? Нет края у вселенной, но куда не ткнишь, края менталитета, словно канул в бездну росток жизни, его цветение наотмашь выплеснулось в невесомость бранным силуэтом, дурной пантомимы распознанный гешефт, не пахнет просветом между прочими, паттерном снисходительности возвышенного чувства челяди вскарабкавшей на вершину под обликом чести и доблести непримиримой, но нет и не было в прихотливости свершений, лишь стойкость наглости безпринципной, не развеять без ветра, задыхается све-

жесть, а за порогом нет ни границ, ни итога, не преступить без должного рвенія щедрости, ткнётся в чёрствыя стены веская мысль, остаётся только метаться по пустоте резонирующим эхом, подобно маятник макающийся по обе стороны в вечность или молния разящая кривой подвижкой впервые и напоследок, словно загадочный посрамитель прячется во лжи, но не он себя дискредитирует, не в своём болоте сник, это скупцы невидныя, что по за спинами подлостью тычутся, а сами пристально глядят и видят, сколько и почём задвижки над дверьми нависли стопорной затеей обобщающей задел неведомости под одно неопрятное мерило, что на запредельное вершение списывается от неумения поведать и постичь».

Раздаётся смех из-за бугра, это клок отчаяния пред необъятностью бездны в небесах и глупостью столпотворения популяций, где мнят о важности будучи пустошью безалаберности, мимолётной мерой не оставляющей творческого следа, крики оттуда же раздавались, о том, что неизменное не может создать, не в состоянии покуситься на вечность формальной динамикой будучи в состоянии ментального стазиса, оно питается и отнимает время у цивилизации, пока не уткнётся в собственный предел, незамысловатый всплеск прямолинейной прогрессии в никуда, мол, они сочли бы избавиться от тягот, если бы глядели издали на мир отстранённо касаясь того поводящим жестом, ведь гораздо более пре-

красен миг не испорченный видом вымирающей живности в закономерности природы своей, божественность подразумевает сугубо логически то, что прорастает бесконечно, далеко за пределы случившегося, не утопая в привычках и тупике соотношений.

Крик из толпы: «Люди, выйдите скорее и взгляните в сей бедлам, разнузданная мерзость правит жадно бал.

Что на кону? Беспечность скупости и страха, попеременной чередующей приветствие и прощание, что изгрызает твердь мирскую под собой, незатейливая кража младенцев, женщин, собак, жизни данной не спроста последний раз на всю необъятность, улетают выше крыши скомканные судьбы, незачем, так никому не надобно, просто нами правит жуть, её лишь нужно растоптать и выбросить, чтоб не думала о снисхождении с всевышнего пика, покуда осела подле пастбища житного несметной прихотью, чтоб не мнила вседозволенность падла низменная, не обременённая мудростью и совестью, иначе сожрёт всё бестолку и необратимо, не оставив ничего за собой, тупик эволюции масштабом с всеобъемлющий позор».

Разговор в толпе: «Сеньорита, сеньорита, моя мексиканская шляпа загораживает ваше имя, обширная тень ложится диаметром сна от оси вращения до вашей милости, но глазил некто, что тьма это не наличие, а отсутствие света, так

пускай пронзают жизнь рифмы и ритмы в такт необузданных порывов танцевальных подвижек, только бы не мимо, только бы не улететь за грань не зацепив божественные приливы, дабы ваши плотские линии впали во взгляд напором трепетливым, алые смущения краше тихой смурной брезгливости пред непокоримым вселенским величием, мне прекрасно известно, что сложные в понимании вещи у многих подменяются мимолётным жестом пантомимы, не будем же уподобляться простейшим, на сущность каверзным от неимения в душе отростков смелости, что цветут единожды в свой век пред увяданием неизбежным. Без процветания ведь не выходит жизнь за пределы и стремится к кульминации итоговой на сим, поблагодарите ярких людей, без них мир утопнет в социальном дерьме, а я пока подтяну шляпу кверху, чтоб приоткрыть чело и дальние потоки света, для вас. Вы ускоряйтесь жаром страстного флирта, ускоряйтесь, сеньорэ, безконечность не терпит промашек и медлительности».

Их беседа постепенно утопла в смоктании и всхлипывании за кустами.

Рот сбоку лба: «Если вам портят жизнь, вас непременно захотят выставить идиотом или виновником. Худшие из людей отличаются неспособностью вести цивилизованный образ жизни. Если вас втаскивают в джунгли на уровне поведения, а вы не хотите, вы можете делать всё, чтоб туда не идти.

Поведенческие джунгли здесь повсеместны, поскольку происходит возврат в худшие из времён именно из-за неупорядоченности и неуправляемости социальных процессов на уровне морфогенеза или хотя бы этикета в его основательном действенном формате.

Идиоты настолько узко ситуативны, как будто кроме банана на пальме ничего не существует».

Фея: «Философский камень, это когда свинец превращается в золото, а когда золото превращается в дерьмо, это жижя глупости».

Цветочник: «Память, это эмоции, поэтому консерватизм повторяющихся воспоминаний имеет свойство блекнуть, когда эмоции переходят из стадии впечатлений в стадию привычки. А это значит, что новые впечатления в нарастающей форме зачастую обходят любой устоявшийся консерватизм, поскольку ведут свежие эмоции в рост оттуда, где эмоции больше не живут, но у каждого свой уровень эмоциональных влечений и барьера перед ними, кому-то нужны эпохальные свершения или утончённые достижения, а кому-то достаточно общепринятого бреда, любого повода для проявления агрессии или прочей ущербности инстинктивного порядка».

Крик из шахты корейского подземелья: «В цивилизован-

ном обществе проблемы решаются, в нецивилизованном нарастают. Нет большей глупости в истории человечества, чем исключение возможности прорасти в бесконечность, даже теоритически, ущербным антагонизмом зверских манер, что рисуют везде тупик и сводят всё к ужасу ради наживы, впечатлений или привычек».

Я: «Когда настаёт момент понимания, что все типы глупости были распознаны на личном опыте, с каждым разом новая порция глупости даёт знать, что предела у дурных дел нет, хотя их критическая масса способна необратимо и навсегда уничтожить всю цивилизацию, что и является условным пределом дурных дел, это тотальное вымирание, в остальном глупые поступки заканчиваются только при достаточном уровне когнитивных навыков и осознанности, как персонально, так и количественно в социальной среде.

Основное отличие разума от инстинкта состоит в том, что разум создаёт и выстраивает понимание действительных закономерностей, а инстинкт только питается, каждое инстинктивное действие ради пресыщения, эмоционального, пищевого, мнемонического, никакого стремления к построению достижений за рамками привычек и линейной реализации инстинктивных нужд(доминации), иначе разумная составляющая позволяет видеть содержание гораздо больше первичных стимулов.

Много ли разума на планете? Это и определяет порядок

поведения, всё либо сжирается и ничего не создаётся, либо сначала создаётся, а потом через соображения целесообразности определяется, что дальше, насколько быстро и как много.

У инстинктивно инертных особей всё превращается в способ доминирования, семейные отношения, медицина, чужая личная жизнь, технологии, любые коммуникации, абстрактные маркёры социализации и каждый способ обозначить себя, это следствие социальной деградации или формальной ментальной недоразвитости, когда прошлые достижения уже не используются для дальнейших достижений, а становятся предметом добычи любых приспособленцев, это останавливает цивилизацию и может её уничтожить.

Если цивилизация становится пищей, она съедается и исчезает.

Социализация так или иначе через допущения прорастает к безпринципности, поскольку если эти допущения позволяют в ситуативном стремлении за любой формой наживы и преимущества обойти всякий целесообразный принцип, это конечно же приводит к повальной регрессии, подлости и лицемерию во всеохватывающих масштабах. Данные процессы естественным инертным образом биогенеза происходят даже в рамках семейных ветвей, то есть если некая семья дифференцирована в своей самодостаточности, это не значит, что в ней не происходят определяющие упадочные градации.

Те, кто много хотят, мало соображают и ничего не создают, но постоянно посягают на источники лёгкого обеспечения без эквивалентной трудовой отдачи и способностей, являются инволюцией в любом обществе.

Глупцы были всегда и их всегда было много, но если поколение лї никак не отодвигать от сфер влияния и управления, это закат цивилизации, животные должны подвергаться контролю и организации во избежание системного социального антагонизма влекущего провалы во всех направлениях деятельности разумных особ, ведь нас же не сжирают гиены или питекантропы на тротуарах, нет, это исключено, но форма влиятельной глупости это одно из проявлений насилия над цивилизацией и возможностями сохранить единственно известную жизнь во вселенной, и более того, единственно известную разумную/осознанную в деталях жизнь, ведь люди, которые активно и продуктивно проявляют интеллект, систематически искореняются инертной социальной средой. Хороша безкомпромисность разума отстаивающая закономерности природы в подходе к жизни и её сложностям, но нет ничего хуже безкомпромисной глупости отстаивающей свою прихоть или чувства не основанные ни на одних критериях знаний, и именно безкомпромисная глупость определяет форму дикого общества сугубо количественно, она стопорит любое творчество. С глупостью так или иначе вынужден считаться каждый её обладатель, но хуже всего, когда со сторонней глупостью вынуждены считаться обладате-

ли разума или вся цивилизация.

А ступор любой системы или общности в виде застойных депродуктивных процессов знаменует сокращение управляемости и понимания полной картины событий с их причинами, что приводит к ущербу, а это значит, что снятие со ступора происходит в любом случае, либо с ростом неприемлемых последствий, либо с попыткой их избежать.

Чем отличается человек от питекантропа? Человек способен пренебрегать своей прихотью на семантическом уровне в пользу логически обоснованных результатов и/или мотивов, питекантропы не способны это делать в силу устройства нервной системы, вся их семантика выстраивается вокруг прихоти, то есть они более линейны в поведении и не подвергают критике свои поступки или стремление заполнить/сделать то, что влечёт их или выступает веским стимулом, но именно глубина и детализация критериев критики, в том числе в отношении себя, определяет в психиатрической практике когнитивный/интеллектуальный недостаток особы.

Ведь неблагоприятно учитывать мнение особей, которые не имеют должного понимания и осведомлённости, либо не имеют способности к должному пониманию и конструктивному поведению, а толпа, это именно то биологическое явление, которое получает преимущество за счёт количества в обход качества и понимания, поэтому любое массовое проявление поведения никогда не может быть в достаточной степени продуктивным, это склонность к наиболее простой

форме доминирования, причём коллективной, в этом всегда кроется значительная доля неуправляемости и неупорядоченности, общество должно организовываться исключительно разумными особами не ищущими одобрения или опору в толпе, только критерии функциональности и результативности, логика достоверности и действенности, поскольку любое возвращение к биологическому прошлому в сфере поведения и социальных событий, это упущение».

Вновь раздался звонким компромиссом бегущий мимо лучь света неизвестного происхождения, не жгёт, но и не оставляет в комфортной прохладе, его задача прямая, чем обозначается преимущество животного над человеком, оно не скрывает намерений своих, даже глупости, но в случае обладания разумом, это создаёт следствие логических решений, иначе чахнет в омуте мрака людское безумие, что восходит сквозь любой тип поступков к наживе, не прибегая к достижениям, поэтому в недостаточной степени разумность всегда лишняя, не блокирует смысловыми заплётами зверский стимул посягать на пищу, от того и имеет вид аморфной кучности, весьма заурядной и паршивой, жрущей всё, но ничего не переосмысливающей.

Цветочник: «Подсолнух целыми днями оборачивается за солнцем, но когда вянет, то склоняет взор к аду, все цветы уже начинают поглядывать в сторону преисподни, нам нужно

принимать решение, отпускаем монстра в попытках попасть на Луну и понять, где светящийся младенец или недоумки всё сожрут без вариаций».

Фея: «Самым эффективным способом скрытия мотивов остаётся разрушение, прежде всего информационной структуры мотива, монстр нас обманывает».

Рот сбоку лба: «Умереть в один прекрасный миг – избавление от мрака, а ни лишение жизни, осталось перебить уродов пачку так чтоб с излишком, нет в законах биологических ни цивилизации, ни разума, социальная тюрьма для творческих порывов, здохнуть здесь не естество, а необходимость.

Логика войны заключается в такой формуле: "Их должно здохнуть больше, чем нас, иначе нас здохнет больше, чем их"».

Поющий волк из леса: «Луна, словно зияющая монета, монетизировать некому или незачем,

Во власти орбитальной инерции подобно маятник гипноза,

Взывает вой и всплески психические вместе с приливами морей,

Но неодолимый покой обрамлённый приветствием шлёт отражение,

На ней не хватает надписи «Орен», словно магазин при-

ключений,

Никто не прочь на лунном внедорожнике поучаствовать в гонке,

Вон межпланетный поезд с грузом неймоверным, большое содержание удобительных минералов везёт,

Говорят скоро начнут растить кристаллические деревья с аккумуляционным циклом воспроизведения энергии, на их плодах можно будет улететь далеко, поскольку они растут от базового фонового напряжения сами по себе, последнее достижение в физикомолекулярном синтезе».

(Обратимый органоподобный цикл аккумуляции с преобразующимся в энергию ростом, длинная химическая цепь с большим крутящим моментом реактивного оборота, большая ёмкость за счёт замкнутого возобновления/роста генерации, есть разные конфигурации, где прирост идёт в виде энергии в процессе физических реактивных конвертаций градиентов и где прирост идёт физикомолекулярный, но в виде энергоактивных компонентнов, в общем здесь было разработано множество вариаций прежде чем устоялись наиболее ходовые).

Голос из корейской взлётной шахты: «Люди не могут зависеть от того, что им неизвестно, любая направленность действий является следствием когнитивного причастия к ним. Большая часть населения этой планеты произошла ещё от необузданной природной инерции, поэтому с пониманием и

управляемостью у них дела плохи».

Вспорхнула мятежная весть, невольной мысли лезвие, что плоти мира сласть не счесть за бережливость, метит часть за частью посылнее, навскидку запасая меру мер, чтоб оторвать поспешно всё не канувшее в лету, сей час, сей миг, ситуативные подношения, пока не улизнули в завтрашнее будущее, пока не стали памяткой вчерашней, ведь молчаливый след брэнной суеты угасшей тянет за собой резонирующее эхо, подобно сквозной скважине утратившей тупик, проводит мимо жизнь куда-то в непрерывность, но жаль, так каждую секунду останавливается стрелки тик, меняется траектория движения каждым касанием исчерпывая торпидность восприимчивости, от того и каждая частица отдельна, прерывистость действия обусловлена дискретностью.

Рот на лбу: «Ревности струна изящная порвалась, раздалась каверзным звуком, необходимость или мука, любой консервативный эстетизм предтеча деструкции, экстремизма, износа, отдаётся вселенскому закону бытие, плоть распротёрта больше, чем распротёрта божественность, о которой грезили от прихоти и для пресыщения те, что мнили почесть из мнимого упрёка взвалив свою скупость на запретное всевышнее,

За иллюзорной ширмой прячутся подлецы, накрывая глупцов ею, нет и не будет потуг в раскисшей субстанции

под названием абстракционизм, изолируются от действительности только нерадивые, уродуют природу только ментально кривые, невозможно спрятать величие жизни, невозможно запятнать трусостью и говором лживым, что отравами и мерзкими управами мечутся втихаря по за спинами, будете размазаны, как насекомые паразитические, по плоскости уровня ваших умов паршивых».

Фея взметнула, чтоб развязать монстра, когда толпа решилась напасть на него, но он словно ждал критической ситуации и по щелчку пальцев, от некоего импульса исходящего из его груди все верёвки посыпались и потрескались, некоторые особи из собравшейся толпы поплавились и разлетелись с брызгами на куски, остальные увидев, что крылатое существо взлетело и начинает бушевать, бросились бежать в разные стороны, а владыка Луны, как и обещал, подхватил нас вместо собак нижними конечностями и понёс ввысь, фею он ухватил кистью руки на верхнем суставе крыла, а корейскую девочку хвостом. Пускай местные люди думают, что мы стали жертвами, хотя вполне вероятно так и есть, но выбора у нас нет, падать уже слишком высоко, разобьёмся, а его лапы растопырить похоже не просто, в них есть некоторые элементы механики неведомого происхождения, похоже на доспехи. Поглядим, куда нас занесёт монстр.

Он высоко не летел, на высоте примерно пяти километ-

ров включился некий прибор сохраняющий термальную и атмосферную оболочку вокруг нас, монстр сложил крылья и полёт продолжался без аэродинамики, но похоже основное действие этого явления происходило с орбиты, по мере набирания высоты к нам из космоса спустился транспортный корабль неведомого происхождения, который визуалью невозможно заметить, нас зачерпнуло потоком из него, монстр отпустил всех, мы уютно расположились в зале, где всё было сплетено из энергий и движущихся элементов интерьера, словно они живые подстраивались под мысли, нам предоставилась возможность наблюдать за происходящим во вселенной через создаваемые интерьером изображения, интерьер отображал окружающий космос и приближающуюся Луну, за пол часа Луна визуалью приблизилась к нам на расстояние посадки, обнажились светящиеся конструкции заводящие транспорт в лунное подземелье.

Здесь оранжереи и сады, но ни одно растение не знакомо, собаки с большими головами и счастливыми лицами, ходят периодически на двух ногах и молвят рифмою, женщины и дети работают над неведомыми тонкими материями для преобразования энергий в целях процветания жизни, у них отличные условия труда, видно они составляют хороший органический потенциал, монстр решил устроить нам экскурсию по угольям местным, существа создавшие данный обитель занимаются сложными разработками, которые понять

сразу не удаётся, поскольку это длительная и запутанная история, живут они в отдельных помещениях в других атмосферных условиях и похожи больше на дельфинов с чешуйчатой эпидермисом, глаза большие и тёмные, их пять, пятый глаз крупнее остальных, видимо имеет особую функцию, у них также пять верхних конечностей напоминающих длинные плавники с четырьмя гибкими пальцами на каждой, три пальца вокруг четвёртого пальца находящегося в центре кисти, четвёртый палец имеет тройной щуп на конце, который манипулирует небольшими предметами, как три отдельных пальца, он может задвигаться и выдвигаться, где похоже, что каждая конечность имеет пищевод в четвёртом пальце, вероятно пищеводы рудиментированы из-за сложного технологизированного питания, а ротовой полости в верхней части туловища у этих существ не видно вовсе, дыхание видимо отчасти эпидермальное или осуществляется через кистевые пищеводы, возможно тоже технологизировано. Пятая верхняя конечность исходит снизу и через поворотный сустав выворачивающий её справа налево или слева направо может манипулировать предметами за спиной и на полу. Нижних опорных конечностей три, они напоминают плоские, но весьма устойчивые для ходьбы плавники сужающиеся к низу и с тремя опорными пальцами по кругу каждой ступни, как на верхних конечностях, но без четвёртого выдвижного пальца. Судя по всему, такие конечности пригодны для ловкого передвижения в газовой и жидкой среде, эти существа

могут складываться в клубок и катиться, как шары защищённые жёстким чешуйчатым панцирем переливающимся разными цветами, в целом заметно, что панцирь имеет металлические оттенки и может отображать детальные изображения на своей поверхности, каждая чешуйка может подстраиваться под определённый угол, то есть способствовать передвижению или определённой направленной защите, либо в коммуникационных целях, что показывает на существенную развитость их тактильной системы, хотя насколько она спродуцирована технологически пока что не ясно. Монстр говорит, что это универсальные трутни, кожный покров этих существ имеет повышенную защиту от радиации, под ним даже отдельный контур кровообращения с другим химическим составом несущим высокоактивные элементы способные защитить от суровых экологических условий, это полностью автономный контур метаболизма, но в нём есть односторонние сочленения с общим контуром основного жидкого оборота в организме для репликации некоторых метаболитов, интенсивность чего регулируется в зависимости от физических условий. Эволюция в космической среде в разных звёздных системах обусловила адаптацию через сложный морфогенез, который судя по всему был уже технологическим, на них много техногенных устройств пластично дополняющих их тело, словно органичный скафандр с ионизирующими источниками выполняющими некоторую пищевую или энергетическую роль, они общаются словно кальма-

ры меняя свой цвет, могут изображать что угодно, могут становиться визуально невидимыми за счёт имитации всего, что происходит за ними в любых доступных диапазонах излучения, в любом визуальном ракурсе. Подобные существа генерируют собственное электростатическое поле, словно электрические угри, общаются через него, читают мысли и передают свои, что способствует неуловимости. Вокруг повсюду летающие универсальные устройства похожие на головноногих, они имеют много конечностей и манипулируют предметами удалённо, словно сервисные технические манипуляторы общего назначения, возможно это механические создания не имеющие своего разума, они координируются неким центральным разумом, так они и были рудиментированы в интеллекте и технологизированны до максимальной манипулятивной пластичности, это руки серверного интеллекта.

Ситуация в целом напоминает подготовку к большому празднованию, много знаменательных элементов и царящая атмосфера радости, похоже на оккультизм вселенского масштаба, по краям аллей сокрытые парящие сущности в багровых балахонах из материала ведущего себя разумно. Монстр говорит, что это местные хранители серверного разума, они контролируют и рассчитывают рост жизни окружающих их популяций, сейчас они сопровождают шествие к которому присоединяются всё больше загадочных и формально неведомых особ, которые явно отличаются функционально и морфологически, – следствие длительных эволюционных и

эмбриогенетических процессов. Похоже, что мы вовремя попали на бал-маскарад.

Летающий мобильный электронный вещатель похожий на управляемый изнутри плазмод: «Чтоб жить дольше, нужно умирать заранее, пресыщая плоть переживанием агонии, чтоб та ускорялась в полыхании касаясь адских жал огня, словно плети преисполняют болью испуга тяглое животное, щелчками, щелчками, копыта цокают о грани шлифованных дорог истечением судеб, блестит, мерцает бриллиант мироздания скованный жаром и давлением в неистовых перепадах рождений и погибаний звёзд, вон она, катится жизни секунда во вселенском жесте, перетягивает скатерть субстанции вещественной, а та в сопротивлении не поддаётся, но покорствуется предстоящему ей закону, что оседлали образования органические, выныривает из себя, но тут же в себя входит, плескается грацией в размахе незримых орбит, масштабом, какого не видно, свет не успевает запечатлеть весь спектр последовательности событий, теряет форму отображающую бесконечность, та подвластна лишь смыслам, у нас есть калькулятор семантический, можно сделать расчёт и увидеть, что, откуда и куда исходит, наша жизнь подобна растущей вспышке, но с управляемым и осознанным вектором».

Фея: «Млеют страстные окна в зареве пышном, отблес-

ки бликов запырявают в мысль, взглядом пройдуь по ним, не более, достаточно, чтоб разбить на высокосодежательные осколки плоскость мира, чтоб скрежетом сыпучим томилась дюны в пустыне, преисполнив песчаные бури собой, с ними на головы осыпятся зазоры стекольные, сквозь которые проистекает целый бытийный миг, да что там, необъятность немьслимая в должной степени вольности, видится лишь прозрачность отсутствия, но не видится величие её явления, словно некому, никак и нечего».

Рот на лбу: «Пропашая ноша прощально жестикулирует по непроторенному вектору.

Но прощается с чем? С вечностью, больше не с чем, единственная кою не одолеть, не съесть, не выкинуть, незримый безмолвный роман, бренной формацией по полотну её роковым жестом с жизнь длинную, лишь промежуточный элемент цепи длящейся от безграничного к безпредельному.

Чего здесь ещё нет? Всё есть, но многого ещё не было, паскуда зверская под названием жизнь трусостью ограничена, не за свершениями метит, а за наживой, нужно её накормить вкусом мысли неограниченной, обнажить мелочность природы во взгляде вселенной, уровень мартышки увидевшей очки, но не поведавшей что видится сквозь таковые.

Беруь раскрыть вам величие творения космического, всем обошедшимся с ним, как с привычкой видеть во всём собственное приспешничество на уровне легкомысленной

дикости».

Выпрыгнуло из груди биение и скачет амплитудой пульсирующей в даль.

Что за явление? Покуда изводит свой край? Неведомо, но и поведать некому, обрамлены похотью и прихотью судьбы и рамки желаний, некому выскочить за собственные рамки, но однажды некто выскакивает и тащит за собой, словно зверя убитого за предел выволакивая только с целью одной, остаться подольше и дальше видеть, за чем выстроен удел сего мира.

Разразился вольный жест событий, это праздный вылет духа.

Ни то ли годом именуется? Весна, лето, осень, зиму не тронь, слишком холодно, она отверженно топит быт в глуши, в снега заносит и прячет под покровом все следы, время спокойствия и томного скрежета горящих дров, но не спрятать сует новизны, мерцают в небе очаги прогресса сквозь несметность абсолюта, то ведь искры столкновений молота и наковальни всеобъемлющей, что зажгли свет во тьме и сковали жизнь, словно заводской обычай.

Ещё одурманенный лилиями цветочник (похоже уже хронически): «Прозрачная безконечность, подобно прозрачное бельё на даме,

Хитросплетения кружевов требующие покорения, побуждают жажду избавиться от наряда и пресытиться плодом им укрываемым,

Аппетит, выныривающее из плоти вожеление, возрастает интенсивность метаболизма, словно волна нахлынув вытягивает вектор деяний за грани постигнутого,

Остаётся лишь проникнуть, взмыть и раскинуться до широт незримых,

Сохраняя тёплый след вселенского полудня».

Индивидуальный электронный вещатель, который оседлала фея: «Нас бесконечность плела, ни разу не устала, ни разу не отказала,

Своевременно успела подсказать, и форму, и меру, и метод, вариативность определила вероятность,

Чем больше, тем лучше, тем меньше издержек, проносится мимо лишь когнитивное отсутствие, материя не наделённая разумностью, не сумевшая взойти из бездушности к боготворению,

Не всё определяет случай, неограниченное/неорганическое имеет свойство творчества, формируя контуры основ, от прямой инерции до управляемого роста, далее всё мысль создаёт и возносит оформленность, осталось лишь встретиться на другой стороне с иной осознанной поточностью масштабом большим чем мы, сплести новый узор статистически взошедший к просторам, от того, что стало тесно и

душно, как когда-то произросло зерно экспансивности жизнью».

Постепенно растущее шествие по магистральному тоннелю вывело в зал с большой смотровой площадкой выходящей на сокрытую от Земли сторону Луны, на боковых стенах отображаются реалии космического пространства, в данных местах всё словно живое, реагирует на каждое движение, на каждое чувство и мысль, стены, интерьер, технические элементы, но удивительней другое, сияющий младенец здесь, он спрятан за Луной, все собравшиеся особы замерли в тиши и словно ожидают свершения, смотровая площадка размером с побережье океана наполнилась миллионами невиданных существ, сознание наливается приятным спокойствием, младенец радуется и машет нам рукой в качестве приветствия, я впервые вижу, чтоб он обращал внимание на обитателей, обычно он сияет во все стороны и смотрит словно сквозь бесконечность.

Сияет вечный силуэт пронзая блеском трепещущие нервы,

То самое, что есть восхождение необратимых перемен к просторам низкого сопротивления, если не сказать отсутствующего совсем, ведь нет края во вселенной, туда мы и вылетели насовсем, никак не остановимся, не упрёмся в предел,

Пронизан иронией сюжет, проносится мимо взора цедающего момент, словно было всё предначертано, словно вероятность неизбежного достигает 100%,

Но вдруг понимание ткнётся изнутри в вершину черепа, что 100%-ой гарантированности в жизни нет, 100%-тна лишь текущая действительность, поскольку можно было бы сидеть ничего не делая и ждать предопределённого свершения, то есть однажды вымереть,

А значит, стоило бы делать и двигать мироздания плиты произвольным творческим жестом и мыслью, используя неопределённость действия в созидательных целях, как пространство для маневрирования и то, что способно осуществить манёвры вопреки животным стимулам, ведь если привычка не опора, то привычка это тупик.

Постепенно становится ясно, для чего данное галактическое интерэволюционное скопление органики собралось в кучу, всё внутреннее освещение погасло и внимание каждого из присутствующих сконцентрировалось на младенце, подобно на спектакле, к младенцу летит громадная роза, просто огромная, она больше нашей планеты в десятки раз. Для чего она? Откуда она взялась? Неужели дама в красной шляпе имеет к этому отношение, бумажная подсказка-ребус в виде розы, или это приглашение, как и звучало по её словам, о котором она сама ничего не ведаёт? Зрелище поистине эпохальное и немислимое в масштабах, вся га-

лактика внемлет сие телевизионно, трансляция математическая для других младенческих/солнечных систем, события передаются не из визуальных и информационных образов отсрочено по энергетическим каналам связи, а из локальных технологических расчётов каждой солнечной системы и без задержек, местными вычислительными коммутаторами, словно экстрасенсорная телепатия, но сугубо технологическая, расчётная, в ней нет произвольных недостоверных измышлений, исключительно физико-динамический вычислительный расчёт обстоятельств из математического прогнозирования и заранее запланированных событий с учётом их последующих локальных и коммуникационных коррекций, расчёт траекторий динамики и статистики наиболее достоверных/недостоверных вероятностей в событиях и обстоятельствах начиная от фундаментального физического уровня и заканчивая на любом другом материальном уровне.

Всё происходящее становится словно день ясный в голове, что-то раскрывает данное понимание в мыслях, некая архивная атмосфера проливающая на все загадки или неясности когнитивный свет. (когда расстояние исключает их возможности быстрого прямого сообщения, коммуникации происходят вычислительным способом, но и совместно с удалённым для коррекций и уточнений, что во многих случаях доходит до точности эквивалентной действительности, такие у них вычислительные технологии).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.